www.lgz.ru

№ 10 (6453)
12–18 марта 2014 г.

Выходит по средам

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

Газета основана в 1830 году
при участии А.С. ПУШКИНА

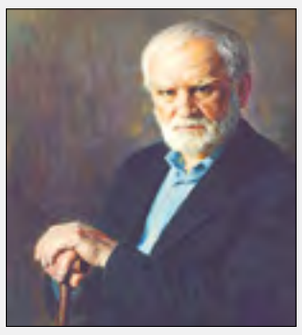
Издание возобновлено в 1929 году
при поддержке М. ГОРЬКОГО

Literaturnaya Gazeta
EUROPE: D – 2,20€; A - 2,30€; B - 2,30€; PL – 12,90 PLZ; L – 2,30€; CZ – 75,00 CZK; H – 720 HUF; SP – 2,50€; I – 2,50€; GR – 2,50€; CYP – 2,50€; TR – 5..00 TRL; CH – 3,50 CHY; GB – 1,80 GBP; DK – 20,00 DKK; S – 25,00 SEK; NOR – 25,00 NOK; E – 15 EGP; USA – 2,50 $; C – 2,5 CAD
Международное издание

В НОМЕРЕ

Интересы и ресурсы
Исследования во многих странах показывают, что прямой зависимости между приватизацией и повышением эффективности не существует.
СТР. 3

Его заря не догорает
Юбилейная выставка заслуженного художника России Олега Бороздина называется «Свет добра». Эти два слова выражают суть творчества мастера из Вологды, чьи работы известны далеко за её пределами. Художнику удалось даже заставить позировать Василия Белова. И это лучший портрет автора «Лада».



СТР. 8

«Не всегда нужно быть первым»
Если Западная Европа и далее будет развиваться так же, то надежды в деле сохранения цивилизации остаются только на Россию...
СТР. 9

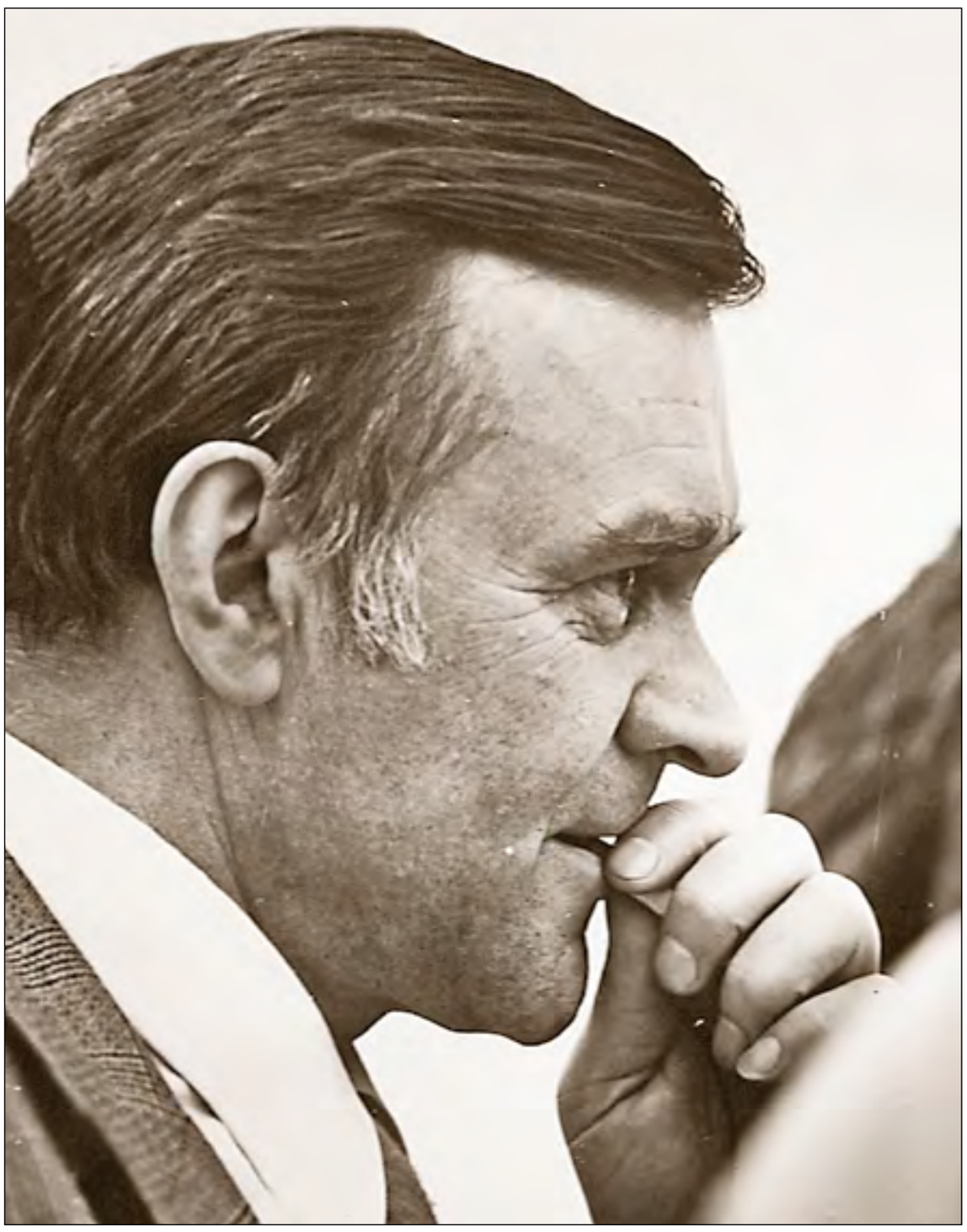
«Чёрные дыры» пенсионной реформы
В последние дни прошлого года Госдума приняла пакет законов о пенсионной реформе. По мнению одних экспертов, новая система позволит ликвидировать несправедливость при начислении пособий, а по мнению других – лишь запутает сограждан и снизит зависимость размера пенсии от стажа и заработка. Кому верить?
СТР. 12

Эльфы городских джунглей
Любой подросток – это клубок противоречий. Он разрывается между попыткой самоутвердиться и неумением это сделать. Стремится к идеальному, но ненавидит, когда его воспитывают. Не отсюда ли его конфронтация со взрослыми, его увлечения модными субкультурами?
СТР. 14

На прошлой неделе наш сайт www.lgz.ru посетили 32 652 человека. Заходите!

Выбор Бондарева

90 лет писателю-фронтовику



Вадим КРОХИН

О роли писателя в обществе в последнее время не говорит только ленивый. Предлагаются разные рецепты, высказываются мнения разной степени смелости, выстраиваются системы взаимоотношений литераторов с государством, обществом, миром. Многие судьбоносные вопросы всё ещё остаются без ответа. И как-то не сразу вспоминается, что писатель, ответившей на всё своей судьбой и жизнью, у нас был и есть. Это блистательный рыцарь русской литературы Юрий Бондарев, отмечающий в эти дни 90-летний юбилей.

Когда думаешь о нём, о его творчестве, словно слышишь залпы победных салютов 1945 года, словно проживаешь заново жизнь его персонажей, полную смысла и драматизма, словно становишься вместе с ним героем времени Бондарева. Времени долгого и насыщенного переживаниями, но неизменно расставляющего всё на свои места в той иногда еле заметной, пунктирной, но неизменной в приоритетах подлинных человеческих и творческих достоинств шкале. Всё это заставляет искать некий тайный ключик к хрустальному ларцу с его книгами, чтобы всё же открыть его и сполна насладиться художественными открытиями, затаив дыхание пройти по лабиринту его сюжетов и счастливо вздрогнуть оттого, сколь велика и бесспорна сила русского слова.

Если следовать какой-то непостижимой логике чисел, то нынешние годы Юрия Бондарева – это помноженное на два число 45. Не было, пожалуй, в XX веке более судьбоносного и важного года, чем 45-й. Бондарев из того великого поколения ушедших на фронт 20-летних, которые принимали на себя командование как ротами, так и полками, которые никогда не позволяли знамени упасть на землю. Сам Юрий Васильевич на фронте был командиром артиллерийского орудия. И таким командиром он остался навсегда. И не потому, что имел склонность и желание командовать, а в силу того, что никогда не боялся брать на себя ответственность, вызывать огонь на себя. И когда писатель на 19-й партконференции 1988 г. перед всем Политбюро ЦК КПСС, ведущим страну к катастрофе, сравнил перестройку «с самолётом, который подняли в воздух, не зная, есть ли в пунктах назначения посадочная площадка», он знал, что за ним – его читатели, не прощающие малодушия, его народ, традиционно проклинающий трусов. И потом он смотрел на организовавший его травлю псевдодемократический бомонд с таким же холодным презрением, как в лицо врагу на войне. И позже, отказавшись принять орден из рук Ельцина, он был верен своим ценностям и представлениям о правде, порядочности, благородстве, а не сиюминутной конъюнктуре. Наверное, поэтому книгам его веришь безоговорочно, в них есть последняя авторская правота, а это едва ли не самое главное качество большой литературы.

Продолжение темы на стр. 4 и 15

КНИГА НЕДЕЛИ

● Гуидо Карпи. **Достоевский-экономист:** Очерки по социологии литературы. – М.: Фаланстер, 2013. – 224 с. – 1000 экз.

Преподаватель русской литературы в Пизанском университете, автор статей и монографий о русском модернизме, Карпи о творчестве Достоевского писал уже неоднократно и всякий раз – под неожиданным для академического литературоведения ракурсом. Вопрос о влиянии социальных и экономических факторов на поэтику русской классической литературы, когда во главе угла представление об исторической реальности как о единственном объекте искусства, способен удивить многих. Но ведь мы допускаем, что сознание литератора вырабатывается в определённой среде, существующей в системе своих координат, следовательно, и его творчество напрямую формируется в зависимости от этой среды, социума...

Карпи замечает, что пока Фёдор Михайлович «влачил дни на каторге», его брат Михаил Достоевский в своём неоконченном романе «Деньги» заложил столь перспективную для будущего классика линию: финансовые операции оказывают «всепоглощающее и потенциально разрушительное воздействие на личностное самовосприятие и на межличностные отношения».

Да и сам Достоевский в его взаимоотношениях с деньгами – весьма любопытная тема для исследования. В книге она прослеживается от ранних произведений писателя, когда в России 1850-х одна за другой шли волны финансовых спекуляций, рос буржуазный аферизм, когда в стране радикально изменился образ мышления населения. Возникло убеждение, что теперь не надо много и трудно работать, что внутри «общества, раздробленного на группы и индивидов, неспособных принять общую ценностную парадигму и склонных к столкновению разрушительного характера», деньгами можно овладеть лёгкими и быстрыми способами. Причём мораль и нравственность тут не должны приниматься во внимание. Многие герои Достоевского – носители этой новой психологии. Их движущий мотив, который становится и главной коллизией произведения, – «деньги до зарезу нужны».

Карпи даже проводит «опыт статистического анализа» на тему денег и агрессии в «Братьях Карамазовых». И приходит к выводу, что, как правило, добытые не трудом и умом деньги и ценности никакой не имеют, и счастья не гарантируют...

Читая книгу Карпи, увы, находишь много общего с днём сегодняшним.

АКТУАЛЬНО

Долгая дорога домой

Репортаж нашего специального корреспондента из Крыма

Представьте: вы попали в русский город. Он русский, все вокруг вас говорят только по-русски – в кафе и на рынке, на улицах и в госучреждениях, в магазинах и библиотеках. А между тем всюду вывески почти исключительно на украинском языке (кроме частных предприятий). Вы заходите в магазин – полки заставлены продуктами с надписями на украинском языке. Если продукт произведён западнее Днепропетровска – вы, возможно, найдёте на нём надпись на молдавском, но вряд ли – на русском. Лекарств я не покупала, но мне подтверждали: там тоже всё на украинском. Вы включаете телевизор, щёлкаете кнопками, переключая каналы, – и всюду вам объясняют, что вы – украинец. И что «в Украине» все равны. Но на украинском. И украинцы. И так – двадцать лет. Представьте себе это.

Я захватила с собой в Севастополь детские книжки. Увидела просьбу детских библиотек на севастопольском форуме. Но мало ли что пишут на форумах, и я пожалела себя: привезла только четыре. Им обрадовались так, что я немедленно устыдилась, что не захватила хотя бы дюжину. «Государство нам присылает только украинские книги, – говорит кроткая девушка-библиотекарь из библиотеки имени Гайдара. – Русских очень не хватает. Приходится выпрашивать». В книжных магазинах ситуация зеркальная: здесь практически нет украинских книг, только русские. На моё удивление и рассказ про библиотеки продавец хмыкает и говорит: «Ну так они получают от государства. А мы ориентируемся на спрос. Украинские книги никто не читает». И насмотревшись на это, наслушавшись этого, утверждаешься в мысли, что ты – на Русской земле, смети вывески – и получишь Россию.

Не всё так просто.

Хозяйка гостиницы намётанным глазом распознаёт во мне журналиста. «Откуда только к нам не приезжают, – жизнерадостно сообщает она. – И все видят то, что хотят увидеть. Вот вы, например, о чём хотите писать?» Я осторожно отвечаю, что меня интересует, чего хотят сами крымчане. «Это правильно», – соглашается хозяйка. И, внезапно пригорюнившись, выдаёт: «Мы не против Украины. Но...» Эту фразу я потом услышу много раз. «Мы не против Украины». И потом большое «но». Временами – просто огромное. В случае хозяйки «но» включало и теснейшие родственные связи с Россией, и стремление в Россию крымской молодёжи, и тяжкий опыт знакомства со Львовом. «Ездили мы с мужем во Львов, пошли на балет, а там программка на украинском, на польском и на английском. Я их спрашиваю: а где же на русском? Они мне даже не ответили, представляете? Зашли мы там в популярный бар, по стенам развешана фашистская амуниция, всюду фашистская символика. Местные смеются, им это кажется прикольно, а мне стало страшно. Как так можно? У нас в Севастополе это нельзя никогда! Что если эти дьяволы придут к нам?»

РИА «Новости»

Дьяволы. Бандеровцы. Чернокнижники. Фашисты. Их называют по-разному. Их в Крыму не хочет никто. И это рождает тихую панику. Люди совершенно уверены, что Украина по-доброму Крым не отпустит. В поезде «Москва–Севастополь» мне удаётся скрыть в себе журналиста. Со мной беседуют просто как с россиянкой. Красивая женщина, жена военного украинской армии, хмурится слегка неприязненно. «Врут ваши СМИ, – говорит она мне. – Пишут, будто украинская армия в Крыму сдаётся добровольно. А они сдаются не добровольно, а под дулом автомата». Я спрашиваю, поддерживает ли она митинговавших в Киеве.

Окончание на стр. 2

ОЧЕВИДЕЦ

Цензура совести

«Я не понимаю, какие такие могут быть традиционные ценности?» – с иронической искрой в глазу признался гость интеллектуальной телевизионной программы.

Не хотелось верить своим ушам. Если бы это был свой брат, циничный журналюга, живущий по принципу «бабло побеждает зло», в этих словах не было бы ничего удивительного. Но подчёркнутую непочтительность к традициям проявил просвещённый господин, глава уважаемого социологического агентства. Я, впрочем, сообразил вскоре, что этот странный в устах почтенного учёного нигилизм носит исключительно избирательный характер: он ставит под сомнение лишь те ценности, которые приняты в любезном, простите, скорее, в нелюбезном известному социологу отечестве. Если бы речь шла о так называемых цивилизованных странах, то всякая приверженность к устоявшимся взглядам и чувствам вызывала бы почтительное восхищение.

Вспомните увлекательную голливудскую киносказку «Спасти рядового Райана». Наши либеральные гуманисты всерьёз были растроганы тем, что кинематографический Пентагон чуть ли не всю мощь Соединённых Штатов сосредоточил на том, чтобы выручить из беды одного-единственного солдата. Намерение защитить внутреннюю душевную идентичность нескольких миллионов русских по образу жизни и мысли людей, конечно же, трактуется ими сегодня как извечное российское варварство.

Некоторые особо «продвинутые» мыслители как будто бы дали страшную клятву: традиционную русскую привязанность к своей Отчизне, своей культуре, к своему восприятию мира объявить всё тем же родовым пятном проклятого тоталитаризма.

Помню, как потрясены были прекраснодушные шестидесятники, когда вслед за обличением официальных советских ценностей радикальные критики взялись за дискредитацию Булата Окуджавы. У меня не умещалось в голове: Окуджава, «наше интеллигентское всё», певец пушкинской и блоковской «тайной» свободы в её новейшем изводе, поэт, самую убогую обыденность наполнявший лирическим волнением, чем же он не угодил неистовым либералам?

Теперь понимаю: именно в этой лирической искренности, в душевном отклике на скудость народного бытия им чудилась ненавистная совковость. Один мой приятель с прокурорской въедливостью уличал поэта за строку великой песни: «А значит, нам нужна одна Победа, одна на всех, мы за ценой не постоим!» Как он смел написать такое?! Это же оправдание сталинской стратегии! Он должен был вложить в эти отчаянные горькие стихи взвешенную либеральную осмотрительность и сочинить нечто такое: «Нам, конечно, нужна победа, однако с учётом всех привходящих факторов и обстоятельств». Очень получилась бы волнующая и, главное, политкорректная песня! От которой уже один шаг до скандального сомнения в необходимости отстаивать Ленинград во время блокады, особенно уместного в дни трагического юбилея.

Позволю себе одно сравнение. Как известно, День снятия блокады совпадает с Днём поминовения жертв гитлеровского холокоста. Так вот вообразите, что во время поминального митинга некто поднялся бы на трибуну и произнёс примерно такие слова: «Конечно, мы отдаём дань памяти погибших в лагерях смерти. Но давайте вспомним о том, что многие евреи были коммунистами, служили в ЧК и в НКВД. И что среди плутократов-капиталистов тоже немало евреев...»

Как бы вам понравилось такое историческое извлечение в святой день?

Бывают события, когда за подобным желанием якобы всё понять и всё уравновесить, везде и всюду найти оборотную сторону обнаруживаются пошлейшая нравственная глухота, заурядная чёрствость души, а называя вещи своими именами, весьма условная любовь к своей стране и к своему народу. Бывают вещи, которые не следует сыто и благополучно обсуждать не из опасения цензуры, а по требованию совести.

Я иногда слушаю по радио историческую программу «Цена Победы». Её пафос всё тот же политкорректный объективизм, разоблачение патриотической мифологии и просвещённый скепсис по отношению к упомянутым традиционным ценностям. Есть ли в России бóльшая ценность, нежели упрямая вера в то, что во время Великой Отечественной войны наше дело было правое и только благодаря этому Победа оказалась за нами? Напрямую авторы программы её как бы не отрицают. Однако уснащают таким количеством оговорок, намёков, подначек, подковырок и околичностей, что осознание героизма народной судьбы как-то тихо и незаметно размывается. Уступая место чему? Свободному от мифов мышлению? Строгой научной правде? Увы, полнейшей душевной смуте и растерянности. Во-первых, потому, что правды без мифов не бывает, а миф – это не ложь, это предельная концентрация самых беззаветных представлений и ожиданий. А во-вторых, правда, изложенная в такой лукавой манере, с таким блудливым подтекстом, на таком негативном фоне, неизбежно превращается в свою противоположность. То есть в проповедь дегероизации и пораженчества.

Причём на любом поле – хоть на военном, хоть на спортивном. Когда недавнюю зимнюю Олимпиаду в Сочи не удалось заранее обесчестить, её размашисто заклеймили чуть ли не фашистской. За что? Почему? Исходя из каких соображений? Исключительно на основании причудливого либерального самоощущения, которому претят традиционные нравственные ценности окружающих соотечественников. Такие, например, как простодушная радость по поводу победы «наших ребят». До такой степени претят, что одна воспалённая радиоведущая публично назвала всех патриотов тупыми уродами и погромщиками. Естественно, русских патриотов. Потому что американские, британские и соответственно моменту украинские для неё, не сомневаюсь, безусловно светлые личности.

Что ж, это так мило – испытывать благоговение перед чужими обычаями и нравами. Недаром Честертон замечал, что все хорошие люди любят чужие народы. Но тут же добавлял, что все плохие – ненавидят свой.

Анатолий МАКАРОВ

Точка зрения авторов колонки может не совпадать с позицией редакции

ФОТОГЛАС

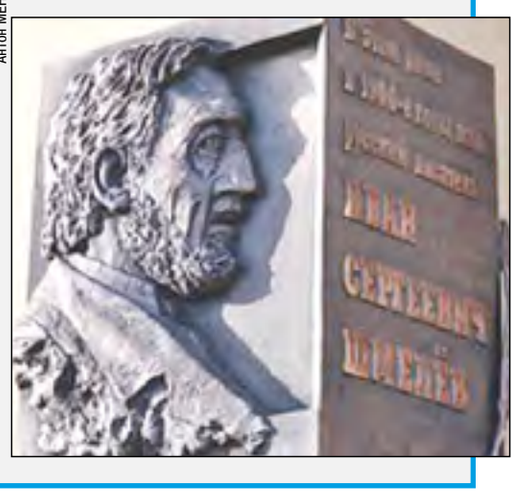
ИТАР-ТАСС

Исполнилось 80 лет со дня рождения первого космонавта планеты Юрия Гагарина. Вселенская слава на него обрушилась, когда ему было 27, а погиб он в 34. Мог ли в 1953-м студент Саратовского индустриального техникума Юра Гагарин (на фото) подумать, что произойдёт с ним и со всей страной.

Антон МЕНЬШОВ

На Васильевском спуске в Москве состоялся митинг-концерт «Мы вместе!» в поддержку жителей Крыма.

Во Владимире установлена мемориальная доска Ивану Сергеевичу Шмелёву на доме, где писатель жил в течение восьми лет, служа чиновником по особым поручениям Владимирской казённой палаты. Акция, прошедшая в рамках Года культуры, – результат совместных усилий Ассоциации юристов Владимирской области, Общественной палаты при областной администрации, Российского фонда культуры. Мемориальная доска выполнена заслуженным художником РФ скульптором И.А. Черноглазовым.



АКТУАЛЬНО

Долгая дорога домой

Окончание. Начало на стр.1

Попутчица с ходу отвергает это предположение: «Я же знаю, за что они умирали. Им платили по триста восемьдесят гривен в день. Когда началась стрельба – по тысяче гривен. А у меня зарплата – две тысячи гривен в месяц, люди у нас бедные. Они умирали за деньги». Я интересуюсь, узнала ли она об этом из украинских СМИ. «Конечно, нет! – отрубает она и рассказывает дальше: – В питьё им подмешивали наркотик.

У нас у одной женщины митинговали двое сыновей, вернулись, привезли две тысячи долларов, оба неадекватные. Она забеспокоилась, заставила их сдать кровь на анализ, и в крови нашли наркотики». (И про деньги, и про амфетамин в крови участников киевского переворота я услышу в Крыму ещё не раз.) Я меняю тему: «Вот у вас муж – украинский военный, а вы с ребёнком говорите по-русски. А с мужем как?» Она смотрит на меня удивлённо: «И с мужем по-русски. И сами они в части между собой говорят по-русски, только когда начальство приезжает – по-украински. Рапорты и приказы тоже по-украински». Тут она вздыхает и выдаёт неожиданное: «Уж я говорила мужу: прими ты российскую присягу. А он боится. Вдруг, говорит, всё назад вернётся. Кто я тогда буду? Дезертир?»

Он боится. В Крыму боятся многие. Боятся потерять уже потерянные крохи в виде пособий и премий, которые два последних года давал Крыму Янукович. Боятся, что «всё вернётся назад», и тогда всех бунтовавших строго накажет киевская хунта. «Мы вообще перестали смотреть украинские телеканалы, мы боимся, – в один голос говорят мне две интеллигентные женщины из горсовета Симферополя. – Там показывают такой мрак, будто нас всех захватили террористы, будто в Крыму идёт война, там столько лжи!»

На этом фоне общего испуга уверения «мы не против Украины» временами кажутся проявлением стокгольмского синдрома. «Нас все эти двадцать лет ломали через колено», – говорит мне одна из женщин. «Я специально отдала ребёнка в русскую школу, – говорит другая. – И что вы думаете? Там оказались только украинские учебники английского языка. Перевод с английского на украинский. В русской школе. Вы можете себе это представить?»

Проведя в Крыму всего двое суток, я уже могу это представить. Я включаю украинский телевизор. Переключаю каналы. Здесь две песни, две темы. Первая: Украина прекрасная, единая и неделимая, «лучшая в мире страна» (эта цитата, правда, из русскоязычной проукраинской газеты). Вторая: Россия – ужасный террорист и захватчик. Украинские творческие личности рассказывают, как они имеют родных и друзей по всей Украине, единой и неделимой. Например: «Мои батьки живут в Джанкое, я учился в Харькове, а работаю в Киеве». Один за другим, один за другим. Многие не забывают сказать, что они знают «российскую мову», но все выступают по-украински. Наконец, доходит очередь до «журналистки из Москвы, работающей в Киеве», которая по-русски рассказывает, как много в ней намешано кровей «и, конечно, русская». Сеанс любви закончен.

Переключаю канал. Журналист берёт интервью у интеллигентного с виду человека в очках. «Я сам из России, – признаётся он. – Я знаю, что такое сепаратизм в историческом масштабе. Если сегодня отделить часть Украины, завтра развалится Россия. Вы напрасно сразу не арестовали своих чиновников, которые поддержали сепаратизм. Их всех надо было немедленно арестовать и судить за измену!» – человек в очках жестикулирует перед камерой телеканала, поддержавшего государственный переворот.

Переключаю. «Россия действует методами Гитлера при попустительстве западных держав. Мы все помним, к чему привело умиротворение фашизма...» – на очередном канале идёт сеанс ненависти.

Подобного рода телевидение Крым смотрел двадцать лет. Дело даже не в этом. От государства, строящего свою идентичность на отталкивании от русской, трудно было ожидать иного. Беда в том, что этому не препятствовала сама Россия.

Я стою перед большим зданием Верховного совета Крыма в Симферополе. Здесь сегодня было принято решение о вхождении Крыма в состав России, которое должен подтвердить референдум. Здание оцеплено казаками. Из динамиков гремит: «Есаул, есаул, что ж ты бросил коня», потом «С нашим атаманом любо голову сложить». За двадцать лет Россия так и не выковала новых смыслов, не сложила новых песен. Что можем мы предложить крымчанам – не в плане денег, что всегда хорошо, а в плане смыслов, без которых никуда? Я пытаюсь отогнать от себя эти мысли...

Перед зданием кучка людей с российскими флагами, около полусотни митингующих, множество журналистов. Подхожу к пожилой паре, которая напряжённо вглядывается в здание Верховного совета. «Часто сюда приходите?» – «Всегда». – «Ждёте референдума?» – «Очень ждём. Народ Крыма должен сам решить, с кем ему быть...» – «А вы что это, девушка, ходите туда-сюда, да ещё и с картой? Вы случайно не титушка?» От такого предположения я отмахиваюсь руками и ногами. «Я сегодня утром приехала из Севастополя», – говорю чистую правду. От этих слов старики смягчаются и дают мне георгиевскую ленточку. Я охотно повязываю ленточку, но гну своё: «А ведь есть люди, даже в Крыму, которые против референдума...» «Есть такие», – подтверждает стоящая рядом статная женщина. И бросает, поджав губы: «Несчастные люди, отравленные украинской пропагандой».

Такой эпитет, по всем законам жанра, положено возвращать. Но правда в том, что в Крыму очень трудно отравиться российской пропагандой. Её попросту нет. Более-менее доброжелательным к России можно считать лишь телеканал «Крым». А вот крымская пресса – это зачастую антироссийская и никогда не пророссийская пресса. Шестого марта, в день, когда было объявлено о вхождении Крыма в состав России, нелояльные киевской власти (есть и лояльные) крымские газеты писали о том, почему о вхождении в Россию речи быть не должно, а следует говорить о расширении прав автономии и возрождении Конституции 1992 года.

Немного истории. Конституция 92-го года объявляла Республику Крым отдельным государством в составе Украины, которое «добровольно делегирует Украине часть полномочий», имеет государственным языком русский, имеет право развивать сотрудничество с другими государствами... Весь этот красивый перечень ничуть не помешал Верховной раде Украины в 1994 году в одностороннем порядке просто отменить Конституцию Крыма. Тут будет нелишним процитировать ещё одну газету – «Слава Севастополя»: по словам первого зампреда Совмина Крыма Рустама Темиргалиева, «в 2013 году Крым заплатил 2,7 миллиарда гривен налога в центр» и получил из центрального бюджета «менее трёхсот миллионов гривен». Именно в этом длительном дисбалансе многие крымские деятели видят причину конфликта с Киевом, которая будет удалена, как только вернётся Конституция 1992 года.

Вопрос «Что помешает Киеву снова в одностороннем порядке обрезать права автономии, как только утихнут страсти» – даже не риторический. Он смехотворный. Дело в том, что Киев никаких гарантий Крыму и не даёт. Украинская сторона, напротив, объявляет референдум Крыма заведомо незаконным. И однако вопрос об автономии в составе Украины – один из двух, что вынесены на референдум. Он и есть альтернатива вхождению Крыма в состав России.

«Как такое может быть?» – спрашиваю я общественную деятельницу из Севастополя Ольгу Тимофееву. Она смотрит на меня усталыми синими глазами и отвечает: «Ну должны же мы справедливости ради предложить альтернативу». «Как такое может быть?» – спрашиваю ещё одного севастопольского и крымского активиста Николая Рыбакова, показывая вышедшую 7 марта крымскую газету, которая посвятила две полосы нападкам на Россию и на столь желанный крымчанам референдум. «Эти газеты финансируются олигархами, – говорит Рыбаков. – Они просто защищают свои имущественные интересы в Крыму. А Россия никогда не вкладывалась в крымские СМИ». «Есть обида на Россию?» – спрашиваю я его. Помолчав, он отвечает: «Есть немного. Нас бросили на двадцать лет. Это было унизительно. Но всё наладится». – «Уверены?» Он уверен.

Но это – особый город. Город, хранивший российскую историю и живший под девизом «Отстаивайте же Севастополь!» Город, в котором песня с рефреном «С нами Бог и Андреевский флаг» отнюдь не кажется фальшивой или чрезмерно пафосной. В некотором смысле этот город слишком хорош для России: мы провели двадцать с лишним лет в потребительском угаре, а Севастополь – в высокой надежде на воссоединение. Мы становились скептиками, в то время как Севастополь – чтобы остаться русским – должен был оставаться романтиком. Сможем ли мы вдохновиться патриотизмом Севастополя и не разочаровать его? Сможем ли мы наконец-то создать новые смыслы?

Крым – Русская земля, утверждать это мы имеем право. Но это нынче очень бедная земля, где до сих пор ходят электрички раннебрежневских времён, а старики получают пенсии немногим больше пяти тысяч рублей (в пересчёте на российские деньги). Украина не вкладывалась в Крым – напротив, она тянула из него соки.

Однако нельзя думать, что все крымчане только и ждут, чтобы припасть к широкой российской груди. Многие из них боятся, например, российской коррупции, которую мысленно увязывают с необходимостью перерегистрации имущества и получения новых документов. Многие не верят, что Россия наконец решила всерьёз взяться за Крым. Многие попросту свыклись с подукраинским существованием. Это наши люди.

Люди, которые двадцать лет сохраняли русскую идентичность в условиях подавления. Но эти годы не прошли бесследно, Крым перенёс серьёзную травму и в то же время сохранил много своеобычного. Мы должны быть терпеливыми к Крыму. Мы должны понять, что России и Крыму нужно очень многое сказать друг другу.

Татьяна ШАБАЕВА,
СЕВАСТОПОЛЬ–СИМФЕРОПОЛЬ

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА
1971 1979

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ
АНО «Редакция «Литературной газеты»

Главный редактор
Юрий ПОЛЯКОВ

Заместители главного редактора
Алесь Кожедуб,
Леонид Колпаков,
Марина Кудимова,
Игорь Серков

ОТДЕЛЫ:
«Политика, экономика»
тел. 8-499-788-01-06
Игорь Серков,
Владимир Сухомлинов

«Литература и библиография»,
тел. 8-499-788-02-05
Марина Кудимова,
Игорь Панин,
Татьяна Шабаева

«Искусство»
тел. 8-499-788-02-12,
Арина Абросимова,
Алёна Башкирова,
Анна Кузнецова

«ТелевЕдение»
тел. 8-499-788-02-12
редактор Александр Кондрашов,
Олег Пухнавцев

«Общество»
тел. 8-499-788-02-08
редактор Людмила Мазурова,
Владимир Поляков

«Клуб 12 стульев»
тел. 8-499-788-00-53
администратор Александр Хорт

Обозреватели
Сергей Мнацаканян, Лев Пирогов,
Дмитрий Каралис (Санкт-Петербург),
Игорь Гамаюнов

Спецпроекты и приложения
Алесь Кожедуб,
Анастасия Ермакова,
Арсений Замостьянов,
Татьяна Гавердовская

Отдел оформления
тел. 8-499-788-01-13
бильд-редактор
Евгений Федоровский,
художественный редактор
Антон Меньшов

Сайт «ЛГ»
редактор Ольга Моторина
litgazeta.webeditor@gmail.com

Представитель в Санкт-Петербурге и Северо-Западном регионе
Валерий Павлов

Собственные корреспонденты
Александр Самойленко (Калуга),
Юрий Беликов (Пермь),
Жан Миндубаев
(Ульяновская область, Татарстан),
Владимир Шемшученко
(Санкт-Петербург),
Сергей Евстратьев (Республика Молдова),
Юрий Щербаков (Астрахань и Калмыкия),
Лия Иванян (Армения),
Бахытжан Канапьянов (Республика Казахстан),
Ирина Тосунян (США),
Алексей Славин (Германия),
Мария Хамахер (Центральная Европа),
Никита Барашев (Италия),
Светлана Селиванова (Китай),
Евгений Минин (Израиль),
Эдвард Асланьян (Кипр)

Исполнительный директор АНО «Редакция «Литературной газеты»
Александр Перевощиков

Московский тираж – 61 252 экз.
Федеральный тираж – 36 008 экз.
(печатается в Санкт-Петербурге, Ростове-на-Дону, Воронеже, Новосибирске)
Тираж в Крыму – 2500 экз.
Тираж в Европе и США – 6100 экз.
(печатается во Франкфурте-на-Майне)
Тираж в Израиле – 22 050 экз.
Тираж в Великобритании – 9000 экз.
Тираж в Греции – 3000 экз.

Общий тираж
139 910 экз.

Цена договорная
Отпечатано в ЗАО «Прайм Принт Москва», 141700, Московская область, г. Долгопрудный, Лихачевский проезд, д. 5В

Номер подписан к печати
11 марта 2014 г.
Зак. № 1122

Редакция рассматривает все обращения читателей, оставляя за собой право не рецензировать и не возвращать письма и рукописи.

Подписные индексы:
50067, 34189, 84874 и 99168
(для предприятий и организаций)

Подписка и распространение:
тел. 8-499-788-01-12
начальник отдела Анна Феклина

Экспортная подписка – по каталогам «МК-Периодики» и «East View Publications»
Газета зарегистрирована в Федеральной службе по надзору в сфере связи и массовых коммуникаций
Свидетельство ПИ № ФС77-35721 от 20.03.2009 г.

Адрес редакции:
Хохловский переулок, д. 10, стр. 6
Москва, 109028
тел. 8-499-788-02-52

Автоинформатор
и соединение с отделами:
8-499-788-02-10

Электронный адрес:
litgazeta@lgz.ru
Факс: 8-499-788-00-52
Перепечатка допускается по согласованию с редакцией, ссылка на «ЛГ» обязательна.

Ведущий редактор номера Игорь СЕРКОВ

ПОЛИТЭКОНОМИЯ

Интересы и ресурсы

Исследования во многих странах показывают, что прямой зависимости между приватизацией и повышением эффективности не существует

Наш гость – директор Московской школы экономики МГУ, академик РАН Александр НЕКИПЕЛОВ

– Александр Дмитриевич, уже более полутора лет Россия является членом ВТО, пора подвести хотя бы промежуточные итоги. Какие плюсы и какие минусы на данный момент Россия имеет от членства в этой организации?

– В принципе вступление в организацию, которая занимается формированием единых правил игры на мировом рынке, шаг абсолютно необходимый. Ничего драматического для российской экономики не произошло. Крупные шаги всегда являются результатом определённых компромиссов, которые достигались в ходе долгих переговоров. Какие-то наши интересы удалось учесть, какие-то наверняка нет. Но так никогда и не бывает, чтобы в процессе переговоров одна сторона шла на уступки, а другая – нет. Всё дело в балансе интересов. Сегодня надо смотреть вперёд, а не назад. Разумеется, мы должны тщательно отслеживать результаты и вносить корректировку в политику. Но не стоит призывать всё пересмотреть и начать сначала. Да это и не получится. Оценивая последствия международной конкуренции для различных отраслей экономики, надо осваивать механизмы ВТО и использовать их в своих интересах.

– Но есть отрасли, которым членство России в ВТО осложнило и без того непростую жизнь. Например, сельское хозяйство...

– Да, ситуация там осложнилась, а конкуренция с зарубежными товаропроизводителями усилилась. Но я не могу сказать, что сельское хозяйство поставлено в безвыходное положение. Нужен точечный анализ сложившейся ситуации. Там, где положение становится тяжёлым, оказывать помощь. А где-то конкуренция играет оздоровляющую роль и способствует мобилизации ресурсов и возможностей. В целом же никаких трагических последствий от вступления страны в ВТО я не вижу. Общий баланс плюсов и минусов со временем будет положительным.

– Недавно президент сказал, что наблюдающийся экономический спад обусловлен внутренними, а не внешними причинами. Что это за причины?

– Президент страны сделал очень важное заявление. Наша экономика очень серьёзно зависит от внешних факторов. Но ведь эта проблема существовала и раньше. Экономический кризис 2008 года мы прошли тяжело, с очень большими потерями. Предкризисный уровень восстановили довольно быстро, и поначалу казалось, что мы возвращаемся на траекторию динамичного роста, который был в период с 2000 по 2008 год. К сожалению, выяснилось, что это не так. Экономика начала буксовать. Темпы роста стали падать. Сейчас они близки к нулевой отметке. Особенно заметно это в промышленности, что не может не вызывать серьёзных опасений.

– А в чём причина?

– Нынешняя ситуация отличается от той, которая была в период с 2000 по 2008 год. Тогда мы использовали, и достаточно эффективно, такой фактор, как наличие серьёзных незагруженных мощностей в экономике. За счёт их загрузки мы обеспечили быстрый рост экономики. Другое дело, что у нас были обоснованные претензии к качеству роста. Не удавалось произвести кардинальные перемены в структуре экономики. Тем не менее это был период благоприятного экономического развития. Он привёл к заметному улучшению социальной обстановки в стране, повышению доходов населения.

После кризиса 2008 года мы попали в несколько иную ситуацию, к которой оказались не подготовлены. Начали сказываться последствия того колоссального недоинвестирования в нашу экономику в 1990-х годах. Сейчас свободных мощностей мало. Кроме того, начался процесс интенсивного выбытия устаревших и изношенных мощностей и оборудования. Кое-что в период с 2000 по 2008 год удалось сделать, и определённые опрные точки современной экономики возникли. Но они не компенсируют те огромные технологические потери, которые страна понесла в 1990-е годы. Сейчас мы вступили в такой период, когда в течение ряда лет нас ожидает ежегодное выбывание производственных мощностей в объёме двух процентов ВВП. Это кардинальным образом меняет всю воспроизводственную ситуацию и стоящие перед нами задачи. Рост ВВП в два процента обеспечивает только стояние на месте. А России надо развиваться быстрее экономически развитых стран, чтобы сокращать существующий между нами разрыв.

– Эти идеи и заложены в основу доклада «Россия на пути к современной динамичной и эффективной экономике», написанного вами с Сергеем Глазьевым и Виктором Ивантером?

– Та общая идея, которая объединила всех авторов доклада, вытекает из понимания сложившейся ситуации. Все мы согласны с тем, что ключ решения проблем – в усилении инвестиционного процесса. Дело не в том, что инвестиции в принципе важны. Сегодня из-за сложившейся ситуации с ежегодным выбыванием производственных мощностей они нужны в многократно большем объёме. Проблема модернизации приобретает жизненно важный характер. И инвестировать надо не в создание мощностей прошлого века, а в создание современных мощностей.

– Возникает вопрос, а решаема ли такая задача в принципе?

– Правительство России и та группа экономистов, на чьи оценки и мнения оно опирается, исходят из того, что главные проблемы лежат в сфере институционального несовершенства экономики. Они призывают совершенствовать механизмы функционирования экономики, бороться с коррупцией, улучшать работу судебной системы. Говорят о необходимости структурных реформ.

– Причём говорят о них уже более 20 лет...

– Важны ли те проблемы, о которых говорят правительство России и близкие к нему экономисты? Важны. Но следует ли из этого, что, пока не будут решены эти проблемы, ничего другого сделать нельзя? Нет. При всей важности структурных реформ нужны и серьёзные усилия за их рамками. Необходим перелом в экономическом развитии страны. И возможности для этого имеются. У нас достаточно высокая норма сбережений и низкая норма инвестирования. Куда исчезает разница? В значительной степени она уходит из страны.

Инвестиции требуют ресурсов. Необходимо принятие комплекса мер, которые были бы направлены на более полную трансформацию наших сбережений в инвестиции. У нас есть достаточно серьёзные накопленные ресурсы, которые пока в значительной степени используются для вложений в ценные бумаги американского казначейства. Накопленные золотовалютные резервы чрезмерны.

Сегодня есть возможность использовать часть резервов для инвестиций в стимулирование процесса модернизации. Роль государства в развитии экономики очень велика.

РИА «Новости»

Государство, инвестируя в крупные инфраструктурные объекты, модернизацию предприятий, способно активизировать и частный сектор. Если государство построит дорогу, вокруг неё возникнет жизнь. А пока дороги нет, у частника нет желания что-либо делать в этих местах.

В докладе мы постарались показать, каким образом можно мобилизовать и использовать ресурсы для модернизации страны. Необходимо и совершенствование самого государства как важнейшего субъекта экономики. Одной борьбы с коррупцией явно недостаточно. Надо отказываться от таких нелепостей, когда приход нового министра ведёт к замене чуть ли не всех сотрудников министерства. Каждый считает своим долгом привести людей, которым он доверяет. Государственная служба должна быть независима от подобных перемен. Да, новый министр и его заместители формулируют политические акценты, и аппарат обязан их выполнять. Но это не повод менять весь аппарат министерства. Иначе люди будут чувствовать себя временщиками – со всеми вытекающими из этого состояния последствиями. Это очень серьёзная проблема, и её обязательно нужно решить.

– Что можете сказать о приватизационных планах правительства России?

– Государство остаётся достаточно крупным собственником. Существует конфликт интересов государства как собственника и у исполнительной власти как регулятора. В одних случаях он проявляется в том, что государство создаёт для тех фирм, в которых имеет собственность, особые, парниковые условия и тем самым деформирует конкурентную среду. В других случаях государство возлагает на «свои» фирмы совсем не рыночные задачи, решение социальных вопросов. И это тоже изменяет условия конкуренции. Конечно, и те и другие меры негативно влияют на рыночную среду.

К сожалению, действия правительства отмечены наивным стремлением решить серьёзные проблемы за счёт каких-то чудодейственных рецептов. Только верой в чудодейственные средства могу объяснить «приватизационные прожекты» правительства, которые оно толком не объясняет. Оно заявляет, что надо как можно скорее избавляться от государственной собственности. Нет собственности – нет и конфликта интересов. Такое решение является вульгарным. Когда вы что-то приватизируете, то должны чётко понимать, куда пойдут вырученные средства. Но ведь правительство внятно не говорит, что оно собирается с этими деньгами делать.

– Заявляют, что деньги поступят в бюджет страны...

– Это можно понять так, что государство собирается вырученными от приватизации деньгами закрывать дыры в бюджете. Хотя прямо так не говорится, потому что такая позиция очень уязвимая. Ведь если вы постоянно станете закрывать дыры в бюджете таким способом, то через несколько лет у вас останутся дыры, но не останется собственности и доходов от неё.

– Либералы утверждают, что фирмы с государственным участием в принципе менее эффективные, нежели частные. Вы согласны с этой «аксиомой»?

– Это чистая идеологическая мишура, далёкая от реальности. Серьёзные исследования итогов приватизации, проводившиеся во многих странах, показывают, что никакой прямой зависимости между приватизацией и повышением эффективности не существует. Мировой опыт приватизации обобщил академик Полтерович, доклад которого вышел осенью прошлого года. Не надо искать панацеи ни в приватизации, ни в её запрете. Необходим спокойный и прагматичный подход.

Настала пора отказаться от правильно звучащих, но пустых по сути аргументов. Например, заявляют, что созданы все условия для продажи государственных активов по справедливой рыночной цене. Продажа по рыночной цене – необходимое условие, но оно не является достаточным. Любой нормальный собственник, имея высокую отдачу от своего актива, не станет его продавать, просто из-за того, что ему предложили «рыночную цену». Но государство, по логике правительства, почему-то не должно при принятии решений о продаже принадлежащих ему активов ориентироваться на соотношение выгод и потерь. Абсурд! От такого рода фальшивых аргументов – фальшивых с точки зрения рыночной теории – надо отказываться.

– Алексей Кудрин и другие либеральные экономисты объясняют проблемы нашей экономики «ресурсным проклятием». Вы же в одном из интервью, не согласившись с ними, заявили, «что настоящее проклятие – это когда страна оказывается неспособной использовать доходы, которые она получает от разработки природных ресурсов»...

– Что это за экономическая система, при которой важнейший продукт оказывается проклятием?! Если стоять на этой позиции, то многие происходящие в мире процессы нельзя объяснить. С какой стати тогда США и Канада вложили огромные средства в добычу сланцевого газа? Решили, что им «сырьевого проклятия» не хватает? Наоборот, в мире существует жёсткая конкуренция за доступ к ресурсам. Да, когда в страну, экспортирующую энергоносители, идёт мощный поток валюты, возникает проблема, как её использовать...

– Не самая страшная из проблем!

– Конечно. Нередко отказ вкладывать деньги в экономику мотивируется тем, что их непременно разворуют. Я не понимаю этого аргумента. Что мешает создать в организации, занимающейся инвестированием средств в экономику, наблюдательный совет из представителей бизнеса, РСПП, Торговой палаты и т.д., которые бы контролировали процесс отбора проектов и их реализации? Речь же не идёт о том, чтобы просто передать победившей на конкурсе компании мешок денег!

– Часто сетуют на то, что в стране нет хороших проектов. Согласны?

– И это, по моему убеждению, из разряда фальшивых аргументов. В чём легко убедиться, обратив внимание на масштаб заимствований российского частного сектора на мировых финансовых рынках.

– Под занавес беседы задам пару вопросов, сильно волнующих граждан страны. Правительство решило облагодетельствовать народ энергопайками. Если эта инициатива – следствие реформы РАО ЕЭС России, то, быть может, надо реформу пересмотреть? Начиная её, инициаторы обещали снижение цен на электроэнергию в результате конкуренции. Как всегда, обманули. А теперь обманутый народ будут грабить ещё раз? Что вы думаете о затее с энергопайками?

– Это свидетельствует о неэффективности функционирования отрасли. Когда готовилась реформа РАО ЕЭС России, я выступал против неё. Тогда наряду с аргументом о снижении цен Анатолий Чубайс выдвигал и другой аргумент: в отрасли всё изношено, чтобы исправить ситуацию, нужны 60 миллиардов долларов инвестиций, но такой астрономической суммы у государства нет... Очень скоро выяснилось, что это вполне подъёмная сумма для государства...

Но, к сожалению, экономика устроена так, что в большинстве случаев прямого пути назад нет. Очень велики издержки от перестроек.

– И потому издержки мудрое, гуманное и эффективное правительство решило повесить на население?

– Да, издержки в результате неудачного реформирования несут население и промышленность.

– Евро и доллар дорожают. Дорожают импортные товары. Продолжится ли эта тенденция весной и сколь велика вероятность девальвации рубля?

– Очень серьёзное обесценение рубля уже произошло. Центробанк России взял курс на «плавающий» рубль. Уже сейчас это создало большие проблемы для реального сектора экономики. По мнению авторов доклада, правильный путь решения проблемы лежит в сохранении мягкой регулировки курса вкупе с мерами по ограничению трансграничных спекулятивных потоков капитала.

Ещё в 1970-х годах нобелевский лауреат американец Джеймс Тобин, чтобы минимизировать дестабилизирующее влияние спекулятивных переводов денег между государствами, предложил ввести специальный налог на каждую операцию по обмену валюты. Затраты на него для обычной компании, участвующей во внешнеэкономических сделках, были бы совсем небольшими. А для спекулянтов, которые много раз в день перебрасывают валюту через границы, они возросли бы существенно. Сегодня аналогичные задачи связываются многими странами с введением налога на финансовые операции. Такие меры не уничтожают полностью спекулятивные потоки, но заметно снижают их интенсивность. На наш взгляд, правительству страны стоило бы об этом серьёзно задуматься...

– Как и о многом другом!

Беседовал **Олег НАЗАРОВ**

СКАНДАЛ!

АГЕНПОП с носом

Ровно год назад в № 12 за 2013 г. мы проанализировали международный скандал, разразившийся в связи с отказом малочитаемого литератора Михаила Шишкина представлять его «историческую родину» – Россию – на книжном форуме BookExpo America.

Мечущийся между Швейцарией и Германией Шишкин тогда не постеснялся приложить на весь мир бюджетную организацию, которая, собственно, и позвала его в Нью-Йорк: «Федеральное агентство по печати и массовым коммуникациям («министерство пропаганды») хотело купить меня (пригласив меня на книжную ярмарку в США...), чтобы я стал их «человеческим лицом». Я отказался, потому что я не хочу поддерживать этот режим каким бы то ни было образом». Наши основные претензии были адресованы федеральному ведомству, которое на деньги налогоплательщиков насыщает не лояльных государству сочинителей. Руководители Роспечати тогда едва усидели в своих креслах.

И вот аккурат в годовщину того знаменательного события мы снова имеем возможность убедиться в том, что политика АГЕНПОПа, как с нашей подачи теперь зовут агентство в литературных кругах, не только не изменилась, но и окрепла в своей антироссийской направленности. В Лондоне начал работу V ежегодный фестиваль русской литературы SLOVO. В нём принимают участие 12 российских писателей. Они встретятся с читателями, обсудят самые разные темы с английскими авторами и славистами. В общем, всё как полагается на подобных мероприятиях.

Но читаем анонс фестиваля – и не верим глазам своим: «Откроется SLOVO выступлением писателя Михаила Шишкина «О живых носах и мёртвых душах». Писатель коснётся некоторых вечных «гоголевских» тем, актуальных и поныне». Организатором фестиваля значится российско-британский некоммерческий фонд ACADEMIA ROSSICA. Если мы копнём чуть глубже, то увидим, что наполняет российскую составляющую реквизитов фонда не кто иной, как всё то же многажды оскандалившееся Федеральное агентство по печати и массовым коммуникациям! Именно АГЕНПОП является с 2008 г. партнёром шустрой «Россики»! Рука об руку они запустили литературный проект «Неделя русского языка и литературы в Великобритании», который плавно превратился в фестиваль SLOVO!

Мы много раз писали о том, что литературные десанты, которые засылаются на зарубежные мероприятия, если и работают на имидж России, то сугубо в отрицательном плане. Кстати говоря, под водительством Шишкина, который так недавно ничего не желал иметь общего с «этой полицейской страной», в Лондон прибыли и другие наши литераторы, в патриотических чувствах

ранее не замеченные. Это едва ли случайно. Кто хоть раз бывал на книжных ярмарках, тот понимает, что собравшихся волнует не столько литература, сколько сегодняшний день России, в том числе и политическая реальность. Что ответит на эту тему Шишкин или Диана Арбенина, можно только с ужасом предположить.

Мы не спрашиваем, почему в Америке Шишкин не желал представлять русскую литературу, а в Европе возжаждал этого, намереваясь нацелить, как писано в программе, «твёрдый и глубокий взгляд писателя на состояние дел в современной России». Нас интересует другое. Почему именно в эти дни, когда каждый россиянин отчётливо понимает, «что ныне лежит на весах», Агентство по печати реализует свои партнёрские проекты с помощью тех же грабель, которые уже звонко щёлкали по некоторым чиновным лбам? Почему главным героем лондонского фестиваля снова стал нечитабельный литератор, широковещательно заявлявший о своём презрении к стране, которую нынче милостиво представляет, и о неприятии её политического и государственного курса? И не пора ли снова поднять вопрос о служебном соответствии чиновников, не сделавших за год ровно никаких выводов и идущих на поводу коммерческих интересов «некоммерческого» зарубежного фонда? Что-то явно не так не только с их лбами, но и носами, не чувствующими направление ветра истории.

«ЛГ»

ЮРИЙ БОНДАРЕВ – 90

«Бог устанавливает свой срок»

Владимир БОГДАНОВ

– Юрий Васильевич, близится ваш юбилей, однако в прессе, да и в средствах массовой информации об этом мало говорят. А ведь вы – фигура без преувеличения легендарная...

– Мне трудно ответить так, чтобы это устроило и вас, и меня. Кстати, совсем недавно я стал лауреатом крупной премии «Ясная Поляна». Поэтому что-то и перепадает порой...

– Ваш ровесник Даниил Гранин часто говорит от лица ветеранов, повсюду выступает.

– Я ощущаю от этого некоторую неловкость. В определённом возрасте, когда Господь Бог устанавливает свой срок или следит за этим сроком, надо выбирать свою писательскую позицию уже очень осторожно.

– А как, вы думаете, пройдёт ваш юбилей?

– Бог его знает. Не могу ничего сказать по этому поводу, потому что никогда не прилагал никаких усилий для празднования. Я знаю, как некоторые готовятся, задействуют связи, знакомства, но мне это всегда было глубоко чуждо. А если кто-то хочет отметить мой юбилей, то я сопротивляться не стану.

– Вы в последние годы во многих изданиях публикуете свои прозаические миниатюры, так называемые «Мгновения». А крупное что-то пишете – роман, повесть?

– Я давно пишу роман, но сейчас он находится в состоянии «отдыха», скажем так. Потому что сейчас я весь направлен на «Мгновения». И крупнее «Мгновений» для меня ничего нет. Считаю, что это дело не менее серьёзное и не менее нужное, чем огромный роман. На трёх страницах порой можно сказать то, чего не скажешь на восьмистах. Это очень серьёзный жанр... Между прочим, сейчас своего рода эпидемия возникла – «малочтение». Когда крупные формы пользуются у читателей меньшим спросом, чем малые. И это тоже печально...

– А из молодых авторов кого могли бы отметить?

– Из молодых мне нравится Прилепин, я его выделяю из общего числа. К сожалению, я пока не читал его романа о чеченской войне, но ещё прочту. Также мне нравится Проханов. Его молодым не назовёшь, конечно, но по сравнению со мной он молод. Его политические романы очень интересны. Это вообще трудно – писать о политике. Писать о ней пытаются многие, а выходит не у всех. Проханову это удаётся, безотносительно его позиций по тем или иным вопросам.

– А есть ли писатели, которых вы могли бы назвать своими учениками? Ну, или те, о которых можно сказать, что они вышли из вашей «Шинели»?

– Не буду никого называть, но таких – не один и не два автора. В их прозе я чувствую своё дыхание, вижу свои приёмы. Я часто общаюсь с этими людьми, они привозят свои рукописи, просят у меня советов. Моя проза повлияла на многих писателей. Это я знаю. Но пусть литературоведы будущего этим занимаются, проводят параллели, что-то выискивают, находят, делают открытия...

– Вот вы сказали, что сейчас меньше читают. Помимо того, что это обусловлено чисто техническими моментами, как развитие интернета, где объёмные тексты читать не очень удобно, причина, наверное, ещё и в преподавании литературы?

– Конечно! Приведу один пример. Я воевал вместе с ребятами-артиллеристами, которые почти все были из деревень. В нашей батарее только три офицера оказались городскими, остальные были деревенскими. Из Сибири, средней России, южной России... И должен сказать, что все эти ребята были образованными! Они не учились в вузах, а сами тянулись к знаниям. Я профессор университета, мне приходится общаться со студентами, в последнее время я делаю это реже, но тем не менее... Порой я задаю простые вопросы, на которые они затрудняются ответить. К примеру, я спрашиваю: «Что вы думаете о Бунине?» А в ответ слышу: «А кто такой Бунин?» Я снова спрашиваю: «Что вы можете сказать о Наташе Ростовой?» И мне отвечают: «Кажется, это какая-то литературная героиня...» Это студенты! А мои однобатарейцы ничего, кроме своих деревень не видевшие и о высших учебных заведениях не мечтавшие, с пахоты шагнувшие в окопы, они были куда образованнее! Те ребята знали гораздо больше. Потому что до войны была масса кружков в домах пионеров, в сельсоветах, открывались избы-читальни, писатели ездили по всей стране и встречались с народом. И в школе литературу преподавали не так, как сейчас, по три часа в неделю, а гораздо чаще. Я ведь и сам учился в школе и прекрасно помню, какому бережному отношению к слову, к культуре нас учили.

– Вы давний автор «ЛГ». Не хотели бы попросить редакцию о каком-нибудь одолжении?

– Я прошу только об одном: напишите покороче, как можно короче... Вы помните, кто это сказал: «Краткость – сестра таланта»?

Беседу вёл **Игорь ПАНИН**

Благородный рыцарь

Юрий Бондарев в Литинституте, куда пришёл после войны, учился у Константина Паустовского. Имена этих писателей, казалось бы, стоят довольно далеко друг от друга, на разных эстетических полюсах, но если проанализировать их тексты, будет видна некая общность. В чём она, на мой взгляд, выражается... Да, интонация текста у ученика и учителя совершенно разные, но ощущение места и значения стиля в литературном мастерстве очень схожее. Жорж Бюффон в XVIII веке произнёс фразу, ставшую впоследствии крылатой: «Стиль – это человек». Как всё французское, это эффектно, но немного поверхностно. И у Паустовского, и у Бондарева стиль – это средство для передачи замысла. Он изыскан, он отточен, без него не обойтись, но он не переходит в нечто самостоятельное, его роль в тексте не переоценивается, и от этого после прочтения остаётся приятное послевкусие, ощущение сладкой природной медлительности в описаниях, полифонической насыщенности в диалогах и логичного темпоритма всего разворачивающегося на страницах действа. Как не хватает этого многим современным авторам, наивно полагающим, что стилистическая изобретательность оправдывает и заменяет в литературе всё!

Юрий Бондарев положил начало той литературной линии, когда о войне пишут без излишнего пафоса, без звенящих, как горох в пустой кастрюле, реляций-агиток, без мучительно лживой проверки каждой страницы на соответствие политическому заказу и ангажированным историческим трактовкам. И «Юность командиров», и «Последние залпы», и «Батальоны просят огня», и, конечно же, подлинная вершина русской словесности – «Горячий снег» – это война глазами очевидца, глазами того, кто смотрит на театр военных действий не с командного пункта, а сверяет свою жизнь по окопным часам. Глазами того, чьи сутки делятся не на утро, день, вечер и ночь, а на время до и после боя. Иногда Бондарева упрекали: «На войне так не бывает. Выдумки...» В этой контроверзе как раз и заключается смысл одной из ключевых компонент реализма в литературе. Подлинный писатель-реалист, к коим Бондарев, несомненно, относится, показывает жизнь такой, какой она была и могла бы быть на самом деле, а не такой, какой она должна бы была быть согласно чьим-то опосредованным представлениям и домыслам. Реалистическая литература – это не только художественное воплощение действительности, но и обобщённый личный и чужой опыт, не натуралистическое скрупулёзное описание событий и фактов, а путь к правде через художественные образы. Военная проза Юрия Бондарева – яркое подтверждение вышесказанного.

Когда я в детстве смотрел старые фильмы о войне, заканчивающиеся торжеством Победы, у меня всегда замирало сердце: а что же будет с победителями дальше, не случится ли с ними чего-нибудь плохого? Так не хотелось, чтоб это плохое случалось, так надо было мне, пацану 80-х, чтобы хрустящая солнечная тишина того победного мая ничем больше не омрачалась. Увы. Так не бывает – ни в жизни, ни в литературе. Жизнь фронтовиков в послевоенное время – одна из основных тем прозы Юрия Бондарева. Разговор, начатый о ней в романе «Тишина», писатель продолжает и по сей день, каждой своей страницей утверждая, что после окончания военных действий для людей начинают действовать законы любви. И только в такой последовательности есть правильная, если угодно, божественная логика. Преимущество мирной жизни, её единственность и неповторимость – для прозы Бондарева почти правило. И оно вытекает не из сомнительного в своей основе и морально неопрятного пацифизма, а из того, что писатель воочию видел ужас войны и чётко усвоил, что напоминать о ней нужно только для того, чтобы в конце концов забыть и никогда к ней не возвращаться. Как этого ощущения не хватает тем, кто выходит на всякие майданы и для кого цена человеческой жизни равна одному «коктейлю Молотова». Советую читать и перечитывать Бондарева этим горе-революционерам. Может быть, они станут чуточку счастливее и поймут, что майданами не восстановишь утраченную внутри себя гармонию.

Бондареву удалось создать в своих прозаических произведениях уникальный образ интеллигента. Последнее время слово «интеллигент» как-то у нас утекло в сторону деятелей Болотной площади, то орущих с трибуны что-то из репертуара карикатурных персонажей Достоевского и Лескова, то пробегающих, тряся всеми частями одежды и тела, перед ОМОНом. Интеллигент у Бондарева это, с одной стороны, человек – не твердолобый и даже не всегда убеждённый, а мятущийся, ищущий, с другой – система его внутренних и внешних ориентиров построена на нравственной основе. И если в ней происходит сбой или слом, герой сам отвечает за это, сам это искупает, не обвиняя ни в чём ни обстоятельства, ни окружающих, ни, как, увы, модно в России во все времена, государство и власть. Таков Крымов из «Игры». Таков Демидов из «Бермудского треугольника».

Бондарев – писатель московский. Он не мыслит себя без сплетения улиц и переулков, без замоскворецких заснеженных крыш, без майской сирени на бульварах. Он очень болезненно воспринял, когда, пав жертвой коммерческого градостроительства, город в 90-х стал терять свою патриархальность. Но ту Москву, куда приехал семилетним мальчиком в 1934 году и где прожил всю жизнь, уезжая и неизменно возвращаясь в неё, он запечатлел в своих книгах такой, какой её полюбил. И это тоже одна из писательских правд: спасти от исчезновения то, что любишь, поместив в непроницаемое для времени хранилище слов.

Долгую жизнь Юрия Бондарева прошили двумя нитями справедливость и несправедливость нашего времени. И через всю жизнь он пронёс уверенность в том, что справедливость рано или поздно восторжествует. Живите долго, Юрий Васильевич! С юбилеем!

Максим ЗАМШЕВ

БРАТЧИНА

Сочинения о взаимной любви

В Концертном зале им. Гнесиных торжественным концертом отметили 136-ю годовщину освобождения Болгарии от османского ига. Гостей приветствовал посол Болгарии в Москве г-н Бойко Коцев. Перед публикой выступили певцы Грета Ганчева и Бисер Киров, а также 600 детей – смешанный хор музыкальных школ Москвы.

Награды получили победители литературного конкурса «Славянское братство», организованного обществом «Устойчивое развитие Болгарии» и Литературным институтом им. Горького, который проходил под эгидой посла Болгарии в России.

1-е место присуждено Елене Митиной за перевод рассказа Калояна Захариева «Чёрные дубы села Карапелит»; 2-е место завоевала Мария Громова – перевод рассказа Радостины Горошевич «Ангел милосердия»; 3-е место досталось Антонине Тверицкой за перевод эссе Лидии Иордановой «Времена героев»; 4-е место. – Ольге Московцевой, которая переводила эссе Любимы Ивановой «Бесконечность»; 5-е место разделили две соискательницы: Мария Мещерякова за перевод эссе Исмаила Алиджикова «Славянское братство» и Елизавета Коронаева за перевод эссе Ивана Ружина «Сочинение о братской любви».

Соб. инф.

Фёдор ЕВГЕНЬЕВ

ЧТОБЫ ПОМНИЛИ

Убеждение, а не «позиция»

6 марта исполнилось бы 85 лет Анатолию Петровичу Ланщикову. Он служил офицером, работал учителем средней школы. В 33 года избрал нелёгкую стезю литературного критика, а в последнее десятилетие жизни чаще выступал в жанре политической публицистики. В 60–90-е годы XX века Ланщиков стал одним из наиболее читаемых литературных критиков. Кому-то может показаться, что те споры отбушевали и ушли в прошлое. Но, перечитывая сейчас работы Ланщикова, видишь, насколько в пору так называемого застоя люди мыслили масштабнее и точнее, чем в нынешнее неустойчивое время. Насколько слово Ланщикова, касалось ли оно Чернышевского и Толстого или его живых современников – Астафьева, Рубцова, Жигулина, вскрывало жгучие вопросы современности и было обращено с точным прогнозом в будущее. В своих порой открыто дискуссионных размышлениях о движениях художественной мысли, о творчестве Ю. Бондарева, В. Белова, В. Шукшина, В. Астафьева, В. Быкова, Ю. Казакова, А. Битова, В. Аксёнова и других критик затрагивал самые актуальные проблемы советской литературы.

Ланщиков входил в группу литературных критиков, объединившихся вокруг журналов «Молодая гвардия», «Наш современник» и «Москва» вместе с Вадимом Кожиновым, Михаилом Лобановым, Юрием Селезнёвым, Петром Палиевским, которых в кулуарах принято было именовать «русской партией», а публично – исключительно в ироническом, если не в уничижительном контексте – «консерваторами», «ура-патриотами» и «славянофилами». Сегодня многие их мысли разделяют наиболее здравые политики и писатели.

Книга Ланщикова «Череда окаянных дней» в конце 90-х явила одну из самых мужественных оценок новой русской смуты. Его острое, заинтересованное, прочно укоренённое в почву отечественной и мировой культуры, глубоко гражданственное слово содержало ответы на многие судьбоносные вопросы, которые поныне терзают каждого русского. Поколение Ланщикова и его близкие друзья почти все уже ушли. И нам кажется в эти дни правильным вспомнить давние заметки об одной из главных книг своего товарища одного из единомышленников Анатолия Петровича и непререкаемого авторитета национально мыслящей интеллигенции Вадима Валерьяновича Кожинова.

Ясно помню, как почти треть века назад мой друг – увы, давно уже покойный – поэт Анатолий Передреев, который обладал редкостным чутьём ко всему значительному в отечественной культуре, обратил моё внимание на ещё не известное мне до того имя – Ланщиков. Он, в сущности, только начал тогда свой путь в нашей критике и публицистике, но, познакомившись с его сочинениями, я с тех пор обязательно вчитывался во всё подписанное его именем. И сегодня могу с уверенностью сказать, что работы Анатолия Ланщикова принадлежат к наиболее *долговечному* из опубликованного с середины 1960-х до конца 1990-х годов.

Почему это так, можно объяснить, исходя из сопоставления двух слов: «позиция» и «убеждение». Слова русского (как, впрочем, и каждого) языка создаются не по чьей-либо субъективной воле, но, так сказать, *эпохой* и имеют гораздо более существенное значение, чем осознают многие из тех, кто их употребляет. Мы постоянно читаем или слышим из уст наших современников: «моя позиция такая-то». Но необходимо понять, что «позиция» – это «местопребывание» или же «точка зрения», каковые в данный отрезок времени «выгодно» было занять или высказывать – и затем заменить иной «позицией».

А в том, что писал Анатолий Петрович Ланщиков, выражалась не «позиция», но *убеждение* (основанное на *понимании*). Убеждения не «меняют» в зависимости от «обстоятельств»; они могут – и должны – *развиваться*, но не потому, что возникли иные «обстоятельства», а потому, что углубилось *понимание*. И основной смысл вышедшей в свет в конце 1998 года книги Анатолия Ланщикова «Череда окаянных дней», которую он посвятил Василию Белову, не противоречит, скажем, смыслу его книги «Вопросы и время», изданной двадцатью годами ранее, в 1978 году, и включавшей в себя главу о том же Василии Белове...

Правда, в книге 1998 года ставятся подчас такие проблемы и обсуждаются такие события и факты, о которых не было речи в книге 1978 года, но это обусловлено не сменой убеждений автора, а либо тем, что двадцать лет назад существовала весьма жёсткая «цензура», либо тем, что определённые факты попросту не были известны.

И можно с полным правом сказать, что Анатолий Ланщиков принадлежит к *очень немногим* критикам и публицистам своего поколения, которые могут сегодня переиздать свои статьи и книги, опубликованные в 1960-х – начале 1980-х годов; большинство его коллег постыдились бы это сделать...

Как представляется, главное достоинство сочинений Анатолия Ланщикова – настоятельная устремлённость к осмыслению современной литературы и жизни в свете многовековой истории, притом не в духе эффектных экскурсов в прошлое, а на основе серьёзного его изучения и понимания. И в новой книге Ланщикова эта устремлённость воплотилась, пожалуй, с наибольшей последовательностью и весомостью.

Книга состоит из трёх разделов: «Технология выживания или технология жизни?», «50 лет Великой Победы» и «Национальный вопрос в России», но при освещении этих «тем» так или иначе затрагивается, в сущности, всё историческое бытие страны, хотя цель автора и нерв его книги – современность.

Не скрою, что ряд положений Анатолия Ланщикова я мог бы оспорить; но, во-первых, речь идёт о «частностях», основное содержание книги обладает истинной объективностью и взвешенностью, а во-вторых – уже хотя бы в силу этой взвешенности, – тут возможен только развёрнутый, обстоятельный спор, для которого потребовалось бы, пожалуй, написать свою книгу примерно такого же объёма...

Наконец, то, что я считаю «дискуссионным» в книге Анатолия Петровича, не являет собой её «недостаток»; речь идёт о плодотворной дискуссии, и спорное (на мой взгляд) в книге не менее интересно и важно для её читателей, чем бесспорное (опять-таки, понятно, на мой взгляд).

Не сомневаюсь, что любой человек – между прочим, даже независимо от его убеждений! – с интересом прочитает новую книгу Анатолия Ланщикова.

Вадим КОЖИНОВ
1999 г.

ДИСКУССИЯ: ВЗГЛЯД НА РУССКУЮ ЛИТЕРАТУРУ 2013 г.

В истории и вне истории

Всякий, имеющий писательский опыт, знает, как трудно схватить жизнь в её объёме (явном и тайном) и уложить на плоскость листа. Впрочем, такова задача писателя, так сказать, классического типа. А мы живём в эпоху постмодерна, которая объявила своей парадигмой плоскость. Плоскость листа, экрана, текста – отсутствие третьего измерения – глубины. Граница между писательством и журналистикой, памятливым перечнем внешних примет существования и попыткой понимания существа происходящего исчезает. Перед нами – беллетристика! Я её и не читаю. Но случилось, что ехал в поезде с журналом «Знамя», а в нём – «Вор, шпион и убийца» Юрия Буйды, «автобиографическая фантазия», как обозначен автором жанр. Читал не без интереса. Автор произведения в прошлом году стал лауреатом Национальной литературной премии «Большая книга». Да и новый роман опубликовал.

Первая фраза повествования: «*Утро началось с ведра, которое стояло в углу кухни. Первым к ведру подошёл отец, его струя ударила в цинковое дно с режущим звоном*». Сегодня такая натуралистическая подробность никого не шокирует, но почему-то сразу вспоминается: «Он поёт по утрам в клозете» («Зависть», Ю. Олеша). Литературная игра? И слово «фантазия» к обозначению жанра добавлено неслучайно – в интервью «Российской газете» автор признаётся, что не удержался и ввёл в повествование образы, которых не было в жизни. Вот и догадывайся теперь, что придумано, а что вправду было. Пропадает важная ценность биографии: быть свидетельством своего времени. Моя жизнь – не моё частное дело, а момент истории. Но именно с включённостью в историю у людей сегодня проблема. Рискну жёстко сформулировать тезис: у Буйды – **жизнь, выпавшая из истории, –** и вот она какая! Хотя это неочевидно, ибо с хронологией и с достоверными деталями времени у автора всё в порядке.

Н.П. Дмитриевский, 1934 г.

Буйда в повествовании не скрывает того, о чём сегодня не слишком принято рассказывать: в партию вступил, стремился к карьерному росту, вот он уже и главный редактор газеты. Обо всём этом рассказано суконным языком газетного репортажа. Вдруг возникает более или менее яркая фраза: «*Я смотрел на мир сотнями жадных глаз и слушал жизнь, которая пёрла в меня со всех сторон – шёпотами и криками, всем юродством русской речи, её диким блеском и тёмным бессвязным бормотанием*», напоминающая скорее взвихренную стилистику советской прозы 20-х. Но повесть, которую он в ту пору сдал в местное издательство, должно быть, была написана иначе. «*...эта повесть, как ни крути, результат насилия над собой, над воображением*», – думает он. И решает её, уже набранную, вместе с гранками сжечь. Сожжёт – и уедет в Москву, станет тем известным писателем, которого мы знаем. «*Выпив ещё водки, я снова подумал о Гоголе, который сжёг второй том «Мёртвых душ», и меня вдруг пробрал смех*». Автор не может не чувствовать некоторой пародийности своего жеста. И, так сказать, упреждает ироническую улыбку читателя.

Этот эпизод следует сразу после некоего фантасмагорического события. Персонаж добирается домой в новогоднюю ночь на попутках, старик с лицом младенца везёт его коротким путём через лесок. Застряли на опушке, водитель, наклонившись лицом к приборной доске, умирает. Час до Нового года. Волки. Из машины не выйти. В сумке – бутылка водки, томик Монтеня, коробка конфет. В машине ещё нашлась банка маринованных огурцов.

«*Я стал думать, что это ведь неплохой сюжет. ...Сюжет неплохой, но о чём эта история, я придумать не мог. ...Я пытался отыскать смысл во всём этом – у меня ничего не получалось. Не получалось – и всё тут. Просто случай*». Очутившись дома и сообщив в милицию о случившемся, он узнаёт, что старик с лицом младенца – убийца, что в мешке лежали отрезанные головы. Три. Начинаем соображать, что четвёртой могла быть голова самого рассказчика, если бы у старика не отказало сердце. Бедняга, видимо, слишком разволновался, предвкушая обладание головой, в которой бродят весьма занимательные сюжеты. По идее, мы должны бы испытать шок, потрясение, хотя бы намёк на переживание трагической силы. Но читаем: «*Значит, в новогоднюю ночь я читал Монтеня, поставив ноги на мешок с головами, рядом с мёртвым убийцей, под волчий вой, в обледеневшей кабине, попивая водку и закусывая огурцами с конфетами*». И чуть дальше: «*Сюжет есть, а смысла нет. Бывает*».

Огурцы с конфетами! Соединение несоединимого, абсурд, который не взрывает обыденность, а оказывается её лицом. Ну что ж, Хармс и Камю давно это открыли, но у них была некая экзистенциальная подоплёка, некая болевая реакция на бессмыслицу! А тут – какая-то бесчувственность, тупость, полуравнодушная констатация фактов. Может быть, перед нами симптом некоего нового «запредельного состояния духа», как раз и характерное для сегодняшних людей, которых уже ничем не испугаешь?

Вот ещё эпизод – о девице, которую знает весь город и которая наведывается к молодому вдовцу. «*Когда ей было двенадцать, мать её отдала мужчине, которого пыталась удержать любым способом*». Но вот неожиданное: «*После ужина я читал ей вслух «Анну Каренину». Пришлось долго растолковывать смысл эпиграфа, слова Апостола...*» Но вот когда смысл эпиграфа дошёл: «*Я попытался её поцеловать – она меня легонько отстранила и стала рассказывать о том, как убила любовника своей матери, который изнасиловал Алину* (её дочь. – **И.Р.**), *потом убила мать, пытавшуюся защищать любовника, а потом убила и дочь, чтобы та не повторила судьбу матери...*» Таков «эффект чтения классики». Дальше торопливо досказывается жуткая судьба женщины. А мне недостаёт нормальной человеческой реакции на событие. Какое-то душевное оцепенение, которое, конечно, спасительно в данный момент. Но ведь потом непременно должна последовать работа переживания. Желательно – **трагического**! А иначе то, что было, как бы и не было. А что было? Случай. Жизнь, как цепочка случаев, – прекрасный повод для рассказа, в котором нет никакого смысла.

Трагическое событие – повод для того, чтобы, как сказано у Шекспира, «повернуть глаза зрачками внутрь». Но в сегодняшней литературе почти отсутствуют трагедия и сопутствующая ей «работа души». Во всей культуре – гипертрофия зрения! Нас учат глядеть вовне – а не вовнутрь! И литература соответствующая. Гипернатурализм. Гиперреализм.

Жизнь симулирует, что она жизнь. Автор симулирует, что он автор. И смысл этой лжи в том, что мы в ней участвуем, тоже превращаясь в симулякры, делаем вид, будто эмоционально и вообще по-человечески реагируем на уже нечеловеческую действительность. Анестезия эмоций и души. Так, чтобы нравственно себя не беспокоить.

Эпоха, которая потом получила название эпохи постмодерна, началась с грандиозных по масштабу экспериментов по анестезии – с массового приёма наркотиков. Сегодня мы и без всяких наркотиков уже не видим лжи, не ищем правды, не жаждем смысла – и соглашаемся с бессмыслицей собственного бытия. Это согласие с бессмыслицей и есть то, что требуется социуму, и за это он награждает авторов премиями.

Илья РЕЙДЕРМАН,
ОДЕССА

ОБЩЕЕ МНЕНИЕ

«Мы хорошо помним»

Письмо ста российских писателей в адрес Федерального собрания и Президента РФ В.В. Путина, отражающее позицию мастеров слова по ситуации на Украине и в Крыму.

В это тревожное время, когда решается судьба не только России и Украины, но и всей нашей европейской цивилизации, мы выражаем свою поддержку Вашей твёрдой и ответственной позиции.

Совершив руками фашиствующих молодчиков государственный переворот в Киеве, деструктивные силы Запада перешли в открытое наступление на главный нравственный итог Второй мировой войны – на запрет и осуждение идеологий фашизма и нацизма.

По меньшей мере циничными выглядят сегодня крики о вмешательстве России в дела суверенной Украины со стороны именно тех западных политиков, которые ещё вчера прогуливались по майдану, украшенному фашистскими знамёнами и, раздавая пирожки, подстрекали толпу к свержению законной власти и к противостоянию с Россией.

В результате в Киеве незаконно пришли к власти политики, озабоченные не обеспечением правопорядка и безопасности граждан, не прекращением «революционного» разбоя и насилия, а запретом русского языка и преследованием всех, кто говорит по-русски, кто читает Пушкина, Гоголя, Тургенева, Достоевского, Толстого, Чехова, Шолохова. А это уже верный признак полного одичания. Это значит, что скоро, как в Третьем рейхе, запылают книги величайших представителей мировой литературы.

Одним из первых законов, принятых под дулами автоматов, стал закон, позволяющий громить символы победы над фашизмом и знаки той советской эпохи, с которой эта победа связана.

У каждого в нашей стране есть пострадавшие и погибшие в пламени Отечественной войны, и мы не можем спокойно смотреть, как разрушаются и уничтожаются памятники воинам-освободителям Украины и Европы от нацизма, как вместо них возводятся в национальные герои Бандера, Шушкевич и все те, кто зверски уничтожал поляков, евреев, русских и украинцев, борцов с фашизмом.

Никакие экономические санкции, никакая международная изоляция не опасны так, как реанимация коричневой чумы под видом «защиты свободы и демократии».

Мы хорошо помним, что точно так же и теми же лукавыми средствами в качестве орудия против нашей страны был взлелеян гитлеровский фашизм.

Мы помним не только о жертвах фашизма в Европе, но и о том, что вместе с германской армией воевали против нас испанская «голубая» дивизия, итальянские армии, разгромленные под Сталинградом, отряды голландских фашистов, квислинговцы Норвегии, хорватские усташи, армия румынских грабителей Антонеску. На историческом Бородинском поле в сороковые-роковые появились и отряды французских фашистов. Мы помним, как просторы нашей страны утюжили танки, изготовленные в Чехии.

19 000 000 (!) погибших наших мирных граждан – помнит ли Европа эту цену, заплаченную нами также и за её освобождение? И можем ли мы допустить повторение этого геноцида?

Советский народ при участии союзников из Англии, США, французских, югославских патриотов и антифашистов других стран уже разгромил фашизм. Так кто же сегодня нас возвращает во тьму 33-го года? Где свободная и человеколюбивая Европа? Куда вдруг подевалась «вся прогрессивная общественность» с её «общемировыми ценностями»? Где прячутся «независимые» журналисты Европы и США?

Уважаемый Владимир Владимирович! Уважаемые члены Федерального собрания Российской Федерации! Мы понимаем, какой груз исторической ответственности лёг на Ваши плечи. И мы горячо поддерживаем Ваше решение оказать всестороннюю помощь украинскому народу, народам Крыма, стремящимся к мирной и созидательной жизни.

Владимир Владимирович! Ваша твёрдая воля и Ваши взвешенные решения внушают нам уверенность в том, что весь русский мир и все народы России и братской Украины имеют надёжную защиту. Мы верим в справедливое развитие событий.

Писатели-фронтовики: **Юрий БОНДАРЕВ, Семён ШУРТАКОВ, Михаил ГОДЕНКО, Семён БОРЗУНОВ, Михаил ЛОБАНОВ;** *а также:* **Валентин РАСПУТИН, Владимир КРУПИН, Валерий ГАНИЧЕВ, Михаил НОЖКИН, Альберт ЛИХАНОВ, Виктор ЛИХОНОСОВ, Виктор ПОТАНИН, Феликс КУЗНЕЦОВ, Алла БОЛЬШАКОВА, Владимир БОНДАРЕНКО, Александр БОБРОВ, Николай ИВАНОВ, Надежда МИРОШНИЧЕНКО, Вадим ТЕРЁХИН, Сергей ПЕРЕВЕЗЕНЦЕВ, Карем РАШ, Юрий ЛОЩИЦ, Магомед АХМЕДОВ, Николай ЗИНОВЬЕВ** *и ещё 76 подписей.*

Как это по-русски?

Первые публикации этой рубрики уже вызвали целый шквал откликов. Публикуем мнение читателя Николая ЕГОРОВА и в который раз поражаемся красоте и бесконечному разнообразию русского языка.

Что касается сверхмодного слова *«виртуальный»*, то существует целое множество слов, которые в той или иной степени с ним соотносятся по содержанию и при определённых условиях позволяют проводить замену. Приведём ряд примеров для разных предметных областей.

При обозначении воображаемых миров и явлений: **выдуманный, придуманный, вымышленный, воображаемый, фантастический.**

Для обозначения явлений и процессов из информационно-технической сферы: **искусственный, информационный, компьютерный, интеллектуальный, цифровой, символьный, программный, игровой, образный.**

При прогнозировании: **возможный, вероятный, потенциальный, случайный, маловероятный, гипотетический.**

В случае обозначения некоторых сложных для описания явлений: **иллюзорный, тонкий, воздушный, призрачный, временный, необычный, неестественный, исчезающий.**

Для обозначения ряда психических явлений и процессов: **нематериальный, мысленный, иррациональный, умопостигаемый, образный, мнимый, мнительный.**

В случае с некоторыми социально-культурными процессами: **мифологический, мифологизированный.**

Для сферы искусства: **символический, образный, тонкий.**

Понятно, что данные классификация и примеры носят условный характер.

Июль. Тарханы.

КЛАСС ПРЕМИУМ

Пишите о Лермонтове

Государственный Лермонтовский музей-заповедник «Тарханы» объявляет о начале приёма материалов на соискание Всероссийской премии им. М.Ю. Лермонтова. Премия присуждается авторам поэтических, прозаических, драматургических, публицистических произведений за выдающийся вклад в литературоведение, изучение и пропаганду творческого наследия М.Ю. Лермонтова через публикации и репортажи в СМИ, культурно-просветительскую деятельность. Для выявления и поддержки талантливых молодых поэтов, прозаиков, композиторов и художников музей-заповедник учредил свою номинацию – «Молодое дарование», которая вручается ежегодно во время проведения Лермонтовского праздника в Государственном Лермонтовском музее-заповеднике «Тарханы» в первое воскресенье июля.

Выдвижение кандидатов на соискание премии производится государственными и муниципальными учреждениями, общественными объединениями и творческими коллективами. Ежегодно присуждаются следующие премии:

– две премии «За выдающиеся достижения в литературном творчестве, получившем широкое общественное признание», присуждаются поэтам, прозаикам, драматургам. Премия «За выдающийся вклад в культурно-просветительскую деятельность и формирование единого культурного пространства Пензенского края» присуждается литераторам, филологам, литературоведам, деятелям культуры. Все материалы, связанные с этими номинациями, направляются по адресу: **440026, г. Пенза, ул. Красная, 71, Управление культуры и архива Пензенской области;**

– премия «Молодое дарование» присуждается в одной из областей: «Литература» (поэзия, проза, лермонтовская публицистика, культурологические работы); «Музыкальное искусство», «Изобразительное искусство». Лауреатом премии «Молодое дарование» может стать кандидат в возрасте до 35 лет. Материалы по данной номинации высылать по адресу: **442280, Пензенская область, Белинский р-н, с. Лермонтово, ул. Бугор, 1/1, ФГБУК «Государственный Лермонтовский музей-заповедник «Тарханы»**.

Положение о премии размещено на сайте заповедника: **www.tarhany.ru**

ЛИТ ИНФОРМБЮРО

ЛИТПРЕМИИ

Подведены итоги IX Международной литературной премии имени П.П. Ершова за произведения для детей и юношества. Лауреатами стали М. Попов (Архангельск) за книгу «Берестяная история», А. Щербаков (Красноярск) за книгу «Деревянный всадник», В. Воскобойников (Санкт-Петербург) за серию книг «Жизнь замечательных детей», К. Зиганшин (Уфа) за книгу «Боцман, или История жизни рыси», С. Волкова (Иркутск) за книгу «Под Рождественской звездой». Дипломанты: Н. Зыкова (Кипр) за книгу «Сказки бабушки Марулы», Т. Тудегешева (Новокузнецк) за книгу «Элимай», А. Вайц (Германия) за рукопись сборника сказок, В. Сулимов (Тобольск) за рукопись сказки «Приключения мандарина», С. Нестерова (Улан-Удэ) за книгу «Байкальские сказы», Т. Моисеева и А. Матвеенко (Беларусь) за книгу «Знакомые незнакомцы». Награждение пройдёт в мае в г. Ишим Тюменской области, на родине П.П. Ершова.

Литературная премия «Писатель года – 2014» объявила приём заявок на соискание награды. Отбор работ осуществляется редакционной комиссией среди авторов сайта «Проза.ру», крупнейшего российского литературного портала. Авторы, прошедшие конкурсный отбор, получат приглашения на соискание премии и автоматически будут удостоены статуса номинантов – он предоставляет право издать свои произведения в одном или нескольких альманахах, подаваемых на рассмотрение Большому жюри награды. Лауреаты премии будут названы в пяти номинациях – собственно «Писатель года», «Романтика», «Дебют», «Юмор» и «Детская литература».

В Екатеринбурге прошла церемония вручения молодёжной поэтической премии «Красными буквами», приуроченная к выходу одноимённого альманаха, куда вошли стихи более 80 поэтов из разных городов Урала. Из всех авторов сборника жюри отобрало 12 человек («короткий список»), а на церемонии профессор Уральского федерального университета Юрий Казарин огласил имена победителей. Главную премию получила уфимская поэтесса Мария Кучумова. Также лауреатами стали Юлия Елина из Тобольска и Анастасия Ваулина из Екатеринбурга. Организаторы сообщили, что екатеринбургское издательство выпустит по отдельной книге стихов каждой из трёх победительниц.

Названы лауреаты Новой Пушкинской премии 2014 года. Премия «За совокупный творческий вклад в отечественную культуру» присуждена поэту Светлане Кековой (Саратов). Обладателем второй премии «За новаторское развитие отечественных культурных традиций» стал поэт Алексей Кудряков из Екатеринбурга (автор журналов «Знамя», «Звезда», «Урал», «Сибирские огни»). Совет премии принял решение особо отметить специальным дипломом «За музейное служение» Наталью Михайлову, заместителя директора Музея А.С. Пушкина – автора книги «В.Л. Пушкин» и концепции Дома-музея В.Л. Пушкина на Старой Басманной.

ЛИТПРОЕКТ

«Художник и книга» – так называется проект, который осуществляется Белгородским государственным литературным музеем. Открылся он выставкой-встречей с художницей Ольгой Поповой, которая проиллюстрировала издания прозаиков Владимира Жуковского и Георгия Астахова, поэтов Михаила Кулижникова и Николая Гладких и других белгородских авторов.

ЛИТФЕСТИВАЛИ

Более 1400 произведений алтайских авторов представлено на IX фестивале книги «Издано на Алтае». В этом году фестиваль проходит на двух площадках – в Алтайской краевой библиотеке им. В.Я. Шишкова и в Алтайской краевой детской библиотеке им. Н.К. Крупской. Представит свою новую книгу Михаил Тарковский. Кроме того, фестиваль расширяет границы: в его рамках в Шишковке состоятся дни книги Рубцовска, Павловского района, а также Республики Алтай, на которых гости покажут собственные издательские проекты, проведут творческие программы.

ЛИТЮБИЛЕИ

90-летие со дня рождения поэтессы Маргариты Агашиной отметили в Волгограде. Её перу принадлежат тексты знаменитых песен «Растёт в Волгограде берёзка», «Подари мне платок», «А где мне взять такую песню?». В краеведческом музее открылась выставка, посвящённая её жизни и творчеству. Она стала «крёстной матерью» целой плеяде волгоградских писателей. Они, теперь уже маститые писатели, сохранили тёплые воспоминания о своей наставнице.

80 лет исполнилось известному сатирику, лауреату премии «ЛГ» «Золотой телёнок» Михаилу Жванецкому.

ЛИТПЛОЩАДКА

В Тольятти прошла презентация «Литературной академии» – площадки, где будут проходить поэтические читки, литературные флэшмобы, вечера визуальной поэзии, музыкально-литературные мистерии и многое другое. Открылась она на базе Тольяттинской библиотечной корпорации. В рамках культурного объединения Самары и Тольятти в программе «Литературной академии» приняли участие самарский книжный клуб «СлоВолга» и самарский поэт и литератор Георгий Квантришвили.

ЛИТПАМЯТЬ

14 марта исполнилось бы 95 лет луганскому писателю Тарасу Рыбасу. Благодаря ему в Луганске был открыт памятник Владимиру Далю, было создано отделение Союза писателей Украины, которым он бессменно руководил. Широко известен его роман о Гражданской войне в Донбассе «Красный снег», удостоенный литературной премии профсоюзов СССР. Именно он добился публикации в Москве повести безрукого шахтёра Владислава Титова «Всем смертям назло», был «литературным отцом» многих молодых литераторов. В Луганске чтут память Тараса Рыбаса, одна из улиц города названа его именем.

ЛИТУТРАТЫ

Екатеринбург проводил в последний путь известного поэта, руководителя литературной группы «Цех поэтов» Юрия Валерьевича Конецкого, скончавшегося на 67-м году жизни.

На 66-м году жизни скончался литературовед и культуролог, лауреат Бунинской премии, крупнейший специалист в области исследования зарубежной литературы, теории литературы, русской литературы и шекспироведения Владимир Андреевич Луков.

На 77-м году жизни скончался иркутский прозаик Станислав Китайский.

МЕСТО ВСТРЕЧИ

Центральный Дом литераторов
Большой зал
13 марта – вечер памяти Паолы Волковой с участием Евгения Сидорова, Валерия Афанасьева (фортепьяно), Вадима Абдрашитова, начало в **19.00.**

Малый зал
13 марта – творческий вечер Александра Лапина и презентация его новой книги «Вихри перемен» – продолжение трилогии: «Утерянный рай», «Непуганое поколение», «Благие пожелания», объединённых под общим названием «Русский крест» (издательство «Вече»). Ведущий – Анатолий Салуцкий. Начало в **18.30**.
14 марта – вечер памяти поэта и барда Кати Яровой, начало в **19.00.**
15 марта – спорклуб «Мелодия стиха», ведущий – Владимир Гальперин, начало в **17.00.**
17 марта – заседание «Клуба поэзии» СП Москвы, ведущий – Кирилл Ковальджи, начало в **18.30.**
18 марта – заседание членов клуба современных литераторов «Содружество», ведущая – Ольга Харламова, начало в **18.30**.

Дом русского зарубежья
Нижняя Радищевская, 2
14 марта – представление книги В.В. Агеносова «Восставшие из небытия. Антология писателей Ди-Пи и второй эмиграции», начало в **18.30.**

Дом-музей Марины Цветаевой
Борисоглебский, 6
15 марта – заседание литературного объединения «Магистраль», начало в **18.00.**

Музей Серебряного века («Дом В.Я. Брюсова»)
пр. Мира, 30
16 марта – поэтический вечер к 70-летию Аркадия Штыпеля, начало в **19.00.**

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА, № 10 (6453)
12–18 марта 2014 г.

«Есть у нас родная речь»

«ЛГ» – пожалуй, единственное издание в России, добровольно взявшее на себя обязательства публиковать русскоязычных авторов со всех концов света. За последние годы мы открыли своим читателям сотни новых имён в поэзии и прозе. И происходило это не только в рамках каких-то международных объединяющих проектов, которых, к слову, в нашей газете тоже было предостаточно («Евразийская муза», «Братчина», «Всемирное русское слово» и др.), но и по доброй воле редакции.

Сегодня мы представляем поэтов Крыма – территории русской славы, доблести, чести. Авторы живут в непростое время, в их стихах – боль за свою землю, политую кровью и потом отцов и дедов. Они не хотят терять связи с исторической Родиной, да и не считают Крым чем-то отдельным от неё.

И чего уж точно не отнять у представляемых поэтов, так это искренности. А искренность – неотъемлемая составляющая поэзии.

Руфина МАКСИМОВА

Из цикла «Люди и война»

ПОГИБШИМ У СЕЛА КОРПЕЧ

Посвящаю моему дяде Ефиму – участнику Керченско-Феодосийского десанта

От взрывов, криков, канонады боя,
спасаясь там, где тихо и светло,
судьбу былую заслонив собою,
шагнуло в вечность крымское село.
Ни тёрен, ни шиповник, ни калина
не буйствуют, лишь чахлая трава…
Здесь помнит обожжённая долина,
как не права война, как не права!
Как до неё здесь вольно птицы пели,
гудели пчёлы в розовых садах,
как плакали над крышами в апреле
всех облаков натруженных стада.
Собачий брёх – обычной жизни голос,
ухоженной земли довольный вид,
и вселюдская трудовая гордость,
как главное признание в любви…
Пуста долина, здесь на каждом метре
могила безымянная бойца.
Из года в год в холодном зимнем ветре
гудит набат – десантников сердца.

СЛЁЗЫ ЖЕНЩИН

Блеснёт слеза, как крошечная молния,
и упадёт средь вдовьего безмолвия.
Блеснёт порой, как бритвенное лезвие,
в себя вобрав солёное, болезное.
Блеснёт, стекая в боль любой войны…
Как солоны моря, как солоны!
Как часто плачут женщины, как часто…
Как мало женских слёз, что дарят счастье.

КРИК ПТИЦЫ

Взрыв разметал причал,
вырвал калитку крайнюю…
Хрипло петух кричал,
странно кричал, неправильно.
Ветер в ночи крепчал,
выгнув деревья радугой,
страшно петух кричал
голосом птицы раненой.
А тишина в тот миг
кралась во тьмы величие,
всепостигая крик
боли истошной, птичьей.
Голос людей в тот час
больше она не слышала,
только петух кричал
там, на пути к Всевышнему.

ПОСЛЕДНИЕ

В посеве пепельном дорожка,
по небу птицы не летят…
В лесополоске чья-то кошка
рожает семерых котят.
Она ещё пока не знает,
зачем земля порой дрожит,
она довольна: пёс не лает,
наверно, у реки лежит,
и грома долгие раскаты
ушли в измученный рассвет…
Потом поймёт, что больше хаты,
хозяйки, пса, деревни нет.
В посеве пепельном дорожка,
по небу птицы не летят…
Рожает под кустами кошка
последних в округе котят.

АПРЕЛЬ УШЁЛ…

Апрель ушёл, осталась красота,
она дремала в тишине рассвета,
в преддверии безудержного лета
распахивая майские врата.
Призывно пела неба глубина,
рассеивая ветром птичьи стаи.
Они в полёте затяжном устали,
умчав с тех мест, где началась война.
Их птичий интерес тонул в дыму,
и, оторвавшись от просторов милых,
они летели мимо, мимо, мимо,
не доверяя больше никому.

ОСТОГИ

Стоят остоги прошлых зданий
из чувств, достойных сфер иных.
Энциклопедия познаний
обуглилась в кострах войны,
а с нею наших мыслей взрывы,
и стали жизненной виной
слова, поступки, те, что живы,
но искалечены войной.

ЧЬЯ ВИНА?

И их не обошла война,
тех, кто родился в зоопарке.
Эвакуируют в запарке
кого-то, но когда страна,
теряя города и сёла,
людей теряла день за днём,
в картине этой невесёлой
уже не помнили о нём.
О зоопарке, очень старом,
где жили звери много лет,
где слон, огромный и усталый,
счастливый доставал билет
из чудо-урны для ребёнка…

Снаряд платформу разметал…
Дымилась на земле воронка…
Вновь падал яростно металл
всё ближе к городу, всё ближе,
сметая на своём пути
живых и тех, кто неподвижен…
Куда бежать?! Куда идти
зверью, горящему в вольерах?!
Их крик летел разрывам вслед
сквозь боль, утраченную веру
в людей, так изменивших свет.

Застыли в памятнике каменном
солдаты. В том и их вина,
что где-то в небыль звери канули,
что уничтожила война
их, вырванных из рук природы,
не защищённых от людей,
когда безумствуют народы
во имя призрачных идей,
когда кричат творенья Божьи
в среде, где правят зло и ложь,
когда самой планеты кожа
уже испытывает дрожь
от ярости или от страха,
что ввергнут мир в последний час,
когда воссоздавать из праха
придётся ей уже и нас.

ОБЕЛИСКИ

Наполнили весну лесные трели,
был белый пух, как перья лебедей…
В кострах обезображенно горели
альбомы, фотографии людей.
Расправиться война пыталась с прошлым,
перечеркнув простых домов уют.
В её огонь былое счастье брошено
в том времени, где зло войны куют.
И колокольный звон летит по свету…
Вновь ветер обелиски обласкал:
той, вечной боли рукотворный слепок,
тот, вечный крик сквозь времени оскал.

Владимир ГАХОВ

Море, вечный дирижёр

ОПЯТЬ НАД ФЕОДОСИЕЙ ВЕТРА

Опять над Феодосией ветра…
Шальные тучи мечутся угрюмо,
Грустит залив,
К причалу катера
Трусливо жмут натруженные трюмы.
Пустынный пляж загадочности полн,
И, словно чудом таинства Крещенья,
Прощает нам все наши прегрешенья,
И грязь смывает нежной пеной волн.
Морская вольница нахраписто крепчает,
Взъярится валом, разобьётся вдрызг,
Пронзает воздух перекличкой чаек
И горечью солоноватых брызг.
Всё движется в кипении могучем,
Лишь Богом Данная взирает свысока
На мыс Ильи, Тепе-Оба и Кручи,
Призывный проблеск сердца маяка.
Покоен лик её суровых башен,
Развалин крепости прозрачна тишина,
И взгляд, надеждой призрачной окрашенный,
К ногам бросает путнику она.

…Стихает шторм.
И боль души стихает.
Вновь одиночество, как искра от костра,
Сгорев дотла, в несбывшемся растает.
Залив грустит.
О чём-то вспоминают,
Шумят над Феодосией ветра.

СВОЙ ПУТЬ МЫ ИЩЕМ

Какой восход!
Залив пылает,
Пурпурной радостью звеня,
То бирюзой волны взыграет,
То синью солнце обнимает –
Царит симфония огня.
И море, вечный дирижёр
Судьбы, надежды и сомнений,
Играет зыбью с ветром гор
Ноктюрн чарующих мгновений.

А где-то там, в глубинах вод,
Укрытых нежностью лазури,
Уже рождается и ждёт
Свой бенефис начало бури.

И бросит шторм к моим ногам
Всю ярость, боль и жажду чуда,
И будет жизнь бурлить, покуда,
СВОЙ путь мы ищем к берегам.

ФЕОДОСИЯ

Татьяна ХАЛАЕВА

Севастополь величавый

НАСЛЕДСТВО

Мне отцовский характер достался в наследство.
Он во мне проявлялся ещё с малолетства.
Он во мне начинался с простого упрямства,
Что с годами потом перешло в постоянство.

Он меня научил ничего не бояться.
За любую работу уверенно браться.
Не стесняться своё обнародовать мненье
И… уметь попросить за ошибки прощенья.

Он меня научил не бояться протеста
«Справедливость – она из особого теста…»
Мне хотелось познать смысл отцовского слова,
Мне хотелось понять: я из теста какого?

Оказалось, что сдобы во мне маловато,
Говорят, родословная тут виновата.
Виноватостью этой горжусь не скрывая –
Есть закваска во мне от земли-каравая,
Привкус прошлого с ней проступает порою
То с мякиною горькою, то с лебедою.

Как святой оберег от любых потрясений,
Мой земной каравай – память всех поколений.
Сдобрен крупною солью, ржаною мукою
Да колодезной чистой холодной водою.

Знаю, с внуками впредь ничего не случится –
В них ржаная закваска сердечком стучится.

* * *

Севастополь величавый,
Красота твоя и слава
С давних пор мне до́роги, поверь!

Как швартовы здесь на сушу
Кинула с любовью душу;
На твоём причале я теперь.

ГОРОД-АДМИРАЛ

Город, мужеством воспетый,
Он не раз в боях блистал.
Купола, как эполеты,
Носит город-адмирал.

Город носит белый китель,
Флотский праздничный наряд.
И хотите ль, не хотите,
Здесь по-русски говорят.

Здесь мечтою пахнет ветер,
Здесь былое – свято чтут.
Обелиски здесь и дети
Вахту памяти несут.

Мы с тобой стоим в обнимку,
Радость в сердце не тая.
В бухту входят на побывку
Корабли, как сыновья.

Крики чаек в море тают,
Тихо плещется волна.
И она, я точно знаю,
В этот город влюблена.

РАНЕНЫЙ ГОРОД

Я в город вечерний уткнулась как будто в плечо
Надёжного друга, пытаясь найти в нём защиту.
Просила помочь мне, не зная, не зная ещё,
Что сердце героя предательской пулей пробито.

Мой раненый город, надеюсь на помощь врачей.
«Держись!» – говорю, а сама от бессилия плачу
И в горькое небо пускаю своих голубей,
И с верой в душе повторяю себе: «На удачу…»

Мой раненый город! Живу я судьбою твоей.
Пусть верность моя для тебя утешением будет.
Хочу, чтобы знал: не утратишь ты русских корней,
Покуда живут в Севастополе русские люди!

СЕВАСТОПОЛЬ

Валерий МИТРОХИН

«Дни окаянные переживаю»

КАК МЫ ДАЛЬШЕ БУДЕМ ЖИТЬ?!

С фотографии военной
Смотрит образ твой нетленный.
У тебя печальный вид:
Дом сгорел, лишь печь стоит.

Враг разбит. Дымят руины.
Чёрен дым и ядовит.
Всё, что есть от Украины, –
Дом сгорел, а печь стоит.

Родина, такая жалость!
Бог тебя благословит!
Сколько нам терпеть осталось?!
Дом сгорел, лишь печь стоит.

Кто за всё ответит внятно:
Виноват ли московит?
Нет ответа. Всё понятно:
Дом сгорел, но печь стоит.

Сами, значит, мы ответим
Всем на свете – тем и этим,
Как нам быть и с кем дружить,
Как мы дальше будем жить.

Есть у нас родная речь.
Есть у нас отцовский меч.
Есть кого и что беречь,
Есть страна и эта печь.

Грех всем этим пренебречь!

Остаётся ставить свечки
Да на Бога уповать.
И от этой самой печки,
Как ведётся, танцевать.

ДОРОГАЯ МОЯ МОСКВА

Наш флаг и русский флаг похожи.
И триколор, и краски те же…
Спаси Россию, правый Боже,
А с ней и нас помилуй еже!

Пока там будут собираться
И запрягать своих донцов,
Мы будем ждать и молча драться
За землю наших праотцов.

Благослови Россию, Боже,
И дай нам сил дождать ответ,
Поскольку ничего дороже
У Крыма не было и нет!

СУРЖИК

Ще не вмерла Україна –
Ни жива и ни мертва.
Именем Отца и Сына
Спекулирует братва.

И ползёт на Малоросию,
Как из черепа змея:
«Що не зьим, то понадкусюю!» –
Поговорочка сия.

Заготовлен договорец –
В мышеловке горький сыр.
Очень хочет миротворец
Расколоть славянский мир.

Снова Киев под фашистом,
Снова в небе ВДВ…
Іхав, іхав козак мистом;
Що не вмерло – хай живе!

ОКАЯННЫЕ ДНИ

В пламени адском горела держава.
Ты вопрошала: «Где твоё жало?»
Больше тебя ничего не держало.
Ты не ушла, ты убежала.
Чувство рассудок опережало;
Слово в гортани шершаво шуршало…
Нас переклинило, нас пережало;
Ты не ушла, перебежала.
Ты меня больше не обижаешь,
Не ублажаешь, не обожаешь…
Душу дыханием пережимаю,
Дни окаянные переживаю.
Где твои руны, где твои веды,
Божия слава и слава победы?!

СИМФЕРОПОЛЬ

ПЯТИКНИЖИЕ

ПРОЗА

Леонид Добычин. **Полное собрание сочинений и писем.** – СПб.: Издательство журнала «Звезда», 2014. – 544 с. – 2000 экз.

Добычин сегодня известен куда меньше своих знаменитых современников: Бабеля, Булгакова, Замятина, Зощенко, Олеши. Меж тем многие полагают, что по значению он вышеупомянутым по крайней мере не уступает. Леонид Добычин (1894–1936) – одна из самых трагических фигур русской литературы. Мелкий служащий, проживший почти всю жизнь в провинции, оторванный от большой культуры, он тем не менее проявил такую глубину понимания истории, природы советского строя, человека, на какую были способны немногие его современники. Затравленный грубой и несправедливой критикой, униженный и оскорблённый, он свёл счёты с жизнью. Литературная деятельность Л. Добычина продолжалась недолго – с 1924 по 1936 г. За это время вышли лишь три его книги. Значительная часть написанного осталась неопубликованной. Ныне в одной книге объединено всё, что вышло из-под пера писателя. Большой человеческий и литературный интерес представляют, кроме прозы, впервые собранные вместе 159 писем писателя.

ПОЭЗИЯ

Евгений В. Харитоновъ. **Как этот дым:** Стихи 2001–2013. – М.: Вест-Консалтинг (серия Союза литераторов России), 2013. – 40 с. – 100 экз.

В сборник вошли избранные стихи Евгения Харитонова – поэта, критика и культуртрегера. Здесь как старые тексты, так и новые, написанные совсем недавно. «Те, кому поэзия Харитонова небезразлична, а тем более близка, отметят непохожесть этого сборника на предыдущие», – пишет в предисловии Дмитрий Цесельчук. С данным утверждением можно поспорить. Хотя бы потому, что подбор текстов здесь диктуется сравнительно небольшим – на сорок страниц – объёмом книги. Длинных верлибров, так часто встречающихся у Харитонова, здесь совсем немного. Автор отдал предпочтение коротким, лаконичным текстам:

Падаю вверх
наплевав
на законы Ньютона

Так что «непохожесть» этого сборника на другие книги автора вполне объяснима. В целом же отметим, что поэтика Харитонова серьёзных изменений не претерпела. От него, по словам того же Цесельчука, «не уходит мальчишеская мечтательность, только она становится чуть снисходительнее – по отношению к себе прежде всего».

БИОГРАФИИ

Виктор Бочков. **Островский в Берендеевке.** – М.: Алгоритм, 2013. – 208 с. – 2000 экз.

Костромское село Щелыково значит для отечественной драматургии не меньше, чем псковское Михайловское для русской поэзии. Здесь, в заповедной стороне, Александр Николаевич Островский работал над половиной из полусотни своих пьес, среди которых «Бесприданница», «Последняя жертва», «Воспитанница», «Дикарка», «Светит, да не греет». В сказочной тиши этих мест явилось и неожиданное чудо – «Снегурочка».

Книга написана костромским историком, краеведом Виктором Бочковым. В 1972 г. В.Н. Бочков получил приглашение на пост заместителя директора по науке в музей-заповедник А.Н. Островского «Щелыково». Годы его руководства музеем-усадьбой не только стали временем интенсивной исследовательской и собирательской работы, но и превратили этот удалённый от крупных населённых пунктов уголок в островок взаимного доверия и взаимопонимания. В основу работы увлекательного рассказчика и глубокого исследователя положены малоизвестные архивные источники, а также рассказы потомков великого драматурга.

ДНЕВНИКИ

Книга детства: Дневники Ариадны Эфрон, 1919–1921. – М.: Русский путь, 2014. – 248 с. – 3000 экз.

«Такой книги ещё нет в мире», – писала Марина Цветаева о не осуществившемся в 1920-х гг. замысле отдельного издания записей дочери. Тетради московского детства будущей переводчицы, мемуаристки, художницы, искусствоведа Ариадны Сергеевны Эфрон (1912–1975) уникальны не только отражёнными в них событиями, но и тем, что увидены они глазами шести-девятилетнего ребёнка. Записи запечатлели как биографические подробности жизни Цветаевой, портреты и характеристики её известных и ныне забытых современников, трагические и смешные сюжеты, реалии московского быта первых советских лет, так и процесс формирования детского сознания под влиянием поэтического мира Цветаевой. Ряд текстов А. Эфрон увидел свет в составе других изданий – как правило, в отредактированном виде, но большинство записей до сих пор оставалось незнакомо читателю. В настоящем издании дневники впервые публикуются по оригиналам, хранящимся в РГАЛИ (5 тетрадей за 1919–1921 гг.), воспроизводятся также пометы рукой М. Цветаевой.

ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Валерий Попов. **Тёмная комната.** – М.: Детгиз, 2013. – 112 с. – 3000 экз.

Представьте: вы лежите дома на диване, и тут к вам приходит друг. А у друга всегда – множество идей и неизбывное желание стать первооткрывателем. Причём для этого необязательно уходить далеко от дома, открытия ждут совсем рядом. И вот вы уже раздумываете над загадкой таинственной комнаты, в которой по вечерам никогда не зажигается свет... Повесть-сказка Валерия Попова следует приключенческим традициям советской литературы. И всё же сюда включён популярный в наше время элемент фантастики, которая входит в жизнь постепенно, как сон. Удивительное ждёт нас неподалёку, стоит только внимательно присмотреться к привычным вещам. Ну, или дружить с тем, кто умеет это делать. А ещё – нужно быть смелым. Валерий Попов умеет писать интересно, с мягким юмором, ностальгическими нотками и любовью к детству.

КНИЖНЫЙ РЯД

Любовь к будущей Атлантиде

«Потемнел и ожесточился общий тон нашей литературы. Мы стали писать прошедшее либо с брезгливым ожесточением, либо с ностальгической пышностью, рисуя век то железным, то золотым и медленно забывая век человеческий, где высокое ходит об руку с низким, где свет мешается с тьмой, а беда с победой. Словно мы пишем свою Родину из эмигрантского далёка, как невольные изгнанники не только из времени, но и из страны» – так сказал в одной из статей о состоянии сегодняшней отечественной литературы известный критик Валентин Курбатов. Но, думаю, если бы он прочитал прозу Станислава Тарасова, то мог бы изменить своё мнение.

Писатель-белгородец любит своих героев – красивых и смешных, сильных и слабых, удачливых и не очень. Как правило, они представители, так сказать, простого народа, на котором и держатся наша жизнь, наше бытие и в конце концов наша страна. И время, в котором он жил и живёт – от военного безотцовского детства до нынешних, тоже далеко неблагоприятных лет, – любит, хоть о последних годах чаще говорит с грустью и печальной иронией. Это в первую очередь относится к таким произведениям, как «Поддувало и Жиганка», «Жук и Бабочка», «Приватные беседы», «Пензия». В них вчерашняя и нынешняя жизнь показана такой, какой она была и есть, но, естественно, не без гротеска, что подвигает задуматься над извечными вопросами: в чём же состоит смысл человеческой жизни и правильно ли мы её проживаем?

Станислав Тарасов идёт по творческому пути, по которому ходили великие русские писатели – Николай Гоголь, Михаил Булгаков, Василий Шукшин. Порой в его прозе чувствуется болящая интонация Василия Белова, грустно-рассудительная – Валентина Распутина, вспыльчиво-обличительная – Виктора Астафьева. И всё-таки у него в литературе своя дорога, ну, может быть, и всего-навсего тропа. Это тем более удивительно, что живёт он не в столице и даже не в областном центре, а в небольшом посёлке Ракитное на Белгородчине.

Станислав Тарасов. **Тайны из ларца времени:** Повести. Рассказы. – Белгород: КОНСТАНТА, 2013. – 256 с. – 1000 экз.

Его первая публикация была в журнале «Юность» ещё в 1960 году А в 2013-м Тарасов стал лауреатом Международной литературной премии «Прохоровское поле».

Чтение книги «Тайны из ларца времени» – это встреча с настоящей, самобытной русской прозой, с языком, которым она написана. В подтверждение сказанному выше начало повести «Жук и Бабочка»: *«На нашей улице их зовут Жук и Бабочка. Потому что он завсегда тащит что-то в руках, шарф выбился и хомутом сидит на шее, создав сходство с намыленной тягловой силой, а она бежит налегке, на зависть бабам модно, по-городскому одетая, головку кверху, ну чуть не взлетит – цок-цок-цок каблучками...»*

Теперь уже понятно: почти столетняя эпоха, называемая советской, в которой жило несколько поколений русских (и не только) людей, постепенно становится будущей Атлантидой. Пройдёт совсем немного времени, и она уйдёт в небытие (или вечность), о ней будут слагать легенды, рассказывать мифы. Да уже рассказывают! Только история да литература донесут до будущих поколений то, чем мы жили и дорожили, что и кого любили. И, может быть, тогда, исследуя культурный пласт нашей эпохи, кто-то отыщет книги Станислава Тарасова, прочитает их и тоже полюбит его героев.

Валерий ЧЕРКЕСОВ

ДЕТСКИЙ УГОЛОК

Уроки на берёсте

Михаил Попов. **Берестяная история, или Приключения отрока Онфима.** – Архангельск: Правда Севера, 2013. – 61 с. – 1100 экз.

Архангельский писатель Михаил Попов создал повесть по мотивам новгородских берестяных грамоток. Время действия повести «Берестяная история» – канун нашествия на Русь степняков-ордынцев. Место действия – Великий Новгород и Русский Север.

Главные персонажи книги – мальчик Онфим и девочка Настёна. Попадая волею обстоятельств в череду смертельных опасностей, отроки с честью выходят из них. А помогают им в невзгодах крепкие нравственные устои: любовь к матушке и батюшке, своим кровникам, преданность большой Родине. Онфим и Настёна учатся преодолевать трудности и помогают взрослым в опасном путешествии.

Книжка Михаила Попова написана несколько тяжеловатым языком, но эта архаика – намеренная и не чрезмерная, сюжет выстроен грамотно, рассказ занимателен, читается хорошо и действительно передаёт атмосферу семисотлетней давности. В книге приводится древнерусская азбука; иллюстрации (помимо собственно картинок) показывают рисунки мальчика Онфима на берёсте, а также планировку древнего города-крепости, воинов в полном снаряжении, с подписями ко всем деталям оружия, доспехов и конской сбруи. Поскольку книга рассчитана в первую очередь на детей семи-восьми лет (столько лет главным героям), её лучше читать детям вместе со взрослыми, для которых это чтение, вероятно, тоже будет познавательным. Книга к тому же вышла в авторском оформлении. Ну, так ведь и на грамотах настоящего, исторического Онфима, кроме букв и цифр, слогов и обрывков фраз, обнаружены чрезвычайно интересные рисунки.

Татьяна ШАБАЕВА

ЛИТПРОЗЕКТОР

Трое в лодке, не считая читателя

Представленные в обзоре поэты совершенно разные. Алексей Алёхин – верлибрист, Зинаида Миркина работает в традиционном русле. Олег Юрьев условно может быть также назван традиционалистом, но с элементами экспериментальной поэтики. Этих авторов объединяет, пожалуй, только высокая творческая активность – у каждого по нескольку книг, все они зрелые и опытные. Хотя, как оказалось, возрастной и какой бы то ни было ещё опыт отнюдь не является гарантией качества текстов.

Что думает стиральная машина?

Алексей Алёхин. **Временное место.** – М.: Время, 2014. – 64 с. – (Поэтическая библиотека). – 1000 экз.

Алексей Алёхин, главный редактор журнала «Арион», несомненно, мастеровит. Много лет уже пишет верлибры, знает и как смысловые акценты расставить, и как интонационно сработать строку. Например:

Толпа зубных щёток в стакане.
Приехали дети.
Тюбик совсем истощал.

Однако в целом создаётся ощущение многословности и необязательности (а в верлибре весомо и нагружено смыслом каждое слово). Ну вот, скажем, на протяжении целого стихотворения автор не очень убедительно и совсем не изящно подводит читателя к пониманию того, что на небо смотреть приятно.

Ветер чтоб гнать облака
улыбка чтобы взбежать по лицу
кошка чтобы нагнувшись погладить
будто отдал поклон
мост с отраженьем в воде
чтоб не так одиноко
бровь чтоб поднять удивлённо её
над газетой
звук порхающих ножниц
чтобы не умирать никогда
облака чтобы в небе глаза отдохнули

Перечисление это выглядит случайным и к тому же неуклюжим. Почему сказано про бровь, а не про нос или губы? Почему «звук порхающих ножниц» должен обеспечить бессмертие? И в конце уж совсем несвежая мысль о небесном притяжении для человеческих глаз.

Зачастую Алёхин использует один и тот же приём. Особенно любимый автором – остранение, смена угла зрения, когда не человек воспринимает вещи, а вещи – человека. Но когда приём повторяется от текста к тексту, то смотрится уже неоригинально.

Что думает о тебе
стиральная машина?
Или холодильник когда у него
урчит в животе?
А мнение о тебе твоего носового платка?
И даже безмозглого телевизора?

Излишние подробности и многословие – главные враги верлибра. А ещё занудство, появляющееся от монотонного говорения, от высказывания мыслей второй и третьей свежести, от использования избитых приёмов. Этих недостатков Алексею Алёхину избежать, увы, не удалось.

Вечные объятья и океан любви

Зинаида Миркина. **Тайная скрижаль:** Книга памяти Григория Померанца. – М.: Время, 2014. – 224 с. (Поэтическая библиотека). – 1200 экз.

Книгу свою Зинаида Миркина посвятила мужу, философу Г. Померанцу, с которым прожила более полувека, что само по себе вызывает уважение. Померанц ставил Миркину в один ряд с Ахматовой и Цветаевой. Столь возвышенное отношение к супруге тоже вызывает уважение. Однако вернёмся к самой книге. Создаётся впечатление, что «Тайная скрижаль» – это одно огромное стихотворение с одинаковым лексическим набором. Тайна, тишина, немота, красота, любовь, сердце – вот слова, которые можно встретить в каждом тексте:

Лес осенний. Рассветная алость.
Мир любимый рождается вновь.
Я немой красоте причащалась.
Красота превращалась в любовь.
Тихо-тихо прильну к изголовью,
Сердцем всем в твоё сердце врасту.
Переполнясь, налившись любовью,
Я тебя перелью в красоту.

Вообще поэтика Миркиной состоит практически из одних штампов: *«А что такое красота? Ведь это тайна», «Но я любима и люблю», «Тайный трепет бытия», «таинственный покой», «божественный покой», «смысл жизни в красоте», «вечные объятья», «океан любви», «тайна смерти», «земная тоска», «великая тишь», «сердце с сердцем рядом», «нежность не имеет дна»* и т.д.

Каждое стихотворение предсказуемо и не содержит никакой новизны, подобные поэтические тексты читаны-перечитаны уже множество раз, ими наполнены сайты поэзии. Да, бесспорно, по смыслу стихи Миркиной глубоки, но любая глубина, став банальной, превращается в мелководье. Иные произведения похожи на юношеские стихотворные пробы пера на тему любви:

Как листья с деревьев слетают слова.
Как слёзы всё льются и льются.
В любви признаются не раз и не два,
В любви каждый день признаются.
Признанье, вздымаясь опять и опять,
Растёт, как волна в океане.
Любовь – это то, что нельзя исчерпать,
В любви не найти окончанья.

Стихи Зинаиды Миркиной могут очаровать и произвести серьёзное впечатление лишь на профанного читателя, чего тоже добиться не так-то просто: книга стоит довольно дорого и купить её не каждому по карману.

Пора разобрать кладовку

Олег Юрьев. **О Родине**: Стихи, хоры и песеньки. – М.: Книжное обозрение, 2013. – 64 с. – Книжный проект журнала «Воздух». – Тираж не указан.

Вы разбирали когда-нибудь заваленную кладовку? Если да, то вспомните, как чихали и чертыхались, разглядывая мирно дремлющие в пыльном хаосе старые стоптанные башмаки и колесо от велосипеда, лыжи с трещиной и журналы за бог знает какой год, заплесневевшие маринады и горы разновозрастных игрушек...

Когда читаешь книгу Олега Юрьева, именно такое ощущение и создаётся, – ощущение сбившихся в кучу слов, громоздящихся друг на друге образов, хаотически наваленных миров. И если в кладовке есть хотя бы какой-то смысл, демонстрирующий спресованные слои времени и некий по-своему гармоничный закон сосуществования рухляди, то в стихотворениях Юрьева нет даже и этого.

Кое-где промелькнёт Хлебников, кое-где Заболоцкий, но в целом – сумбур вместо музыки:

есть город маленький
как птичья переносица
на светло-чёрной и сверкающей реке
чей шёлк просвеченный не переносится
на свет прищёлкнутый мостами на руке

Это вообще о чём? Попыталась представить город размером с птичью переносицу – не получилось. Дальше ещё непонятнее. Как шёлк реки можно перенести на свет? И не просто свет, а ещё и «прищёлкнутый мостами на руке»? Ну да, дескать, поэт так видит, у него сложное мироощущение и внятным ему быть неинтересно. Но всё же давайте называть вещи своими именами. Бредословие – это не стихи. Бред он и есть бред. И не нужно награждать его непроявленными смыслами. И тем более называть стихами о Родине.

А вот ещё пример:

Кто ты, товарищ бессонный, ночной,
вздыбленный дым у стены зоопарка?
Кто ты, на полой подушке свечной
льнущая к стёклам ночная товарка?

Даже не знаю, стоит ли это комментировать. Представить некоего товарища в виде «вздыбленного дыма», к тому же почему-то именно «у стены зоопарка» весьма проблематично. И что за свечная подушка? И при чём тут ночная товарка?

Любой эксперимент (в данном случае лексическая расхлябанность и нестыковка) лишён смысла, если он не работает на углубление текста. Внятность ещё никому не вредила. Представьте себе диктора телевидения, который шепелявит и картавит. Бессмысленные эксперименты в искусстве выглядят примерно так же.

Как сказано в аннотации, Олег Юрьев с 1991 года живёт в Германии, автор пяти книг прозы и драматургии и десяти – на немецком языке, получил премию Хильды Домин, присуждаемую писателям-эмигрантам.

Что же, поздравляем. Теперь и нам, живущим на родине, представилась возможность «насладиться» его творчеством. Только вот подумалось: не лучше ли всё-таки разобрать кладовку?

Аглая ЗЛАТОВА

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА, № 10 (6453)
12–18 марта 2014 г.

ШТРИХ-КОД

Ещё заря не догорает

«Свет добра» Олега Бороздина

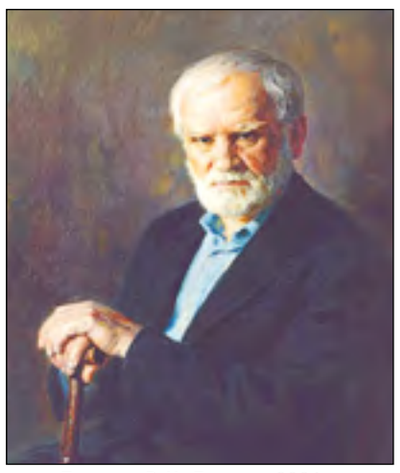
Идёшь среди янтарных одуванчиков, сердцем вбираешь трель жаворонка, утопаешь в зелёной дали, невольно воскликнешь: «Слава тебе, Господи, за благодать!»

На такой разнообразный от красот летний луг похоже творчество заслуженного художника России Олега Бороздина. От картин, где ожила природа Севера, глаз не оторвать. На иную смотришь, смотришь и погружаешься в начальное мироощущение. «Жизнь в своих истоках всегда чистая, – размышлял писатель Фёдор Абрамов, – и нравственная высота человека определяется тем, насколько он близок к этим истокам, в какой мере он имеет в себе эту чистоту. Насколько он – художник, творец!».

У Олега Бороздина и у Фёдора Абрамова исток одинаковый – Беломорье, край величественный, суровый, овеянный легендами, доныне сохраняющий исконные русские традиции. В архангельской глубинке, на станции Няндома, окружённой дивными лесами и чистыми озёрами, родился будущий художник. Его отец Александр Александрович, помощник машиниста в депо, рисовал для «себя» Стеньку Разина, пейзажи, портреты. Видимо, увлечение родителя унаследовал и сын, в семье было пятеро детей.

За плечами художника – 60 с лишним лет «вахты» у мольберта!

По-разному бывало: взлёты и провалы, обретения и потери. Если собрать всё, написанное кистью, углём, карандашом, пастелью, то зал не вместил бы. Сюда отобрали самое заветное, без чего Бороздина трудно представить. В коллекции 140 полотен, некоторые посвящены городу, ставшему для него родным. «Если хотите знать, какой была Вологда и чего в ней уже нет, – заметил один из старейших вологодских писателей Роберт Балакшин, – приходите на выставку Олега Александровича».



Портрет В.И. Белова. 2001 г.

Выставлен большой портрет В.И. Белова. Многие художники рисовали писателя. Один московский живописец, кстати, академик, изобразил В.И. Белова курчавым весёлым старичком, вроде Луки из пьесы Максима Горького «На дне». Но в жизни, а особенно – в творчестве, Василий Иванович был другим, без «курчавой благости». Об этом Олег Александрович знал, он оформлял первую книгу В.И. Белова в Северо-Западном книжном издательстве, когда активно там сотрудничал.

Однажды он рассказал историю портрета. Дело было накануне 70-летия писателя. Меценат из Череповца Евгений Лунин, друживший с Беловым, попросил Бороздина запечатлеть его, и тот согласился.

В назначенный час он пришёл на улицу Энгельса, где живёт художник и где у него небольшая мастерская, с порога заявил: «Я позировать не хочу!» Ну это надо знать Василия Ивановича! «Как же я буду писать?» – изумился Бороздин.

Всё же художник усадил гостя, несмотря на его уверения в занятости. Сидеть без дела писатель не привык (а позирование, по его мнению, разве дело?). Ну а что такое два часа для художника, рисующего с натуры? Они пролетают, как одно мгновение! Сеанс, значит, рисует Бороздин Белова, второй, третий. Мимика у писателя подвижная, трудно поймать «определённое состояние». Художник сделал наброски углём, пора переходить к краскам, но он чувствовал, что не ухватил в Белове что-то главное. И тогда, как-то исподволь, он стал вспоминать о Няндоме, военном детстве, встрече в Архангельске со знаменитым художником и сказочником Степаном Писаховым, о матери, уроженке Вологодчины. Белов успокоился, слушал Бороздина молча.

А художнику только того и надо было!

Он наконец нашёл то единственное выражение на лице, которое и перенёс на холст. Когда закончил, Ольга Сергеевна, супруга писателя, воскликнула: «Сколько его ни писали, этот портрет – самое-самое!»

Василий Иванович, взглянув на полотно, скромно добавил: «Похож!»

Начало марта. 1987 г.

Ещё в художественном училище в Ярославле, где Олег был одним из лучших рисовальщиков, он влюбился в историю России. События глубокой древности, недавнее героическое прошлое волновали, искали выхода в красках. Олег подражал в хорошем смысле знаменитому Василию Ивановичу Сурикову, автору «Утра стрелецкой казни», «Боярыни Морозовой» и других выдающихся произведений. Дипломом Бороздина стала картина «Пётр I допрашивает Софью». Переехав в Вологду, на родину своей жены художницы Елены Кулаковой, Олег не расстался с любимой темой. Большое полотно, написанное им в соавторстве с С. Кулаковым, было посвящено 800-летию Великого Устюга, называлось «Бунт ремесленников в Великом Устюге», оно присутствует на юбилейной выставке.

Картины художника об истории Родины признавали ценители искусства. Полотно «Юнком» («Правда» в деревне») украсило выставку «Советская Россия» в Москве (1980), имело широкий отклик. В разные годы Олег Александрович выставлялся в Москве, Великом Новгороде. Сыктывкаре, Вологде, Ярославле, Архангельске.

Святая тема Великой Отечественной войны. Душа хранила эпизоды военной поры, когда жил мальчишкой на станции Няндома. Болью отзывалось то, что молодые не хотели знать о героях войны, о рядовых солдатах, чьей кровью добыта Победа, о тех, кто работал на износ в тылу.

Олег Бороздин создаёт ряд волнующих картин. У него мы не найдём батальных сцен, как, например, у Василия Васильевича Верещагина. У него – душевный трепет, волнение от пережитого лично. Одна из работ цикла – «Уходили на фронт эшелоны», в центре стоит, опираясь на костыль, бывалый солдат. Это командир заставы на западной границе СССР Пётр Бутвин. Он прошёл бои под Москвой, Харьковом, попал в концлагерь к фашистам, бежал оттуда, его знал художник Бороздин. К сожалению, из-за нужды художник уступил эту прекрасную работу частному коллекционеру из Англии, теперь её нет в Вологде. Зато остались другие, несущие жгучую правду о той поре, – «От Советского Информбюро», «Встреча двух фронтов», «Северный полустанок».

Всякий раз потрясает картина «Без вести пропавший», когда её вижу. Стволы могучих берёз, а на откосе – пробитая пулей каска, останки черепа и поднимающийся стебель нового дерева. Всё это – где-то в потаённой лесной глубине. Сколько их таких, без вести пропавших, ещё на нашей земле?

Земляки из Няндомы на открытии выставки рассказали, что недавно нашли рисунки солдат и офицеров, сделанные Олегом по фотографиям с фронта. Так он подрабатывал рисованием на хлеб ещё в 14 лет. В краеведческом музее райцентра создали экспозицию, куда художник пожертвовал более 30 картин.

Говорить о полотнах – дело безнадёжное. Надо смотреть, пережить чувства, эмоции – тогда ощутишь его художественный и духовный мир. Юбилейная выставка названа «Свет добра». Это – точно! Два слова, два понятия выражают суть его творчества. И оттого в зале особая, приподнятая атмосфера, будто вошла хозяйкой природа Русского Севера с её озёрами, лесными увалами, весенними разливами и снежными узорами.

Малообщительный по натуре, отгороженный мастерской от общественных бурь, он раньше других уловил, что в России берут силу деятели, жаждущие ломки всех и вся, забвения традиций, переоценки истории и общественных норм. Обращением к природе Бороздин напоминал, что нельзя идти губительным путём, помогал осознать корни, истоки. В том же ряду стоит и известная картина «Одна», имевшая успех у ценителей живописи в Советском Союзе, и теперь она воспринимается так же остро, как в год написания. Сильное впечатление оставляют недавние картины «Безмолвие», «Заря догорает» о духовности, православии. О самом художнике можно сказать, что его заря только разгорается.

Геннадий САЗОНОВ,
ВОЛОГДА

КНИЖНЫЙ РЯД

Записки «ретрограда»

В.Я. Лакшин
Театральное эхо. – М.: Время, 2013. – 512 с.: ил. – («Диалог»). – 2500 экз.

Впервые собраны под одной обложкой статьи и воспоминания Владимира Яковлевича о драматургии и театре, артистах и спектаклях; он многое видел, со многими был знаком, о многом размышлял.

В плеяде великих, с которыми автор книги встречался лично – Яншин («...был человеком общественного темперамента: досадовал бурно, возмущался громко, притворяться не умел») и Книппер-Чехова («...подхватывает Ольга Леонардовна. – Наши писатели удивляют меня. Простите меня, но они... только колхоз или совхоз...»), Раневская («О Толстом... говорила охотно... «Я впитала любовь к Толстому не с молоком, а со слезами матери») и Немирович-Данченко («Лицо его было знакомо по фотографиям, висевшим в нашей столовой: серебряная лопатка бороды, прищуренные глаза под густыми бровями»).

Точно и взвешенно звучит мнение В.Я. Лакшина о спектаклях, драматургах, и, конечно, в книге подробно говорится о фигуре, занимающей особое место в творчестве писателя – А.Н. Островском. Немало рассуждений о театральной критике, актуальных и по сей день, автор напоминает, что «раньше вообще дождаться похвалы актёру, режиссёру от критики – это редчайшая вещь», и сетует, что мнение «кружка» из некоторых критиков обладает «эпидемической силой».

В книге много любопытных историй, анекдотов, ироничных замечаний. Писатель в шутку называет себя театральным ретроградом: «У меня отняли занавес, антракт, буфет. Я страдал, но смирялся».

И по-прежнему желал «чуда, совершаемого в волшебной... «коробочке» сцены».

М.В.

КИНОМЕХАНИКА

Хранитель времени

В конце февраля прошёл XVIII фестиваль архивного кино «Белые Столбы», который проводится под эгидой Госфильмофонда России и правительства РФ при поддержке Министерства культуры. Ежегодно в подмосковном Домодедове сотрудники кинохранилища принимают гостей: как столичных – московских и питерских, – так и зарубежных.

Интерес к российскому фестивалю растёт год от года, и его совершеннолетие отмечалось в компании киноведов, историков, кинокритиков и журналистов из Австрии, Германии, Чехии, Белоруссии, Черногории, Греции, Швейцарии, Франции, США. 10 марта отмечался День архивов – поздравляем!

Для сотрудников ГФФ стал подарком фильм режиссёра Стефано Кнюхеля, снятый швейцарской телекомпанией RSI, «Госфильмофонд: настоящее прошлого». И в этом названии заключён смысл архивного кинодела – неотъемлемой части истории искусства, истории мировой культуры и того небольшого периода истории человечества, который киноплёнка успела зафиксировать.

Работа с таким материалом – это путь подвижников, служение, граничащее с аскезой. Летом ушёл из жизни руководитель научных отделов, патриарх российского киноведения, первый заместитель генерального директора ГФФ, создатель, идейный вдохновитель, худрук фестиваля «Белые Столбы», лауреат Государственной премии РФ Владимир Дмитриев, а вслед за ним – и его верные соратники: историк кино Валерий Босенко и киновед Евгений Барыкин. На открытии смотра была показана лента Ивана Твердовского «Дмитриев» (2014), рассказывающая об этом замечательном человеке и уважаемом во всём мире, феноменальном профессионале. Фильм построен на воспоминаниях коллег и близких Владимира Юрьевича, которые, отмечая его выдающийся вклад в науку, говорили о его личных качествах, и многие остаются благодарными своему старшему товарищу за помощь и добро...

Замечательно было отмечено на фестивале 450-летие Шекспира – фильмом Сэма Тейлора «Укрощение строптивой» (1929) со звёздами немого кино, легендарной кинопарой – Мэри Пикфорд и Дугласом Фэрбенксом.

Кроме того, из коллекции РГАКФД составлена любопытная подборка хроники с фрагментами репетиций, сценами из спектаклей разных театров СССР 30–60-х годов XX века. «Король Лир» у С. Михоэлса, читка «Гамлета» у Н. Охлопкова в Театре им. Маяковского, а потом и сам спектакль: М. Бабанова (Офелия), Л. Свердлин (Полоний), Г. Григорьева (Гертруда), Е. Самойлов и Э. Марцевич (Гамлет). Эта же пьеса – в московском ТЮЗе: Г. Тараторкин, А. Шуранова, Ю. Каморный, С. Иванов. «Сон в летнюю ночь» в Театре комедии под руководством Н. Акимова и «Двенадцатая ночь» в Театре им. Вахтангова. «Макбет» с М. Царёвым в Малом театре; спектакли на национальных языках: «Антоний и Клеопатра» в Эстонии, «Юлий Цезарь» в Таджикистане, «Отелло» в Тбилиси, на Северном Кавказе и на съёмочной площадке фильма С. Юткевича – на лестнице Речного вокзала Москвы (дворец венецианского дожа), где в перерыве между дублями, сидя на лавочке, С. Бондарчук и А. Попов едят мороженое в бумажных стаканчиках...

Кадр из фильма «Лермонтов». 1943 г.

Практически забытый чёрно-белый фильм Альберта Гендельштейна «Лермонтов» снят по сценарию Константина Паустовского в 1943 г. – заметим, во время войны. Этой биографической картиной хотели отметить столетие гибели поэта, но в 1941-м война помешала этим планам. (Интересно, что помешало современным кинематографистам отметить 200-летие со дня рождения поэта? Должно быть, эпопея «Ёлки» или сага «Палки»...) Русский кинематограф обращался к произведениям Лермонтова начиная с 1909 года, и с тех пор снято порядка 30 фильмов. Здесь в заглавной роли снялся Алексей Консовский (тот самый Принц из «Золушки»!) – его мастерство в передаче сложного образа поэта-романтика восхищает реалистичностью. Невероятные глаза – несчастного, загнанного, сильного человека. В концепции фильма объединены трагический фатализм в психологии героя и предопределённая обречённость в цепи его жизненных событий – от предсмертных дней Пушкина до гибели самого Лермонтова. Поэт, несогласный на уготованную ему роль жертвы, отстаивает своё право на честь и достоинство: *«Мы, русские, никому безнаказанно не позволим себя оскорблять!»...*

К 100-летию начала Первой мировой войны были показаны военная агитка Якова Протазанова «Рождество в окопах», мелодрама о немецкой шпионке «Огнем и кровью» (оба – производства 1914 г.), французская документальная пацифистская лента «Забытые люди» (1935) с очень подробным обзором положений на фронтах и польская мелодрама «Год 1914-й» (1932), где казаки (почему-то танцующие лезгинку) показаны вероломными и беспринципными по отношению к добрым прекрасным полякам.

Ключевая тема фестиваля – «Архивные находки», но, как заметил его худрук киновед Пётр Багров, фильм, хранящийся в киноархиве, не то чтобы «находят, а открывают заново». В этом году открыты ленты О. Преображенской о Гражданской войне «Аня» (1927) с молодым М. Жаровым, А. Левшина «Чертополох» (1933) о коллективизации, короткометражка А. Медведкина «Пустое место» – единственная сохранившаяся (их было более 10), которую он сам снимал для «Кинопоезда» – созданной им в 1931-м фабрики на колёсах. Замечательный диалог шахтёра, желающего поучиться, и сторожа библиотеки: *«Тебе что? – Мне нужна квалификация. – Кажется, у нас такой и нету».* Также были показаны 37 минут незавершённого фильма А. Роома «Совесть мира» (1951) об ответственности физиков за создание ядерного оружия. Недавно в США обнаружен единственный сделанный в Германии фильм классика отечественного киноавангарда Я. Протазанова «Паломничество любви» (1922 г.). После него мастер вернулся из эмиграции на родину – здесь ему предложили сделать фильм об «Иване Грозном», но этого так и не случилось.

Очень любопытная программа «Кинопробы» – подбор исполнителей на роли в фильмах «Золушка», «Поэма о море», «Чистое небо», «Путь к причалу», когда сопоставляются разные варианты подачи одной и той же сцены. В программе «Восстановление» показаны стереоварианты (современная технология 3D) фильмов «Робинзон Крузо» (1947, реж. А. Андриевский) с П. Кадочниковым и «Разноцветные камешки» (1960, реж. С. Микаэлян) с Л. Свердлиным, а также довоенная анимация, восстановленная в цветном варианте, – «Ивашко и Баба-яга», «Дед Мороз и Серый Волк», мультфильм 1938 г. «Джябжа».

Но самый трудоёмкий процесс по восстановлению потребовался 15-минутному раритету – первое заседание Госсовета и Государственной Думы первого созыва от 27 апреля 1906 г.: в Георгиевском зале Зимнего дворца и в зале Дворянского собрания выступают с напутственными речами Николай II и митрополит Антоний. Эти уникальные кадры первой в России киносъёмки при искусственном освещении сохранены благодаря усилиям Николая Майорова и Владимира Котовского.

Фестиваль показал не только замечательную кинопрограмму, но и результат сложнейшей работы всего коллектива Госфильмофонда РФ – уникальных специалистов, которые трудятся под руководством гендиректора Николая Бородачёва, посвящая свою жизнь истории кино, сохранению, поискам, изучению, восстановлению, приумножению исторического киноматериала...

Арина АБРОСИМОВА

КОНТРСВЕТ

«Трамвай «Желание»

Спектакль в 2-х частях по пьесе Теннесси Уильямса, перевод В. Неделина

Театр у Никитских Ворот, режиссёр-постановщик народный артист России Марк Розовский, в ролях: Н. Баронина, Н. Калашник, В. Давиденко, Ю. Печенежский, Ю. Бружайте, С. Федорчук, В. Гугиев.

В пьесе Уильямса столько планов и глубины, что, кажется, можно бесконечно открывать для себя что-то новое и зрителям, и режиссёрам. В случае с этой постановкой можно открыть не только новое, но и неожиданное: она состоялась в традиционной манере.

Пьеса начинается с картинки нью-орлеанского пригорода: «Убогая окраина... Дома здесь всё больше белые, пообдинявшие от непогоды, с вычурными фронтонами, обстроены шаткими лесенками и галерейками».

Хорошо, что сцена в точности соответствует этому описанию, свидетельствуя о бережности, деликатности в обращении с литературным источником.

Хорошо, что на ней выстроена такая уютная, «домашняя» комната, в которой, казалось бы, нет места полярному этому уюту надрывному психологизму отношений.

Хорошо, что роль занавеса играет такой занятный пёстрый коллаж-инсталляция из сообразных с духом спектакля предметов – фирменный знак, символ условности театра вообще.

Хорошо, что из Стэнли режиссёр не стал делать ни бандита, ни фашиста, ни пациента психоневрологического диспансера, а оставил таким, каким его описал драматург: «Вся стать его и повадка говорят о переполняющем всё его существо животном упоении бытием». Кстати, очень удачный выбор актёра на эту роль, Владимир Давиденко абсолютно органичен в роли равнодушного, наглого и безапелляционного Стэнли. Эдакий хозяин жизни в исподнем, здесь ещё одно «кстати»: майка-«алкоголичка» – самый популярный «костюм» для мистера Ковальского в постановках по всему миру, если судить по фотографиям.

Как и положено по театральной традиции (коль скоро речь идёт о хорошей пьесе), игры с нарративом здесь не нужны, действие само развивает и ведёт все конфликты. Приезд обходительной южанки Бланш, попытки соотнестись с грубой реальностью её зятя сталкивают два столь различных мира, и трагическая невозможность понять и принять друг друга приводит к закономерному финалу.

«Я всю жизнь зависела от доброты первого встречного», – это последние слова Бланш.

Все мы зависим от чьей-то доброты.

Алёна БАШКИРОВА

«Не всегда нужно быть первым»

У России с Западом всегда были напряжённые отношения. Хотя во главе нашего государства всегда стояли люди, воспитанные на христианстве и европейской культуре, Запад не хочет нас принимать за «своих». А в российской элите распространено подобострастное отношение к Европе и самоуничижительное к своей стране и своему народу. Так было и в XVIII веке, так остаётся и в XXI.

О сложных взаимоотношениях России и Европы мы беседуем с деканом Высшей школы телевидения МГУ политологом Виталием ТРЕТЬЯКОВЫМ.

– Виталий Товиевич, вы постоянно говорите о том, что Россия – особая субцивилизация внутри евроатлантической христианской цивилизации...

– Евроатлантическая цивилизация состоит из трёх основных субъектов. Самый старый – Западная Европа (Евросоюз), более молодой – Восток Европы, собственно Россия – одна или с союзниками и самый молодой и самый агрессивный, доминирующий сегодня над ЕС, – США.

Европейская цивилизация развивалась и лидировала до возникновения США. Когда возник СССР, началось соревнование двух политических систем, что ещё более ускорило прогресс евроатлантической цивилизации. Все остальные далеко отстали от неё.

С исчезновением СССР, резким ослаблением России и чрезвычайным усилением на этом фоне Евросоюза и США импульс внутреннего развития цивилизации резко ослаб, что позволило приблизиться к ней, например, Китаю. По многим причинам наступил кризис христианской цивилизации.

Раньше демократия была волей большинства, которое избирало власть, действовавшую в интересах большинства. Если же власть их нарушала, то на следующих выборах большинство формировало новое правительство. Теперь демократию трактуют как волю суммы меньшинств. Внешне это, может, и красиво, но, по сути, меняет всю жизнь общества очень сильно. В последние пять лет активные меньшинства перешли к навязыванию своей воли большинству.

– То есть демократия вырождается в нечто противоположное?

– Да, большинство так назащищало меньшинство, что теперь его активные группы уже вошли в раж, считают себя всегда правыми и указывают путь большинству, превращая его в пассивного последователя своих идеологий.

Особенно это хорошо видно в истории с ЛГБТ-сообществом. Оно сначала защищалось от преследований. Когда же вся Европа перестала лезть в постельные дела геев и предоставило им право жить так, как они хотят, это меньшинство тут же стремительно принялось вытаскивать свою интимную жизнь на площади и требовать от большинства, чтобы оно аплодировало.

Более того, они уже заявляют, что более нормальны, чем гетеросексуалы, и требуют от большинства жить по законам, утверждаемым ЛГБТ-сообществом. И именно оно теперь намерено толковать, что такое хорошо и что такое плохо.

Ещё лет пять назад на Западе не могли представить, что все президенты и премьер-министры будут вынуждены при каждом удобном случае подчёркивать, что они не против сексуальных меньшинств и даже за их право на браки. Но теперь это так. А мнение большинства, заметим, естественного большинства, просто игнорируется. А те, кто это мнение высказывает, третируются.

– СССР осуждали за нарушение «прав человека». Россию сейчас осуждают за «нарушение прав ЛГБТ»...

– Институт прав человека (сам по себе неплохой) в годы холодной войны стал использоваться как политическое оружие. Против видимых успехов СССР было выступать тяжело, тогда стали указывать на ущемление прав человека. Но после ухода от власти КПСС предъявлять такие претензии стало сложно, это пропагандистское оружие обветшало и уже неэффективно.

Политическая борьба против России сегодня идёт снова в тех же масштабах, только используют иное оружие.

– Но почему продолжают вести идеологическую борьбу против России, ведь сейчас нельзя сказать, что государственная идеология РФ сильно расходится с западноевропейской?

– Борьба за «права человека» предполагала: везде будет открытое общество, и «нецивилизованные народы» постепенно станут цивилизовываться, отчего европейский мир будет укрепляться.

Но сейчас всё происходит наоборот – европейская цивилизация ослабляется, ибо приезжающие в Европу представители иных культур вовсе не хотят принимать европейские нормы поведения, живут анклавами по своим законам и всё больше навязывают Европе свои ценности. Нельзя уже появляться публично с крестом на груди, праздновать Рождество под рождественской ёлкой и тому подобное.

Агрессивная поддержка ЛГБТ-сообщества ведёт напрямую к гибели Европы. Когда закон ставит права таких граждан выше прав большинства людей, то ясно, что рано или поздно такое ненормальное общество исчезнет.

Европейская цивилизация сдаёт свои ценности, однако ни одна другая цивилизация не руководствуется принципами терпимости к чужим ценностям, наоборот – идёт экспансия с целью умножения числа своих приверженцев и желания заполнить те пространства, что Европа отдаёт.

Не стоит забывать – Россия внесла гигантский вклад в евроатлантическую цивилизацию. За короткий срок – последние 200 лет – наша страна полностью вписалась в европейскую цивилизацию и чрезвычайно её обогатила.

– То есть России нужно не только не стыдиться чего бы то ни было из своей истории – нам надо гордиться?

– Конечно! Но наша интеллигенция и в значительной степени политический класс по разным причинам привыкли ставить Россию в подчинённое положение перед Западом: «Да, мы сильные, но цивилизационно – недотёпы, недоразвитые. И есть цивилизованные страны, а есть недоцивилизованные». Это совершенно абсурдный подход. Кроме того, он имеет немало негативных последствий.

Если признаёшь себя недоцивилизованным и стараешься исправиться, становясь цивилизованным, то надо на что-то ориентироваться. На западноевропейцев? Они со своим евроцентризмом всегда готовы к этой роли. Они всегда учили весь мир тому, что хорошо и что плохо. Но есть ли у них сегодня на это право?..

Политическую догматику наши либералы тоже заимствуют у Запада. Российское – всё плохое. А тамошнее – всё хорошее, и его пытаются перенести сюда. Но не получается. Сколько ни заимствуют западные модели, для России

ИТАР-ТАСС

Париж. Демонстрация сторонников традиционных ценностей

Можно называть российскую субцивилизацию консервативной, но она способна стать спасительницей всей европейской цивилизации. Мы хотя бы не ставим пока права сексуальных меньшинств превыше всего остального.

Мир развивается разнообразием, если же социум становится однообразным, он умирает. Преимущества демократии обнаруживаются на фоне авторитаризма, если же его не будет, то исчезнут и плюсы демократии.

– Более того – с Запада наступает «либеральный тоталитаризм». Когда тебя заставляют думать так же, как все остальные.

– Да, разнообразие мнений исчезает, наступает монотонная либеральная пустыня. В которой меньшинства навязывают большинству своё понимание, как надо жить.

А значительная часть тех, кого мы называем российской интеллигенцией, заняла совсем уж недопустимую позицию: «Раз Россия младше Европы и ещё не всё умеет из того, что умеют её старшие европейские братья, то ей надо смиренно становиться на колени перед ними и просить прощения за то, что она не такая, какой её хотела бы видеть Европа».

Почему российская интеллигенция заняла такую позицию ещё с царских времён – отдельный вопрос. Но трудно найти в мире прослойку образованных людей, которые больше ненавидят Россию, чем значительная часть нашей интеллигенции, в основном столичной.

Люди дня не могут прожить, чтобы не сказать какую-то гадость о России. Причём себя они отделяют от страны – много в России плохого, кроме них самих. Чем хороши они? Да тем, что похожи на старшего европейского брата. Правда, насколько похожи на него, надо ещё разбираться.

Я же в том, что мы разные с Европой, вижу наше преимущество. Как представитель русской цивилизации не обнаруживаю для себя ничего ущербного в том, что мы младше Европы. Да, в политических делах пока умеем и меньше, но зато мы моложе, и у нас есть то преимущество, что мы имеем больше шансов прожить дольше. Да ещё, возможно, поможем и старшему брату спастись.

как части одной цивилизации, казалось бы, мы должны помогать друг другу, сохраняя разнообразие внутри цивилизации... Нет – Запад бьёт своих же! Чтобы чужие, что ли, боялись?

– Но что будет с европейской цивилизацией, если на месте России будут жить иные люди, уже не представляющие европейскую цивилизацию? Или Европа тоже откажется от европейской идентичности?

– Цивилизация всегда зиждется на традиционных ценностях. Особенно важна традиционная мораль. Именно она сохраняла и европейскую, и российскую семью столетиями. Но кто хранитель традиционной христианской морали? Не Уголовный же кодекс!

Религия – хранитель морали, в русском варианте – это православие. Даже если много плохих священников, в целом именно Церковь остаётся хранительницей морали – неформальной, но это даже больше, чем формальная. Без Церкви кто будет хранителем моральных ценностей? А христианство за две тысячи лет и православие за тысячу делами доказали, что способны сохранять моральные ценности. Это историческая гарантия, и лучшей пока нет.

В России давно пора создать государственную идеологию, которую надо начинать изучать с первого класса. Сдавать экзамены, конечно, не нужно. Но национальная идея, формализованная в Конституции, в законах, в неких идейных установках, безусловно, нужна.

Сейчас у нас её нет, никто во власти не может сформулировать, что мы строим в России. Красивую жизнь для всех? Но коммунисты гораздо чётче об этом говорили. Но не получилось. Жизнь, как на Западе? Тоже не выходит.

Уважающий себя человек не может строить свою жизнь, рабски копируя чью-то чужую. Это, кстати, противоречит и законам европейского индивидуализма и либерализма. Нормально, когда человек живёт по-своему и не комплексует, что он не такой, как все. Но многие в нашем правящем классе и вся российская богема смотрят на Запад как на лучшее место для жизни и переправляют туда накопленные богатства, детей и жён.

Да, у России много проблем, но если её не станет, то скоро не станет и Европы! Более естественная и консервативная русская цивилизация – единственный гарант сегодня спасения Европы в целом.

– Европа бежит к пропасти? И тянет нас за собой?

– Мы, слава богу, не спешим. Во всяком случае – бóльшая часть нашего общества. Если европейцы туда рухнут, мы восполним собою пространство европейской цивилизации. Но для такой роли нам надо стать сильнее и многочисленнее. И стараться удержать от падения в пропасть европейцев. Всё же есть ещё надежда, что Европа одумается.

Вот в этом я вижу историческое предназначение России сегодня.

К сожалению, у правящего класса, и особенно интеллигенции, единственная цель – «стать цивилизованной страной», стать, как европейцы. Хотя европейцы сегодня далеко уже не те, какими были ещё недавно. Если Западная Европа и далее будет развиваться так же, то надежды в деле сохранения цивилизации остаются только на Россию... Но существует ряд проблем и ограничений.

– Какие из них самые главные?

– Первый – вбитый комплекс отставания от Западной Европы. Он сидит слишком глубоко во всех. Я не раз писал: не всегда важно быть первыми. Если тот, кто впереди тебя, бежит в пропасть, не достоинство – обогнать его. Лучше уж быть как минимум вторым. И вовремя свернуть в сторону. Но тенденция оценки жизни как спортивного соревнования, увы, очень сильна.

Второе. Те великие цивилизационные ценности, которые были в Европе всегда, включают комфортную жизнь. Она для масс населения всегда очень привлекательна. Внешний комфорт оказался крайне очень важен для российской интеллигенции. Она хотела свободы духа, свободы мысли, слова, но и чтобы рестораны были, как в Париже. А между тем чаще всего приходится жертвовать одним во имя другого. Такова жизнь.

Третье. Всё-таки действительно Россия, и особенно в сталинские времена, изолированно развивалась, что, кстати, является и преимуществом – мало какая страна настолько самодостаточна, что может развиваться не за счёт других. А Европа развивалась во многом за счёт колониальных народов. Сколько Запад высосал из всего мира – тут он чемпион!

Изолированность СССР сыграла свою роль. Запад перестал воспринимать нас как способных мыслить на равных. А мы окончательно подчинились его идейным доктринам.

При Горбачёве в СССР рухнули общественные науки. Сейчас в них ничего Россия не создаёт. Даже в сталинские и брежневские времена, борясь и конкурируя с буржуазной идеологией, советские философы (все они в той или иной степени были инакомыслящими в отношении коммунистической догматики) создавали что-то своё. Сегодня же вообще нет ничего своего! В России за 25 лет интеллектуальной свободы и запрета государственной идеологии не создано ни одной общественной доктрины! Вообще ничего не родилось.

Прямое навязывание через реформирование образования болонских процессов и западной догматики привело к тому, что самый глубокий кризис в РФ – не экономический и не финансовый.

Два главных кризиса у нас – демографический и идейный. Мы не знаем, что делать: нас по-прежнему тянут на Запад жить по европейским образцам. Но если Запад навязывает патологические требования, то почему мы должны доверять его политическим доктринам?!

– Русская цивилизация выглядит одновременно как богатырь Илья Муромец (но с больными ногами) и как великан Гулливер, опутанный верёвками лилипутских стереотипов.

– Запад создавал эти путы-стереотипы для нас специально, часто спекулятивно. А наша интеллигенция охотно эти путы приняла.

Россия развивается – и это легко доказать по её истории – эволюционными скачками. Впечатление о нашем отставании, которое, конечно, технологически иногда проявляется, во многом сильно преувеличено. Оно складывается из-за того, что Россия какое-то время «дремлет», но потом просыпается резко.

Россия ведь гигантская! Сколько времени надо, чтобы реформировать Чехию и сделать её совершенно иной? И сравните наши пространства. Это всё равно как перестроить коттедж и небоскрёб. Россия – небоскрёб.

Эволюционные скачки (в XIX веке и XX их было как минимум два: сталинская индустриализация при всех её издержках и эпоха до середины 70-х годов, когда развитие культуры, науки, образования шло бурно) бывают в двух случаях.

Это когда случается нечто, после чего по-старому жить дальше нельзя, то есть когда жареный петух клюнул. И когда чужие путы просвещённых лилипутов начинают грозить твоей жизни – ты начинаешь от них задыхаться.

В наших СМИ, в правящем классе всё определяют по-прежнему активные прозападники, постоянно бубнящие, что Россия – нецивилизованная страна. В этом плане я пока не вижу активного интеллектуального пробуждения, хотя идейная борьба и обостряется.

– Ждать ли в России нового эволюционного скачка?

– Он произойдёт в результате какого-то очень большого кризиса. Либо в России что-то такое произойдёт, после чего люди заявят, что не могут более терпеть унижения. Либо когда что-то случится на Западе.

Думаю, что в Евросоюзе где-то в около 2020 года наступит сущностный кризис, который приведёт к тому, что ЕС начнёт рушиться, примерно так же, как СССР.

Это будет происходить на глазах тех, кто говорит нам, что Европа – безусловный образец. Вот тогда и начнётся новый эволюционный скачок России.

Но лучше бы этот скачок начать раньше самим, опираясь на своё разумение. Однако, к сожалению, пока у нас идеологически (но не идейно!) сильнее и сплочённее сторонники западных ценностей.

Беседовал **ВЛАДИМИР ПОЛЯКОВ**

КНИЖНЫЙ РЯД

«Великая душа» для императрицы

Д. Гриффитс. **Екатерина II и её мир:** Статьи разных лет. – М.: Новое литературное обозрение, 2013. – 536 с. – (Серия: HISTORIA ROSSICA). – 1000 экз.

История России XVIII века была особенно интересна Западу. Именно тогда она стала называться империей и начала играть значимую роль в мировой политике. Но ещё важней то, что как раз в те годы сформировалась та специфическая «российская матрица», которая сильно влияет на поведение Российского государства на протяжении всех следующих лет, хотя оно из монархического превратилось в коммунистическое, а потом и в нынешнее.

Гриффитс именно поэтому выбрал для себя главной темой исследование правления Екатерины Великой. А в резюме определил научные интересы так: «Россия XVIII века. Социальная и интеллектуальная история. Марксизм».

Сборник содержит 17 интересных статей, помогающих глубже понять личность императрицы, её политические взгляды, социально-экономическую политику, отношения с Европой и США и разоблачающих вредные небылицы, выдуманные про выдающуюся правительницу России.

Самый известный миф – о «потёмкинских деревнях» – опровергает статья «Екатерина II открывает Крым» (об инспекционной поездке 1787 года). Историки полтораста лет твердят, что путешествие это было «увеселением». Да, и веселились тоже, но императрица и трудилась с раннего утра до обеда, и даже вечером уединялась для дел. Ведь целью поездки была интеграция в Россию её новых территорий.

В Каневе Екатерина II обсуждала европейские дела с королём Польши Станиславом-Августом. А в Херсоне была важная встреча с императором Священной Римской империи Иосифом II, его она уговорила проехаться по Крыму, где он убедился, что там князь Потёмкин добился больших успехов. И не было никаких «потёмкинских деревень», кои так любят поминать.

Гриффитс считает, что для понимания могучей мотивации императрицы к исполнению колоссальных преобразовательных замыслов надо знать, что она была сторонницей особой версии бессмертия XVIII века, считавшегося наградой тем, чьи дела будут жить вечно в памяти потомков. Французский философ Дени Дидро, с которым Екатерина II была в дружеской переписке, считал, что если бессмертие это и есть химера, «то химера великих душ».

Императрица была склонна думать о себе как о такой «великой душе», а потому и стремилась к уважению будущих поколений россиян. Статьи Гриффитса содержат много доводов в пользу того, что делами по развитию государства Российского она заслужила наше почитание.

ВЛАДИМИР ЗИНОВЬЕВ

Патриот и «свободный мир»

Адам Джонсон. **Сын повелителя сирот.** – М.: Библос, 2014. – 508 с. – 2000 экз.

Когда американский профессор пишет художественный роман о Северной Корее и книга тут же получает Пулитцеровскую премию, трудно испытать читательский энтузиазм. Хотя Джонсон действительно бывал в КНДР, отслеживал тамошнюю прессу и беседовал с северокорейскими беженцами – вряд ли его книга свободна от заданной идеологии. Однако она всё же производит благоприятное впечатление. Дело в том, что Джонсону удался образ главного героя – не беженца и не тихого диссидента, мечтающего, что придут американцы и принесут свободу. Чон До – отважный боец, выкованный армией, и корейский патриот, отнюдь не вынашивающий планов бегства из страны в «свободный мир».

Но в первую очередь он – человек, верх в нём берут врождённый здравый смысл и чувство справедливости, и это преображение совершается не столько под влиянием «зова свободного мира» (хотя, судя по интервью, автор предполагал такое), сколько естественным ходом вещей. Чон До вызывает у читателя симпатию – а она, в свою очередь, распространяется и на всю книгу.

ТАТЬЯНА САМОЙЛЫЧЕВА

ТЕЛЕСКАНДАЛ

Троянские кони на переправе

Первые потери новой холодной войны

Недавно на сайте «Эха Москвы» появилось эмоциональное послание главного редактора Russia Today Маргариты Симоньян по поводу того, что «*ведущая нашего американского бюро, Лиз Уол, в прямом эфире объявила, что увольняется, так как не согласна с позицией канала*». Маргарита Симоньян находит некое оправдание сотрудникам-перебежчикам и объясняет, чем она отличается от них: «*Почему я продолжаю работать на канале, который один(!) противостоит тысячам, десяткам тысяч западных СМИ, рассказывая другую сторону истории, находясь под ежеминутным прицелом этих СМИ и не успевая отбивать атаки, я понимаю. Потому что это моя Родина. У меня нет другого пути. У ребят, работающих на RT в разных странах, граждан других государств, сейчас находящихся на грани холодной войны с Россией, другой путь есть*». Поскольку этот текст был размещён на сайте «Эха», его можно понять как некую объяснительную записку либеральным коллегам: дескать, у кого-то есть другие пути, и я их понимаю, а у меня, вот беда, нет.

Маргарита Симоньян, отважно работавшая на Северном Кавказе, а потом успешно в президентском пуле, в возрасте 25 лет была назначена главным редактором RT (и хорошо, что она, а не Тина Канделаки или Ксения Собчак), работает она на своём посту уже больше восьми лет и должна понимать, что Запад не на грани, а давно в состоянии информационной войны с Россией. А на войне как на войне – бывают и трусы, и перебежчики, и тут не истерить надо, не оправдывать предателей, к тому же нарушивших все нормы корпоративной этики, не восклицать о «моей Родине», а исправлять ошибки, совершенствовать кадровую политику и не допускать подобных казусов – в этой тщательной, каждодневной работе и заключается любовь к Родине.

У телекомпании «Россия сегодня» (Russia Today) – 2500 сотрудников и огромный бюджет – есть возможность нанимать иностранных «ребят» (вплоть до Ларри Кинга), чтобы они доводили до своих соотечественников позицию России, рассказывали о том, что, кроме них, там никто не расскажет (как, например, про скандальные переговоры Эштон и Паэта о снайперах). RT – мощное орудие в информационной войне, за рубежом у телекомпании большая аудитория, что даже вызывало серьёзное недовольство Хиллари Клинтон. В успехах «России сегодня», безусловно, есть заслуга Маргариты Симоньян, видимо, современного энергичного менеджера, но она нас как бы предупреждает, что случаи «другого пути Лиз Уол» вполне допустимы в дальнейшем, и, шумно хлопнув дверью в прямом эфире, новые «ребята» с повышением гонораров перейдут с RT на какой-нибудь американский канал.

И вот о гонорарах. Бабло не всегда побеждает зло, против денег найдутся ещё бóльшие деньги. Однако вспомним, что в XX веке многие иностранцы работали на нашу страну совершенно бескорыстно: во времена Коминтерна, мечтая о мировой революции, потом ввиду симпатий к первой стране социализма и Красной Армии, победившей фашизм, далее ввиду неприятия американского гегемонизма, осознания тупиковости либерального проекта. Некоторые дорого заплатили за свои взгляды, как, например, часто сейчас появляющийся на российских экранах американский диссидент Линдон Ларуш. И нужно искать таких, которые не за деньги, а из внутренней потребности хотели бы рассказать правду американцам об их экономике, о роли США в украинском кризисе, о неонацистах о Киеве и о том, до чего довёл Украину майдан, о торжестве охлократии и олигархата.

А на территории России холодная война идёт давно, в ней на стороне Запада выступают многие СМИ, в том числе и некоторые основательно заболоченные государственные. Там часто выступают американские пропагандисты Владимир Познер и Николай Злобин и не американские, но ослеплённые такой ненавистью к Родине, что не только кушать, но и «мозг включить» иногда не могут. Леонид Радзиховский, вроде наиболее трезвый из либеральных политологов, недавно на «Эхе», рассуждая о преимуществах западных ценностей перед «нашими скрепами», ошарашил: «Высокие социальные гарантии – это ведь всё с Запада», в том числе и «право на образование».

Не знаю, платила ли за своё профобразование Маргарита Симоньян (Кубанский университет и Школа телевизионного мастерства Владимира Познера) – она училась уже при капитализме, но Леонид Радзиховский застал советский период и получал абсолютно бесплатное образование, ещё и немалую стипендию в МГУ. Зачем врать? Идеи «социальных гарантий» пришли на Запад как раз из советской России после произошедшей у нас социальной революции – капиталистические страны вынуждены были многое перенять в период соревнования с социалистической системой. Но ровесники Симоньян, заставшие только перестроечный бардак, поверят Радзиховскому, как верили пропагандистам-антисоветчикам вроде Сванидзе и Пивоварова, которые более 20 лет прививали зрителям презрение к России, повторяя бред про то, что «полстраны сидело, полстраны охраняло», «десятки миллионов сгинули в ГУЛАГе», «СССР = гитлеровская Германия», «завалили фашистов трупами». Смеялись над энтузиазмом и бескорыстием тех, кто создавал Советский Союз, его мощную индустрию и великую культуру, высокоорганизованное, образованное и нравственное гражданское общество.

Часто они говорят: любим страну, народ, но ненавидим государство. Как будто не знают, что без сильного государства никакая страна, тем более такая большая, как наша, существовать не может. Противно цитировать тех в отечественных СМИ, кто уже выбрал или готов выбрать «другой путь», – таких довольно много и в госструктурах, и в вузах. Вспомним, что говорил о России бывший губернатор Чиркунов, а о Достоевском и русских – руководитель Роснано Чубайс и совсем недавно о «горячем поклоннике Муссолини» Сталине и «национальном герое Украины» Бандере – профессор МГИМО Андрей Зубов...

На днях в одной из передач «Эха» ведущие очень обиделись на дефиницию пресс-секретаря президента «**нано-пятая колонна**», обиделись на «нано», а не на «пятую колонну». Они мнят себя могучей кучкой моральных авторитетов, борющихся против «кровавого режима», и искренне сожалеют, что он всё ещё недостаточно кровав. А также простодушно недоумевают, когда их отключают от государственного финансирования, как это недавно было в ситуации с РИА «Новости». Нанимать, перекупать подобных «эффективных менеджеров» и «правдоносцев» глупо – продадут, как Лиз Уол, в самый неподходящий момент.

Теперь, когда этот момент настал, не надо пренебрегать успешным опытом наших отцов и дедов, опытом строительства и защиты Отечества. И нельзя повторять их ошибок. История России неразрывна, она не прерывалась в 17-м, не прекратилась ни в 41-м, ни в 91-м. СССР проиграл Западу отнюдь не в экономическом соревновании, а был разбит в информационном сражении, в котором руководители идеологического фронта (Александр Яковлев, Эдуард Шеварднадзе и другие) перешли на сторону противника. И сегодня в эфире и блогосфере России полно их последователей – неутомимых троянских пегасов. Проигрывать им ни в коем случае нельзя.

Александр КОНДРАШОВ

ТЕЛЕСЕРИАЛ

Клюква развесистая, ростовская

«Чёрные кошки» на Первом

Появление в титрах имени Рубена Дишдишяна вызывает у меня неизменную настороженность. Этот плодовитый теле- и киномагнат спродюсировал в 2012 году три фильма, в 2013-м – уже десять, в планах на 2014-й – тридцать семь (!). Продюсер Дишдишян – это и одиозные «Наша Russia. Яйца судьбы», и сомнительные «Доктор Живаго», «Доктор Тырса», «Вольф Мессинг»... С другой стороны, в активе у продюсера «Ликвидация» и «Брестская крепость»...

На этот раз зрителям Первого канала была представлена развесистая клюква, высаженная на ростовской земле (хотя фильм вроде бы снимался в Одессе, но место и время действия обозначены точно – Ростов-на-Дону, 1947 год).

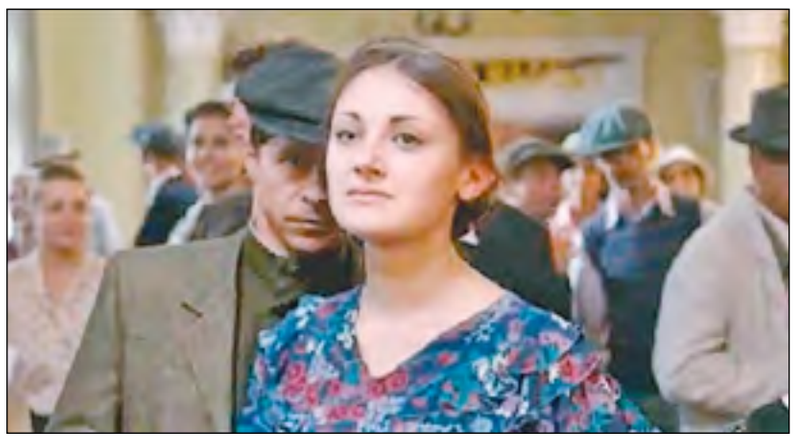
Название, стилистика фильма явно отсылают к «Месту встречи...» и «Ликвидации». Но только по внешним признакам. Апелляция к любимым зрителями сериалам – всего лишь манипуляция, способ заманить телеаудиторию, стимулировать рейтинг. По всем остальным критериям, и в первую очередь качеству драматургии, «Чёрные кошки» режиссёра Е. Лаврентьева «даже не эпигонство, а скорее, пародия. Вроде и актёры известные, и снято прилично, а всё равно впечатление, что делалось это как бизнес-проект, где вместо творчества – креатив, а вместо искусства – бизнес-проект.

Итак. Первый секретарь обкома ВКП(б) – карьерист и рвач, имеет любовницу из числа агентов иностранных спецслужб. Его свояченица – «расхититель социалистической собственности в особо крупных размерах», а супруга – соучастница преступлений. О преступных деяниях самого «первого» прямо не говорится, но, кажется, подразумевается.

Органы МГБ иностранных шпионов и диверсантов не ловят, а только раскручивают малозначительные дела вроде пропажи мешка картошки. Милиционеры в сериале тоже занимаются не своим делом. Вместо того чтобы бороться с грабителями, бандитами и прочими уголовниками, они преследуют и в конечном счёте уничтожают группу элитных диверсантов. А вот с уголовниками милиция «сотрудничает».

Важнейшая составляющая фильма – закадровый текст в начале каждой серии, дающий трактовку разнообразных моментов советской истории. Сценаристы В. Семеновых, Ю. Стукалин, А. Радько убеждают телеаудиторию, что не было в те времена руководителей, которые заботились о чём-то ином, кроме личного благополучия. Антисоветский пафос картины подкрепляют прямой агитацией в виде закадрового текста (иногда – в лоб, иногда – завуалированно) на тот случай, если кто-то из зрителей не поймёт идеологического подтекста произведения.

И ещё, конечно, сериал рекламирует западные ценности. Это и преклонение главной героини Даши (Марина Коняшкина) перед достижениями американской медицины, хотя превосходство послевоенной советской хирургии никем и никогда под сомнение не ставилось. Это и восхищение женщин заграничным барахлом. Это даже выбор для открытия кинотеатра – трофейного кино, хотя, например, в том же 1947 году на советский экран вышли и «Весна», и «Подвиг разведчика».



А также создатели фильма откровенно любуются засланными немцами. Они прекрасно сложены, умны, находчивы, всё всегда у них получается (ну за исключением последнего эпизода – но это же законы жанра). На них даже форменная одежда, снятая с убитого военного или прихваченная на складе, сидит так, как будто сшита лучшим ателье индпошива.

Положительными героями выведены только сотрудники отдела Драгуна (Павел Деревянко), которые по воле сценаристов вынуждены заниматься чем угодно, только не выполнением своих прямых обязанностей. Да ещё хорошие парни – уголовники, которые активно не приемлют факта нахождения фашистских диверсантов в городе. Причём уголовники эти отнюдь не бедствуют, живут на широкую ногу, не имеют недостатка ни в предметах роскоши, ни в оружии. То, что подобное положение могло быть обеспечено только за счёт законопослушных граждан, сценаристам, видимо, в голову не приходит.

Сюжет то и дело вызывает недоумение. Ведь каждое событие должно иметь какую-то предысторию, мотивировку, однако с этим у сценаристов очевидные проблемы. По ходу сериала неоднократно напоминается, что первый секретарь обкома Купленов познакомился с Анной в годы войны. При этом, судя по всему, город он не покидал, а значит, скорее всего, был в подполье. Ростов-на-Дону был под оккупацией меньше семи месяцев (неделю в 1941-м и чуть более полугода в 1942–1943-м). Логичен вопрос: когда успели? Можно предположить, что Анну внедрили ещё до войны, но тогда почему она не раскрылась в период оккупации (когда судьба СССР немцам казалась предрешённой)? И что она делала в течение четырёх лет после освобождения города – работала банальной наводчицей для пришлых из Германии бандитов?

Как и когда в рядах ГБ мог оказаться столь высокопоставленный агент с очень конкретной целью? Чем занимались до его приезда – четыре года – спецназовцы из «Бранденбурга 800» (подразделения, реально существовавшего, но на территории Ростова-на-Дону не отметившегося)? Просто грабили и бандитствовали? Но для дестабилизации обстановки в послевоенном городе этого явно недостаточно.

И главный вопрос, на котором, по существу, держится вся сюжетная линия. Оказывается, основной целью всей этой группы агентов и диверсантов были поиск и вывоз за границу учёного, который мог бы создать ядерную бомбу. Вывезти то ли в США, то ли в Аргентину. Но зачем? Американцы ещё за два года до этого провели испытания ядерной бомбы. И ещё получается, что у немцев уже в конце 1942-го было готово ядерное устройство, которое они намеревались испытать именно в Ростове-на-Дону (где Ростов и где Пенемюнде?). Впрочем, возможно, таким образом сценаристы как бы намекают, что наши учёные никакой бомбы и не изобретали вовсе, а тупо использовали наработки, доставшиеся после разгрома немецкой агентуры бравыми милиционерами.

Наверное, можно возразить, что сюжетные противоречия и нестыковки – всего лишь художественный приём. Что, мол, незачем искать ляпы в фильме, не претендующем на историческую достоверность. Но ведь по таким «произведениям» судит о жизни своих дедов и прадедов, о жизни своей страны современная молодёжь, и без того не отягощённая знаниями по истории Отечества!

Владимир ЗАХАРЬИН

ТЕЛЕПРОПАГАНДА

Шеремет против Путина

Ведущий Общественного телевидения России Павел Шеремет – личность известная. Многие помнят его активную деятельность на «белорусском фронте», последовательную работу по дискредитации Александра Лукашенко, в связи с чем ещё в 90-е Шеремета вполне заслуженно начали называть информационным киллером.

Когда Шеремет появился на новом государственном канале России, это не могло не вызвать недоумения, как, впрочем, и вся кадровая и информационная политика руководителя ОТР Анатолия Лысенко. Однако сейчас вопросов к Шеремету и его нынешнему шефу становится ещё больше.

Дело в том, что Шеремет занял новый плацдарм – на «украинском фронте». Ведущий российского телеканала ОТР стал активно влиять на общественное мнение Украины, используя такие одиозные ресурсы, как интернет-портал «Украинская правда» и Hromadske TV. И тот и другой традиционно являются субъектами антироссийской информационной войны, ведут кампанию по дезинформации украинской аудитории. Понятно, какую услугу оказывает Павел Шеремет просто самим фактом сотрудничества с этими СМИ. Его суждения не только вписываются в общий контекст нынешней украинской пропаганды, но, что очень важно, обогащают её новыми красками – критика России из уст российского журналиста имеет особый вес и значимость.

Старый солдат идеологического фронта Павел Шеремет умело манипулирует аудиторией: он выступает в образе «честного журналиста», «независимого аналитика», старательно создаёт иллюзию объективности, используя стандартные приёмы – особый тон, специальные стилистические конструкции.

Мишенью Павла Шеремета на этот раз стал другой высокопоставленный политик – Владимир Путин. Шеремет по мелочам не разменивается. Сейчас он на площадке украинских СМИ пытается выступать в качестве публичного психоаналитика президента России. Вот он как бы невзначай использует в отношении ВВП термин «немотивированная агрессия», а вот демонстрирует осведомлённость: «Близкие к российскому президенту люди рассказывают, что он словно закодирован». Шеремет утверждает: «Путин всегда смотрит вечерние новости. Он смотрит и офигевает от увиденного, от разбушевавшихся бандеровцев, от несчастных беркутовцев, которых все обижают...» В этой ироничной сентенции – и лояльность к бандеровцам, и презрительное отношение к «Беркуту». Но важнее отметить откровенную манипуляцию, которая в иных обстоятельствах могла бы считаться обычной глупостью. Нет, Шеремет прекрасно понимает, что президент России основывается в своих решениях не на телевизионной картинке, а на разнообразных дипломатических, разведывательных и аналитических источниках. Однако план Шеремета – представить Путина маньяком-недоумком. Политическому лидеру с репутацией расчётливого стратега, имеющему на Украине едва ли не бóльший рейтинг, чем в России, пытаются присвоить новый вульгарный образ.

Именно на этой уловке основана комплексная украинская пропаганда последних недель. Аудитории системно, последовательно навязывают клише неадекватного президента России. Вовлечены в этот процесс и политики-приспособленцы, и журналисты-провокаторы, и эксперты-грантополучатели. Тем, кто отслеживает украинские информационные потоки, данная тактика совершенно очевидна. Пропагандисты таким образом внушают населению чувство иррационального страха, который потом в любой момент можно перевести в форму агрессивных действий.

Именно в этом сплочённом агитационном хоре звучит скрипучий голосок Шеремета: «Психика Путина не выдерживает...»

Ну хорошо, в конце концов личное дело каждого, на чьей стороне участвовать в развернувшейся информационной войне. Дело в другом: почему этот деятель до сих пор не уволен с российского госканала?

Вопрос адресован руководителю ОТР Анатолию Лысенко.

Вадим ПОПОВ

А НАМ ПРИСЛАЛИ

televed@mail.ru

Шоу не ко времени

Первый канал продал России 1 лицензионное телешоу «Один в один», у себя оставив аналогичное «Точь-в-точь». Идут они примерно в одно и то же время. Повторилась история танцевальных битв на паркете и льду и разговорных дрязг «Пусть говорят» и «Прямого эфира». Зачем и кому это нужно? Продюсерам? Наверное, в войнах контрпрограммирования они выгадывают какие-то профиты. Зрителю, подсевшему на подобные телепродукты? Чтобы он прыгал с одной кнопки на другую? Нет, его это только нервирует. И если бы эти шоу хоть что-нибудь давали уму и сердцу. В мире бог знает что творится, а зрителю суются бесконечные то ли пародии, то ли имитации. Мне кажется, сейчас всем каналам нужно сосредоточиться на чём-то важном, объединяющем народ, а не разделять его на поклонников Верника и Олешко. Сейчас потребность в других героях.

Марат АБДУЛОВ,
КАЗАНЬ

Когда прошлое оживает...

Проходят годы, но советских фильмов не становится больше. А жить без них невмоготу, потому и растёт ценность потрёпанных плёнок – чёрно-белых и цветных. В 90-е годы земля горела под ногами, но Штирлиц учил: мы в разведке, даже в неволе старайтесь прожить достойно. Герои Николая Рыбникова показывали, что на белом свете существуют не только брокеры и киллеры. Стоило услышать голос Бориса Ливанова или Николая Симонова – и мы вспоминали, что такое русская речь, не похожая на стрекот примоднённых энтэвэшников. Это чудо не повторится – как не повторится золотой век русской литературы или десятилетие космических открытий... И каждый метр советского кино хочется беречь и лелеять. Даже неудачи интересны и поучительны. Но телеканалы нередко демонстрируют нам уж совсем ветхие копии фильмов – даже самых известных. В особенности это касается стареньких телеспектаклей. Если «за неимением лучшего» – то остаётся только благодарить. Но канал «Звезда» в последнее время доказывает: при желании можно разыскать неинвалидные варианты даже тех фильмов, которые и на DVD вышли в плачевном качестве. Вряд ли ленты специально реставрируют для таких показов – просто редакторы, уважающие зрителя и свою работу, умеют искать. И вот на «Звезде» ожили герои многосерийного фильма «Совесть» – и замыслы оператора вернулись, и утраченные нюансы актёрской игры. А ведь этот сериал показывают редко, а когда показывают – гоняют израненную плёнку. Тонкий фильм, с полутонами, один из лучших в жанре «военных приключений». Сюжет вроде бы традиционный для этого популярного жанра: бывший пособник немцев через десятилетия «убирает» свидетелей предательства, спасает шкуру. Но душа отдыхает от клипового кино, мы размышляем и сомневаемся вместе с героями, а таинственный и элегантный убийца разъезжает по Советскому Союзу. Всеволод Сафонов не старался сыграть чудовище, перед нами – вроде бы вполне положительный директор автобазы. «Звезда» вернула нам его тайну.

Недавно в эфире прошёл и другой остросюжетный фильм – «Как вас теперь называть?» – в небывалом качестве. Чётче стали очертания героев почти древнего приключенческого фильма «про разведчиков». Ярче засверкали глаза актёров. А ещё редакторы «Звезды» нашли для нас редкий многосерийный телеспектакль «Разные люди». 1973 год, в кадре – судьбы выпускников вечерней школы. Шофёр такси, молодая учительница, рабочие – и, хотя режиссёры и сценаристы работали тогда по строгим законам социально-политической целесообразности, выходило гораздо правдивее, чем у современных гиперреалистов. А какие актёрские искры сверкали даже в третьестепенных ролях!.. Без компьютеров работали. А ещё – без синтетики и силикона.

Не сомневаюсь, что за этим стоит работа талантливых людей, которые заслуживают премии – хотя бы в виде «нескольких строчек в газете». И пускай они знают: мы всё замечаем и ценим. Спасибо за неравнодушие, «Звезда»! За то, что каждый день в нашем пластмассовом мире бывает полтора часа человеческой теплоты.

Арсений ЗАМОСТЬЯНОВ

Украинизация как она была

Кризис на Украине далёк от окончания. Чтобы понять его причины, необходимо знать историю. Именно там следует искать корни многих сегодняшних процессов.

Очень важным периодом в становлении украинской государственности стали 1920–1930 годы, когда был взят курс на советскую украинизацию. О том, что происходило тогда на Украине, мы беседуем с кандидатом исторических наук, заведующей отделом восточного славянства Института славяноведения РАН Еленой БОРИСЁНОК.

– Елена Юрьевна, в царское время южнорусские земли называли Малороссией. Когда и почему произошла замена Малороссии на Украину?

– Малороссией назывались земли на левом берегу Днепра. Юго-Западный край включал в себя Подольскую, Волынскую и Киевскую губернии. Причерноморье называлось Новороссией. Эта территория считалась Южной Русью, её жители назывались малороссами или малороссиянами. Понятие «русский» в XIX – начале XX в. включало в себя всех восточных славян. Для широкого общественного мнения малороссы были частью «большой русской нации». При этом они обладали своими этническими особенностями. Важно, что они одновременно были и малороссами, и русскими.

Существовал и термин «Украина». Изначальный его смысл – «окраина», «окраинная земля». В XIX веке термины «Украина», «украинцы» стали широко употребляться деятелями так называемого украинского национального движения, которые подчёркивали различия в культурном и историческом развитии Украины и России. Претендуя на национальную самостоятельность, они противопоставляли украинскую идентичность, украинский политический проект «общерусской» ориентации. Такой «ход мысли» болезненно воспринимался русским общественным мнением, для которого черты сходства между великороссами, белорусами и малороссами имели большее значение, нежели черты различия.

Приверженцы украинского политического проекта до революции были весьма малочисленны. Лидер Украинской радикально-демократической партии Евген Чикаленко указывал, что на сентябрь 1910 года общее число сторонников украинского движения составляло примерно 2 тысячи человек, из них активных членов – не более трёхсот. 3 августа 1903 года в Полтаве открывали памятник малорусскому писателю Ивану Котляревскому. Чикаленко вспоминал: «Большинство активистов движения занимало два вагона поезда, шедшего из Киева в Полтаву. Если бы он сошёл с рельсов, украинскому движению был бы нанесён тяжёлый удар, на годы, если не на десятилетия задержавший бы развитие украинского дела...»

В условиях Первой мировой войны и революции «украинская идея» постепенно приобретала всё больше сторонников. В распадающейся Российской империи росла роль этнонационального фактора. Что закончилось попытками установления различных национальных режимов. 7(20) ноября 1917 года украинская Центральная рада приняла III Универсал об образовании Украинской Народной Республики в составе Российского государства, а 9(22) января 1918 года IV Универсалом объявила УНР независимым государством.

В апреле 1918 года власть захватил гетман Павел Скоропадский. Он возвестил о создании Украинской державы. Большевики, придя на смену национальным правительствам, 6 января 1919 года объявили о создании Украинской Социалистической Советской Республики. Логика развития ситуации в регионе привела к тому, что они были вынуждены поддержать лозунг создания украинского государства, но в единственно приемлемой для них советской форме.

– Термин «украинизация» был введён в оборот историком и политическим деятелем, председателем Центральной рады Михаилом Грушевским. Что он понимал под «украинизацией»? Чем отличалась украинизация по Грушевскому от советской украинизации?

– Грушевский впервые употребил термин «украинизация» в 1907 году в статье «Вопрос об украинских кафедрах и нужды украинской науки», имея в виду перевод части учебных заведений на украинский язык. В 1910-х годах употребление термина «украинизация» становится более активным. А широкое распространение он получил в период революции и Гражданской войны. В протоколах заседаний Центральной рады говорилось об украинизации школ, армии, различных учреждений и земств. Слово «украинизация» употреблялось без кавычек и без какой-либо расшифровки. Значит, оно устойчиво вошло в общественно-политическую лексику и уже не требовало уточнений и конкретизации. Ещё в период существования УНР стала проводиться политика на повышение статуса украинского языка, что означало сужение сферы употребления русского языка. Для украинских правительств национальный язык являлся символом суверенности. Его внедрению в общественную и культурную жизнь придавалось особое значение.

Позже термин «украинизация» вошёл и в лексикон большевиков. Их политика диктовалась стремлением упрочить контроль над Украиной, провозгласившей свою независимость. В апреле 1919 года на заседании Политбюро ЦК РКП(б) рассматривался вопрос о перспективах слияния двух республик.

В апреле 1923 года XII съезд РКП(б) принял постановление о необходимости «укоренения» партийного и государственного аппарата в национальных республиках. Этот курс в национальном вопросе назвали «коренизацией». Украинизация стала обозначать региональную форму политики «коренизации».

– Термин, придуманный Грушевским, оказался живучим...

– Да. Политические курсы УНР и УССР имели внешнее сходство: внедрение украинского языка в систему образования, перевод делопроизводства на украинский язык, поддержка украинской культуры. Но между ними существовали и значительные расхождения, важную роль играло различное отношение к «русскости». Если в УНР курс на укрепление украинской национальной идентичности шёл на основе противопоставления его идентичности русской, то в УССР противопоставления не было. Большевики выдвинули лозунг о помощи русской нации «возрождённым нациям страны».

– В чём сущность курса на советскую «украинизацию»? Каковы его составляющие?

– Для большевиков украинизация – частный случай политики «коренизации», которая выражалась в протекционизме в отношении национальных языков и культур. Для представителей коренной национальности создавались преимущественные условия для карьерного роста. Расширялась сфера применения национальных языков. На Украине обучение и делопроизводство переводились на украинский язык.

До революции рабочий класс Малороссии был русским и русскоязычным. Большевики рассчитывали в ходе социалистической индустриализации из говоривших на украинском языке крестьян сформировать украинский рабочий класс. Ставилась и задача сформировать украинскую советскую элиту – партийно-советских работников и творческую интеллигенцию.

В апреле 1925 года лидером украинских коммунистов стал Лазарь Каганович. Он заявил себя активным сторонником украинизации советского и партийного аппарата. Сразу же назначил срок, к которому надлежало провести украинизацию советского аппарата. К 1 января 1926 года чиновники должны были овладеть украинским языком. На нём должно было вестись делопроизводство.

Но полностью реализовать эту идею не удалось. Сохранилась любопытная переписка 1926 года между Наркоматом труда и Центральной комиссией по украинизации, где обсуждался вопрос, по какой статье увольнять чиновника, не выучившего украинский язык. Некоторые чиновники выходили из положения, наняв переводчиков.

– Из протоколов украинских партийных органов русский язык исчез полностью?

– Нет, выступления тех, кто говорил на русском языке, так и печатали. Конечно, постановление принималось на украинском языке. Нельзя сказать, что делопроизводство было полностью переведено на украинский язык. В одночасье заставить всех выучить украинский язык не удалось даже большевикам. Условий для этого не было. Чтобы не учить украинский язык, специалисты готовы были переехать в Россию. В Николаеве беспартийный заместитель главного бухгалтера завода «Марти» Новиков заявил: «Украинский язык учить не буду. Пошлите лучше меня в Великороссию». Товарищеский суд вынес постановление об увольнении Новикова с завода. Но за бухгалтера вступился директор. Дело закончилось выговором. На заводе имени Карла Либкнехта в Днепропетровске зафиксированы такие разговоры: «Зачем нам украинизоваться, изучать украинскую культуру, если мы должны быть интернационалистами и иметь один общедоступный язык, функции которого выполняет русский язык».

– Украинизация служила для большевиков инструментом укрепления своей власти в регионе?

– Главные цели большевиков – укрепление власти и построение социализма. Они понимали, что если не овладеют национальной культурой, влияние на крестьянство будут оказывать «мелкобуржуазные, шовинистические группы украинской интеллигенции». Воздействуя на национальную культуру, стремились осуществить интеграцию граждан в советское общество. Политика Кремля была направлена на то, чтобы жители всех национальных республик ощущали себя единым целым.

– Со временем от политики украинизации в Кремле отказались или она проводилась до 1991 года?

– Весьма распространена точка зрения об отказе от украинизации в 1932 году, когда 14 декабря было принято известное постановление «О хлебозаготовках на Украине, Северном Кавказе и в Западной области». Сворачивание украинизации обычно связывают и с репрессиями против украинских буржуазных националистов. А конечной датой украинизации называют 1938 год, когда были приняты два постановления об обязательном изучении русского языка в украинских школах и об уравнении юридически и фактически в правах с украиноязычным «Комуністом» русскоязычной газеты ЦК КП(б)У «Советская Украина».

Politiko.ua

Официальных решений партийного и советского руководства об отмене украинизации не было, и правильнее говорить не о сворачивании, а о корректировке курса на украинизацию. Она была обусловлена потребностями усиливающейся централизации, в ходе которых росло значение русского языка как языка межэтнической коммуникации. Увеличилось число периодических изданий на русском языке.

Однако преувеличивать эту тенденцию не стоит. В 1937 году на XIII съезде КП(б)У Станислав Косиор говорил о «продолжении линии на дальнейшую украинизацию» по тем же направлениям, что и десять лет назад, – школа, вузы, печать, культура и т.д. На март 1938 года в УССР была 18 101 школа с украинским языком обучения, 1550 – русским, 312 – еврейским, 163 – молдавским, 9 – белорусским, 54 – болгарским, 50 – польским, 512 – с немецким и т.д. Практика выдвижения украинцев на руководящие должности также продолжалась.

– Курс на украинизацию подпитывали и внешнеполитические расчёты советского руководства...

– На политику большевиков в отношении Украины оказала очевидное влияние позиция Польши. С именем Юзефа Пилсудского и его соратников связано такое направление восточной политики польского государства, как «прометеизм».

– И какую цель преследовали польские «потомки Прометея»?

– Цель – разделение Советской России по национальным швам, ограничение её границами XVI века, расширение сферы политического и экономического влияния Польши на востоке путём создания федерации в составе Финляндии, балтийских государств, Белоруссии, Украины, крымского и казаческого государств, союза государств Кавказа. В 1920-х гг. польское руководство вело переговоры с Симоном Петлюрой, рассчитывая на создание польско-украинского союза на антибольшевистской основе. В этих условиях большевики прекратили попытки развернуть пропаганду слияния двух советских республик и признали необходимость осторожного отношения к «национальным традициям».

«Коренизация» должна была продемонстрировать образцовое решение национального вопроса в СССР и создать положительный образ у европейского пролетариата и колониальных народов.

– Каковы долговременные последствия курса на украинизацию?

– Во-первых, советская политика способствовала внедрению в массовое сознание украинской идентичности – в её советском варианте. Символическим выражением процесса закрепления украинской идентичности стала замена термина «малоросс» термином «украинец» в официальных документах и партийной печати. Более того, термин «малоросс» в устах некоторых приверженцев «украинскости» приобрёл отрицательный оттенок. Так, нарком просвещения УССР Александр Шумский, не стесняясь в выражениях, противопоставлял коммуниста-украинца и коммуниста-малоросса. Последнего он называл «презренным шкурническим типом», «который во все исторические эпохи был одинаково беспринципно лицемерен, рабски двоедушен и предательски подхалимен», выслуживаясь перед «русскими коммунистами».

– И это слова из официальных протоколов!..

– Во-вторых, к началу XX века украинские земли не представляли собой отдельного государственно-политического организма, а входили в качестве составной части в две империи – Российскую и Австрийскую. Большевики фактически осуществили давнюю мечту о соборной Украине. Причём не только были установлены границы между РСФСР, УССР и БССР, но к Советской Украине были присоединены западноукраинские земли.

В-третьих, изменилась социальная структура украинского общества. К началу XX века к крестьянскому сословию относилось 93 процента всех украинцев в Российской империи, а среди городского населения украинцы составляли всего 30 процентов. И чем крупнее был город, тем меньше в нём проживало украинцев.

Малороссийская элита успешно интегрировалась в элиту общероссийскую.

Большевистская политика была рассчитана на создание украинской советской элиты и её инкорпорирование в состав общесоюзной элиты. Украинизация способствовала формированию новой украинской советской интеллигенции. На 1 января 1936 года украинцев среди студентов вузов на Украине было 53,7 процента, техникумов – 75,3, рабфаков – 65.

Объявив о необходимости выравнивания экономического и социального уровня разных наций, большевики развивали промышленность на Украине, чтобы получить и украинский рабочий класс. Источником пополнения рабочей силы для фабрик и заводов было сельское население. Темпы экономического роста на Украине были весьма высокими. Из 35 промышленных объектов первых пятилеток в СССР 12 приходилось на Украину.

Наряду с социальным происхождением и членством в партии большевиков принадлежность к украинской нации стала одним из необходимых условий успешной карьеры. В итоге если в 1920 году численность украинцев среди коммунистов достигала всего 20 процентов, то в 1940 году – 63 процента, доля украинцев среди служащих достигла 56 процентов. В ходе украинизации была заложена основа для формирования этнической республиканской элиты. Она включала партийных функционеров, управленцев, представителей научной и творческой интеллигенции.

– До революции в Малороссии доминировали русский язык и культура, чему способствовала языковая политика империи, оставлявшая украинскому языку сферу неофициального общения при доминировании русского языка во всех остальных сферах общения. Большевики с присущим им упорством стали насаждать украинский язык в ранее недоступные для него сферы – официально-деловую, политическую, научную... Чего в итоге добились?

– Результаты большевистской деятельности на Украине впечатляют. Положение украинского языка и культуры принципиально изменилось. Ликвидация безграмотности проводилась на украинском языке. На него переводились произведения русской и зарубежной классики, росли количество и тиражи периодических изданий. Активно велась работа по кодификации литературных норм, в области лексики и орфографии. Важнейшим результатом украинизаторского курса стало создание украинской советской интеллигенции. Большевики связали украинскую идентичность и территорию, изменили социальную структуру общества и создали украинскую советскую элиту. Возник единый национально-территориальный организм. Эти перемены, определившие лицо УССР, разумеется, влияют и на положение современной Украины.

– Если между Малороссией и Россией серьёзных проблем не было, то между Украиной и Россией их всё больше и больше. Как назвать процессы, происходящие на Украине после 1991 года? Антисоветской украинизацией? Антироссийской украинизацией? Антирусской украинизацией? Есть им название и объяснение?

– Украина и Малороссия – разные политические проекты. Малороссия была частью общерусского проекта. А в основе украинской национальной идентичности лежит идея отличия украинцев от русских.

Процессы, происходящие сегодня на Украине, можно назвать **у**краинизацией. Речь идёт о тех же направлениях, которые проводились и в УНР, и в УССР.

Принципиальное отличие современной политики от политики большевиков заключается в отношении к общерусскому пространству. Коммунисты, много сделав для укоренения украинской идентичности, вместе с тем настаивали на том, что у русского и украинского народов много общего в истории, культуре. Теперь же основной акцент на Украине делается на отличие украинцев от русских. Настойчиво проводится мысль, что влияние русских на украинцев и Украину во все времена было сугубо отрицательным. Всё ради желания доказать, что «Украина – не Россия, а украинцы – не русские» произрастает восхваление украинских националистов из далёкого прошлого.

– В том числе и тех, кто сотрудничал с нацистами... Этот путь может завести Украину очень далеко...

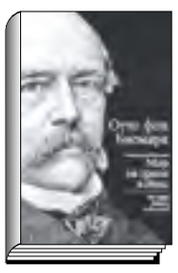
Беседовал **Олег НАЗАРОВ**

КНИЖНЫЙ РЯД

Предвидения Железного канцлера

Отто фон Бисмарк – одна из легендарных личностей в мировой истории. Железный канцлер Германии, он создал германскую империю и оказал огромное влияние на международную политику не только в XIX, но и в XX веке. Бисмарк прекрасно разбирался во внешней политике, хорошо знал состояние европейских государств и России (он долго жил в Петербурге, являясь послом Пруссии в России).

В своей книге Бисмарк рассказывает о том, как создавался германский рейх, как изменилась после этого политическая карта Европы, какие проблемы встали перед европейскими странами, какую роль играла Россия в Европе.



Отто фон Бисмарк.
Мир на грани войны: Что ждёт Европу и Россию? – М.: Издательство «Алгоритм», 2014. – 2000 экз.

Многие предупреждения Бисмарка, в том числе касающиеся грядущих военных конфликтов, полностью сбылись, а его оценки будущего, которое ожидает мир, не потеряли актуальности и в наши дни.

Сегодня, разумеется, особо злободневно звучит такое его высказывание: «Могущество России может быть подорвано только отделением от неё Украины... Необходимо не только оторвать, но и противопоставить Украину России. Для этого нужно только найти и взрастить предателей среди элиты и с их помощью изменить самосознание одной части великого народа до такой степени, что он будет ненавидеть всё русское, ненавидеть свой род, не осознавая этого. Всё остальное – дело времени».

Игорь МАКАРОВ

«Славной памяти Двенадцатого года»

Потомки участников Отечественной войны 1812 года? Неужели есть и такие – ведь война с Наполеоном была более двухсот лет назад? Эти вопросы сразу возникают у наших современников, когда они впервые узнают о существовании общества.

А было оно создано в далёком 1913-м на волне патриотических настроений, охвативших русскую общественность в связи с празднованием столетия грандиозных и незабываемых событий 1812 года. Целями общества, в котором в 1913 году состоял 101 человек, были заявлены объединение потомков участников войны и «укрепление в русском обществе религиозно-патриотических начал». Его основателем стал историк, действительный статский советник и камергер Леонид Михайлович Савёлов – правнук полковника Василия Петровича Савёлова. Благодаря ему начался сбор документов, историй и преданий, сохранившихся в семьях потомков участников войны. Заниматься этим Савёлов продолжил и после того, как в 1920 году покинул Россию.

Да, были люди в наше время! К столетию Общества потомков участников Отечественной войны 1812 года. – М.: Национальный фонд «Возрождение русской усадьбы»; Издательский дом «Лига», 2014. – 368 с. – 3000 экз.

В начале 1960-х годов, когда в Советском Союзе широко отмечался 150-летний юбилей Отечественной войны 1812 года, инициатором воссоздания общества выступил Владимир Алексеевич Казачков, который кадетом участвовал в юбилейном параде 1912 года. Были созданы картотека и генеалогический банк данных по семьям участников войн с Наполеоном, возобновилась традиция регулярных встреч их потомков. Свою миссию члены общества видят в сохранении «славной памяти Двенадцатого года» и передаче знаний и традиций молодому поколению граждан России. В 2009 году общество было зарегистрировано Министерством юстиции РФ.

В хорошо иллюстрированной книге, вышедшей в рамках издательской программы Москвы, собраны уникальные, ранее не издававшиеся воспоминания 35 членов общества о подвигах своих предков в начале XIX века.

По-разному сложилась жизнь их многочисленных потомков, но они были готовы служить Родине. Среди них немало участников Первой мировой и Великой Отечественной войн. В сражениях они приумножили славу героев войны 1812 года. К примеру, советский офицер Михаил Владимирович Афанасьев, потомок прошедшего боевой путь от Подмосковья до Франции прапорщика Михаила Афанасьева, завершил войну в 1945 году в Потсдаме.

Олег ОРЕХОВ

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА, № 10 (6453)
12–18 марта 2014 г.

НЕРВ

«Запекание долгосрочного блина»

Пенсионная реформа стала перманентной

Когда в декабре Госдума приняла пакет новых законов о пенсионной реформе, глава единороссов Дмитрий Медведев поблагодарил однопартийцев за поддержку «самого сложного законопроекта текущего года» и призвал всех разъяснять основные положения документа. «Здесь, – сказал премьер, – ничего хитрого, это не бином Ньютона... Абсолютное большинство, 90%, страхов фантомные». И посетовал на то, что любые инициативы сверху люди воспринимают «настороженно».

А как же не принимать «настороженно»?! Какая инициатива сверху народ осчастливила? Не помню такой. Разве что приватизация жилья обрадовала тех, у кого оно было, и обогатила тех, у кого оно оказалось дорогущим. А новая методика пенсионных расчётов, заменившая конкретное рублёвое наполнение виртуальными баллами, вызывает недоумение. Член Комитета Госдумы по бюджету и налогам Оксана Дмитриева считает, что предложенная формула страховой части пенсии запутана, непонятна и несправедлива. Сложный алгоритм расчётов делает систему абсолютно непрозрачной, снижает зависимость пенсии от стажа и заработка и лишь нагнетает социальную напряжённость в обществе.

Политики из «Единой России» тоже призвали разъяснять суть реформы, но сами ограничиваются общими рассуждениями. А зампредседателя Комитета СФ по социальной политике Игорь Чернышёв, к примеру, использовал весьма странное сравнение реформы с «запеканием долгосрочного блина». Как понимать сию метафору от сенатора? Видимо, сам он спец в запекании блинов и в приготовлении лапши, что нам вешают на уши.

Медведев ещё подчеркнул, что правительство специально продвигает законы о пенсии именно сейчас – «для того, чтобы у нас был год на доналадку, это ответственная позиция». По его словам, обнаруженные проблемы могут быть устранены в течение 2014 года. В чём тут ответственность в позиции, непонятно. Неужели таящиеся в реформе проблемы выявить и устранить до принятия закона невозможно?

Если за двадцать лет реформирования не сумели оптимизировать пенсионную систему, может, не спешить с новыми решениями, до конца не продуманными? Принцип «не навреди» справедлив не только в медицине. И наверняка реформа продлится долго ещё. Начавшись в 92-м, она стала перманентной – изменения в систему вносят почти каждый год.

Лидер КПРФ Геннадий Зюганов считает, что реформу проводят так, что человеку и с двумя высшими образованиями в ней разобраться тяжело. Я обратился за разъяснениями к известным экономистам, но, извинившись, они отказались, а один профессор заявил: «В этой реформе чёрт ногу сломит». Зюганов обвиняет её авторов в лукавстве – на самом деле они преследуют иные цели, чем объявляют, например: закрыть громадный дефицит Пенсионного фонда (к 2015 году он поднимется до 1,23 триллиона рублей) и снять с государства контрольные функции в отношении работодателей.

Дискуссии о пенсиях в мире начались в 1994 году после публикации доклада Всемирного банка «Предупреждение всемирного кризиса старения», в котором было заявлено, что с учётом роста продолжительности жизни большинство стран столкнутся с дефицитом пенсий. Так и надо говорить серьёзно, а не травить байки про «долгосрочные блины».

На Западе честные экономисты и журналисты предупреждают о надвигающихся опасностях. Книга американцев Л. Котликоффа и С. Бёрнса «Пенсионная система перед бурей» (издана и в России) стала бестселлером. Авторы показали глубокие пороки пенсионных систем в развитых странах и предложили набор политических мер, дающих шансы смягчить удар. Они обвиняют правительство в попытках скрыть или хотя бы замаскировать истинные масштабы проблемы. И настойчиво призывают американцев глядеть правде в глаза: скоро государство будет вынуждено пойти на сокращение пенсий, а потому надо самим позаботиться о своём будущем, чтобы долгожданные пенсионные годы не стали кошмарными.

Российские эксперты советуют то же самое – не думать о старости свысока и заранее обеспечивать её материально. Население наше постоянно нервируют переменами в пенсионной системе. Вдобавок к скачкам курса рубля, инфляции, безработице, росту тарифов и цен. Будто кому-то сильно хочется нас держать в постоянном стрессе. Может, с целью сокращения «периода дожития»? Термин этот означает продолжительность жизни после назначения трудовой пенсии по старости. Минздрав определил его в 20 лет. У женщин он примерно таков. Но мужчины у нас, по данным того же Минздрава, в среднем живут 65,2 года – это при выходе на пенсию в 60 лет.

Сейчас на заслуженный отдых уходят дети 50-х, когда рождаемость у нас была высока. Уже сегодня в стране более 40 миллионов пенсионеров. А в армию работников, пополняющих закрома Пенсионного фонда, вступают рождённые в 90-х, в период «демографической ямы».

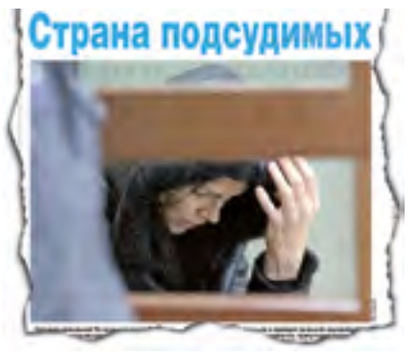
Недавно прочёл фразу: «Почему прожиточный минимум нам определяют люди, живущие на прожиточный максимум?» То же можно сказать и про пенсию: почему её размер определяют те, кому она не очень нужна – ведь в Госдуме в основном весьма богатые люди?

А как жить, если у тебя пенсия в шесть тысяч? Надеяться на помощь детей? Так ведь часто у них самих финансовые проблемы, к тому же им надо много тратить на своих растущих детей. Копить на пенсию? Но как копить, если в государстве всё меняется так часто – накопления могут обесцениться, а то и вовсе пропасть, если рухнет банк, где хранишь сбережения. А если ещё болезни, весьма вероятностные?

В США в Американской ассоциации пенсионеров 35 миллионов человек. Она возглавила борьбу за права ветеранов. Почти треть членов моложе 60 лет, а принимают в ассоциацию тех, кто старше 50 – именно в этом возрасте люди начинают думать, как жить, перестав работать.

А нам что – смириться и ждать милости от власти?

Владимир ПОЛЯКОВ



Пальчики Леонардо

Можно ли защитить арт-рынок от подделок?

В начале апреля истекает срок домашнего ареста консультанта европейского аукционного дома Bukowskis Елены Баснер, обвиняемой в мошенничестве. По версии следствия, искусствовед Елена Баснер подтвердила подлинность картины художника Бориса Григорьева «В ресторане», зная, что это подделка. Защитники же настаивают на том, что она просто ошиблась и от подобных ошибок ни один эксперт не застрахован. Об одном из способов «страховки» сегодня рассказывает наш читатель, полковник милиции в отставке, разработавший метод дактилоскопической идентификации произведений изобразительного искусства.

Идея определения подлинности живописных полотен по отпечаткам пальцев художников пришла мне в голову в 1987 году после знакомства со специалистом кафедры криминалистики Карагандинской школы милиции. Он снял с меня объёмные отпечатки, вдавив пальцы в массу, напоминающую пластилин. А назавтра принёс готовую модель кисти моей руки, которая оставляла отпечатки пальцев, абсолютно идентичные моим.

Впервые этот метод я использовал в поисках подлинного портрета Пушкина по отпечаткам пальцев автора портрета – Ю. Павлова. Подлинник тогда пытались подменить копией. Успех буквально окрылил, голова кружилась от мысли, к каким открытиям мы можем прийти, если поискать «пальчики» на полотнах Рембрандта, Тициана, Шардена, Делакруа и других великих художников. Я с детства увлекался живописью и хорошо знал, что, работая с красками, особенно с маслом, нельзя не наследить. Отпечатки с поверхности полированного стола или стакана со временем исчезают, но если пальчики останутся на свежей краске, они по существу вечные.

Позже, желая привлечь к данному методу внимание специалистов, я отправил материалы в Российскую академию художеств, Государственную Третьяковскую галерею, Государственный музей изобразительных искусств им А.С. Пушкина, Государственный Русский музей, Государственный Эрмитаж. Ничего не просил, хотел только узнать их мнение. Никто так и не ответил, но это помогло мне попасть в 2000 году на научную конференцию «Экспертиза и атрибуция произведений изобразительного и декоративно-прикладного искусства».

По окончании запланированных докладов председательствующий предложил развернуть дискуссию. Я попросил слово, представился как полковник милиции и сделал сообщение. Реакция зала не была однозначной: кто-то сказал, что отпечатки пальцев действительно встречаются, и не только на красочном слое, но и на обратной стороне холста и торцах. Другой участник дискуссии засомневался в том, что эти отпечатки принадлежат именно живописцу. Но в целом моё предложение поддержали, посоветовали запатентовать метод и начать формировать банк данных. Самому собрать его невозможно, и я обратился в администрацию Президента РФ с тем, чтобы к этой работе подключились специалисты из МВД. Вот выдержки из ответа: «МВД России готово проработать вопрос о возможности... снятия с полотен следов и оценки их криминалистической значимости для формирования банка данных дактилоскопической информации и проведения криминалистических экспертиз... Решение о создании такого информационного массива должно приниматься с представителями Союза художников и специалистов правоохранительных органов».

Но представители нашей художественной общественности на предложение никак не отреагировали. Отклики были главным образом из-за рубежа. Из Мюнхена мне прислали несколько фотографий картины Леонарда да Винчи «Мадонна с гвоздикой». В выставочном проспекте, между прочим, сообщалось: при исследовании красочного слоя обнаружен отпечаток пальца, возможно, принадлежащий Леонардо. Затем в СМИ прошла информация ещё об одном отпечатке пальца, оставленном художником на картине «Портрет дамы с горностаем», хранящейся в музее польского города Кракова. Чтобы получить материал для дактилоскопической экспертизы, учёные в течение трёх лет исследовали более 250 документов и картин, имеющих отношение к да Винчи. Были изучены 52 рукописи и рисунка, принадлежащие Леонардо. Были найдены 200 отпечатков пальцев.

Итак, двести отпечатков. Так почему бы не собрать их в одном месте? Не сделать эти отпечатки достоянием художественной общественности? Наконец, создать банк отпечатков с бесспорных картин и тем более рукописей, других документов?

В прошлом году ко мне обратился генеральный директор «Единого Артреестра» Александр Осипов. Похвалил мою методику, назвал её одной из наиболее эффективных и аргументированных, сообщил, что следит за моими статьями, попросил разрешения на размещение моих материалов на своём сайте, пригласил к сотрудничеству, и... всё! Ничего не дало и обращение в Министерство культуры. Письмо переправили в Государственный институт искусствознания с просьбой дать заключение о целесообразности практического применения метода дактилоскопической идентификации, однако заключения я так и не увидел.

По данным Интерпола, в базе пропавших ценностей числится 80 тысяч картин и 34 тысячи предметов искусства из 115 стран. Ежегодные потери от грабителей, которые несут музеи и частные коллекции, оцениваются в 7 млрд. долларов.

Незаконный оборот культурных ценностей является крупнейшим нелегальным бизнесом и занимает «почётное» 4-е место вслед за такими преступлениями, как торговля наркотиками, оружием и отмывание денег. Возможно ли эффективно бороться с преступным бизнесом такого масштаба?

У создателей проекта FING aRt PRINT, который финансируется из бюджета ЕС, есть ответ на этот вопрос: возможно, но для обуздания «музейного воровства» искусствоведам необходимо перенимать методы криминалистов и в первую очередь необходимо создать... единую базу данных «художественной дактилоскопии».

Их технология позволяет с каждой картины снять свои уникальные «отпечатки», только не пальцев, а фрагментов картин, благодаря которым можно легко и быстро провести идентификацию полотна. И подделать полученные данные абсолютно невозможно.

– Это уникальный неразрушающий бесконтактный метод определения подлинности любого полотна, – уверен директор проекта FING aRt PRINT профессор Уильям Вэй. – Для начала мы выбираем на полотне небольшой фрагмент в несколько квадратных миллиметров, который затем сканируем с применением особого микроскопа – ахроматического конфокального профилометра, который обеспечивает субмикронное разрешение. Далее, после регистрации характеристик отражения света от сканированного участка, компьютером создаётся рельефная модель шероховатостей данного участка. Эта модель и заносится в базу данных вместе с цифровым снимком картины и координатами участка.

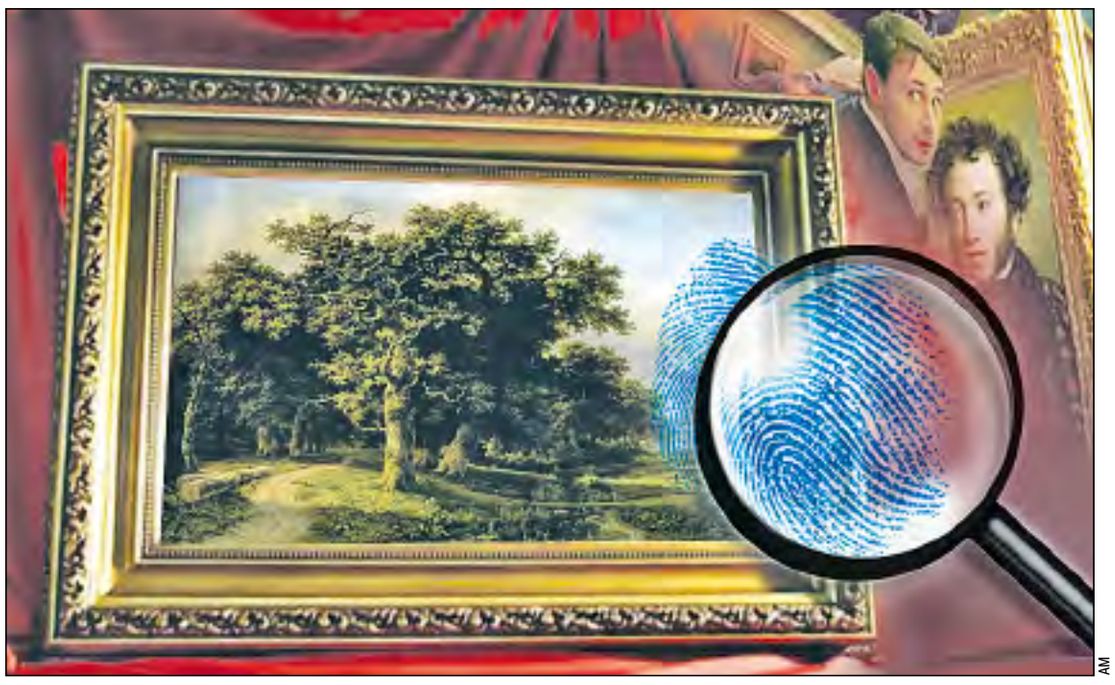
Для идентификации картины достаточно отсканировать нужный участок и сравнить получившийся рельеф неровностей с оригиналом.

– Данная технология позволит предотвратить не только кражу, но и подделку, – уверен разработчик технологии Кирк Мартинес, профессор кафедры электроники при Университете Саутгемптона в Великобритании. – Например, можно будет убедиться, та ли картина вернулась из реставрационной мастерской или музея, бравшего её на выставку.

Эта информация свидетельствует о том, что работы по защите живописных полотен ведутся, и ведутся успешно, там, где их хотят вести. Так почему бы и нам, несмотря на молчаливое несогласие художественной общественности, не взять на себя инициативу по созданию всемирного банка отпечатков пальцев с полотен великих мастеров? Вот что по этому поводу говорит один из ведущих специалистов, профессор Сергей Самищенко: «В России создана отличная криминалистическая база. Это та сфера, в которой мы пока не уступаем Западу, так что вполне можем создать предприятие, которое бы занималось идентификацией полотен, собирая базу данных. Коммерчески это было бы фантастически выгодно».

О выгоде профессор говорит обоснованно. Не так давно к нему за экспертизой обратился коллекционер из США, который просил выяснить, совпадает ли отпечаток на принадлежащем ему полотне с отпечатком, который обнаружили на подлиннике Ван Гога. Коллекционер предлагал гонорар в размере 5% от рыночной стоимости шедевра. Полотно Ван Гога сегодня оценивается в 60 миллионов долларов. Так что первая же экспертиза окупила бы все затраты на создание и банка данных, и коммерческого предприятия.

Евгений КОШКИН,
кандидат технических наук


АМ

► Англичанин Джон Майатт, поставив на поток подделку произведений знаменитых художников, с 1987 по 1994 год сбыл под видом оригиналов около 200 работ в стиле Пикассо, Ван Гога и Шагала.

► Женский портрет (La Belle Ferronniere), приписываемый кисти Леонардо да Винчи, продан в январе 2010 года на аукционе Sotheby's за один миллион 538 тысяч долларов. Позже учёные доказали, что портрет был написан не ранее чем спустя 100 лет после смерти да Винчи, хотя и в манере, свойственной Леонардо.

► Одним из двух топ-лотов русских торгов аукционного дома Sotheby's в 2004 году была картина Ивана Шишкина «Пейзаж с ручьём». Полотно было атрибутировано как ранняя, 1863 года, ученическая работа художника. Однако оказалось, что это подретушированная картина голландского живописца Маринуса Адриана Куккука, которая стоила менее одного процента суммы, в которую был оценён Шишкин.

► Два года назад Виктор Вексельберг выиграл в Высоком суде Лондона тяжбу с аукционным домом Christie's, который продал подконтрольному бизнесмену фонду «Аврора» за 1,7 млн. фунтов стерлингов поддельную картину Бориса Кустодиева «Одалиска». Суд постановил, что Christie's должен выплатить компании Вексельберга полную стоимость приобретённого полотна, а также 1,4 млн. фунтов стерлингов за судебные издержки.

► В 2005 году на минском аукционе «Парагис» в 650 тысяч долларов была оценена картина Марка Шагала, задолго до торгов признанная подделкой. По правилам аукционов произведение, вызвавшее сомнения, снимается с торгов. Однако «Парагис» выставил подделку на продажу, предварительно ознакомив покупателей с отрицательными оценками, и картина была... продана.

P.S. На российском арт-рынке подделок, по разным данным, – от 30 до 70%. Так почему же эксперты и арт-дилеры отмахиваются от предложения нашего читателя? Потому, что его методику невозможно реализовать, или потому, что истина не нужна ни дилерам, которым придётся возвращать деньги, если обнаружится подделка, ни подозрительно регулярно ошибающимся экспертам?..

КНИЖНЫЙ РЯД

Хирург Божьей милостью

Старинный Елец гордится своими земляками – Д. Писаревым, Н. Семашко, М. Пришвиным, И. Буниным. В этом ряду и Герой Социалистического Труда, трижды лауреат Государственной премии СССР академик РАМН Николай Алексеевич Лопаткин.

18 февраля великому учёному, выдающемуся врачу-урологу исполнилось бы 90 лет. До этой даты он не дожил всего несколько месяцев. Но о юбилее не забыли коллеги, ученики, благодарные пациенты. Давние авторы «Литературной газеты» – член-корреспондент РАМН, профессор Армаис Камалов и журналист Михаил Глуховский собрали под одной обложкой воспоминания о замечательном человеке, подтвердив: мы продолжаем жить в своих добрых поступках.

Он был во многом первым. Основоположником школы отечественной урологии. Создателем новых методов лечения почек и их сосудов. Первопроходцем по внедрению гемодиализа и пересадки почки, по развитию детской урологии. Лопаткин выступил не только организатором 35 кафедр урологии в медицинских вузах, он основал первый в стране НИИ урологии и возглавлял его три десятилетия. Своим главным жизненным достижением считал то, что сумел сделать урологию самостоятельной медицинской дисциплиной.

Академик Николай Алексеевич Лопаткин. Жизнь и деятельность в воспоминаниях и фактах. – М: РОО «Мужское здоровье», 2014. – 80 с.: ил. – 500 экз.

Сам хирург не без юмора вспоминал детские годы: «Мне очень хотелось стать врачом, как и отец. Первая же попытка исцелить дворового пса закончилась для меня тридцатью уколами от бешенства. Но на мою влюблённость в профессию это обстоятельство никак не повлияло».

– Николай Алексеевич, – рассказывает академик Евгений Чазов, – был известен как порядочный, честный, ответственный человек. Хорошо чувствовал слово. Выступая по серьёзной научной теме, мог изящно украсить свою речь тонкой иронией.

– Он фактически создал новую урологию, – утверждает вице-президент РАН Анатолий Григорьев.

– Сейчас такого масштаба личности как-то не просматриваются на горизонте, – мнение Михаила Давыдова, академика, директора Онкологического научного центра им. Н.Н. Блохина.

Хирург Божьей милостью, отзывается о своём учителе академик Галина Савельева, завкафедрой акушерства и гинекологии РНИМУ им. Н.И. Пирогова.

О «забавном» эпизоде рассказывает хирург-уролог Евсей Мазо. Шёл 1959 год. В клинику поступила женщина в тяжёлом состоянии. Ей требовался гемодиализ аппаратом «искусственная почка». Однако в ходе операции неожиданно выяснилось: баллон с углекислым газом, без которого диализная жидкость не работает, пуст. Поздний вечер. Выручки ждать неоткуда. А время не ждёт. И тогда Н.А. Лопаткин дал команду – позвонить в пожарную охрану: «Первая градская в огне!» Через несколько минут прибыли три пожарных расчёта. Нужный баллон сняли с машины и доставили в операционную. Больная была спасена.

«Хороший режиссёр не тот, кто показывает каждое слово, жест, как надо играть, а тот, кто не мешает мне проникнуть в тему. То же в медицине. Настоящий доктор внимательно смотрит и слушает пациента. Не больного, а пациента!.. Помогает организму, а не вмешивается наперекосяк: одно лечит, другое калечит. Помнит знаменитое: «Не навреди!» Говорю это и невольно вспоминаю Николая Алексеевича Лопаткина», – признаётся народный артист СССР Армен Джигарханян.

Книга воспоминаний издана «современным» тиражом – 500 экз. Она дойдёт не до каждой библиотеки. А жаль. В отличие от многих нынешних мемуаров издание – пример настоящей добропамятности, оно могло бы послужить неплохим учебным пособием для тех же будущих медиков.

Михаил КИРИЦКИЙ

ПОЧТА «ЛГ»

Желанная моя

Так уж устроен мир: красивыми удаётся быть многим, а вот желанными – увы. А всё потому, что сия «наука» не в знаниях и жизненном опыте, а в наитии, в шестом чувстве, кое по пунктам не распишешь. Если спросить участниц всевозможных конкурсов красоты: сменили бы они титул мисс района или города и даже Вселенной на титул мисс Желанная, то, сдаётся, услышали бы: «Да!»

Красивая – даже сказочно красивая женщина – это нередко технология и руки визажистов и парикмахеров («Охотница или жертва», «ЛГ», № 9); желанная – волшебство, тайна. Красивой любуются неделю, месяц, год, а затем, случается, сбегают. Не королевы красоты спасут мир, а желанные. Они, даже не осознавая своей магии, подпитывают взаимное притяжение супругов, а значит, оберегают семью от измены, потрясений и распада. А семья, как известно, всему начало и всему продолжение.

Владимир КАДЯЕВ

В ЦЕНТРЕ ВНИМАНИЯ

Слово о полку Бессмертном

«Мы приглашаем всех, кому дорога память о фронтовиках-победителях, сформировать наш «Бессмертный полк». Возьмите фотографию своего солдата и приходите 9 мая на построение «Бессмертного полка», – гласит запись на главной странице сайта moypolk.ru.

«Бессмертный полк» – это некоммерческая, неполитическая, негосударственная гражданская инициатива, которая своей главной задачей считает сохранение в российских семьях памяти о солдатах Великой Отечественной войны. Что означает участие в «Бессмертном полку»? Каждый, кто помнит и чтит своего деда, прадеда – ветерана армии и флота, партизана, подпольщика, бойца Сопротивления, узника концлагеря, труженика тыла, – проходит 9 Мая по улицам города с его фотографией в колонне «Бессмертного полка». Зарегистрировавшись на сайте, можно и нужно увековечить память о герое в разделе «Запиши деда в полк». Согласно уставу, встать в ряды «Бессмертного полка» может каждый гражданин – независимо от вероисповедания, национальности, политических и иных взглядов. Звания и регалии фронтовиков в этом полку никакого значения не имеют.

Движение «Бессмертный полк», охватившее сотни городов в России и за её пределами, зародилось в Томске в 2012 году благодаря известным в городе журналистам Игорю Дмитриеву, Сергею Лапенкову и Сергею Колотовкину. Ясно понимая, что главных участников праздника Победы – ветеранов Великой Отечественной – из года в год становится всё меньше, они решили: пусть те фронтовики, которые не могут прийти на парад, присутствуют на нём хотя бы в виде портретов, которые понесут их благодарные потомки. При этом авторами идеи друзья-репортёры себя не считают, ссылаясь на давнюю традицию приносить к мемориалам фотографии родственников – участников войны.

Гражданская инициатива стартовала 1 апреля 2012 года, когда в томских СМИ появились призывы записаться в «Бессмертный полк». К маю набор был завершён, и шесть тысяч горожан с портретами своих предков впервые приняли участие в праздновании Дня Победы. После успешного прохождения колонны было решено расширить дислокацию «Бессмертного полка». «Мы очень хотим, чтобы наша акция стала народной традицией. Хотим, чтобы она стала «своей» для жителей многих городов и сёл», – признаётся Сергей Колотовкин. «Вставай, страна огромная!» – этот лозунг организаторов поддержали десятки регионов России. С тех пор число участников «Бессмертного полка» растёт не по дням, а по часам: как показывает счётчик сайта moypolk.ru, на сегодняшний день в полку зарегистрировано 40 208 человек.

Руководитель гражданской инициативы «Бессмертный полк – Москва» Николай Земцов (на фото) сообщил, что акция станет ключевым событием празднования 69-летней годовщины Великой Победы в столице. Предположительно более 100 тысяч наследников ветеранов войны с фотографиями своих родственников встанут в колонну «Бессмертного полка» 9 мая 2014 года. «Мы называем наш полк «народной частью Парада Победы» и планируем пройти по Красной площади сразу после прохождения военной техники. В настоящее время ждём соответствующего согласования от Министерства обороны РФ и правительства Москвы», – поделился информацией Николай Земцов.

Штаб парада расположен по адресу: Гоголевский бульвар, д. 8 (в помещении объединения «Фотоцентр»). Здесь ответят на все вопросы о мероприятии и помогут изготовить транспарант с портретом своего ветерана. Кроме того, в штабе находится центр приёма уникальных фронтовых фотографий из домашних архивов – для последующего экспонирования в «Фотоцентре».

А для тех, кто в меру своих сил хочет помочь святому делу сохранения памяти о великих свершениях наших предков, создан портал parad-msk.ru, где можно зарегистрироваться в качестве волонтёра. Здесь же размещено видеообращение к участникам парада председателя попечительского совета гражданской инициативы «Бессмертный полк – Москва», народного артиста СССР Василия Ланового:

– Настанет день, и последний солдат Великой Отечественной войны уйдёт в вечность. Кого мы будем обнимать, дарить цветы, благодарить? Кого будут помнить наши дети? Чтобы никогда не прерывалась живая связь времён, чтобы никогда не ушла память о павших бойцах, мы понесём их портреты победным строем. Пусть все видят и все помнят! Ведь мы – их дети, и мы – наследники Великой Победы!

Альберт БАГАУТДИНОВ

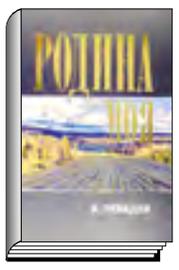
В объединении «Фотоцентр» на Гоголевском бульваре состоялась выставка «Память души», где были представлены более 100 фотоснимков и копии документов военной поры, рассказывающих о маршрутах, путях-дорогах «Бессмертного полка» по большим и малым городам нашей страны.

СТОЛЬНАЯ КНИГА

Издательская программа правительства Москвы

«Это наша с тобой биография»

Альбом представляет автор-составитель В. Н. Лебедев



Владимир Лебедев. **Родина моя.** Проект Военного университета Министерства обороны РФ, Российской академии художеств, Российского и Московского союзов художников, Московского совета ветеранов войны, труда, Вооружённых сил и правоохранительных органов. – М.: ООО «Сии-Групп», 2013. – 304 с. – 2500 экз.

«Родина моя» – альбом о моём поколении, которое пережило трагедию войны. Многие мои коллеги-художники с оружием в руках сражались на фронтах, а дети и юноши того времени и люди преклонного возраста трудились в тылу, обеспечивая нашу победу. Война опалила всё наше поколение.

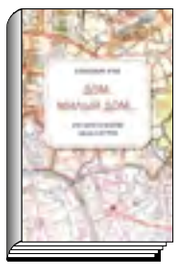
Среди авторов, чьи произведения представлены в альбоме, много людей особого содружества – ветеранов войны, несущих в сердце память о тех событиях. В их картинах сильнее всего звучит тема ненависти к врагу, героизма советского народа, высокого нравственного долга и моральной ответственности за судьбу Родины.

Произведения эти разного жанра: батальные сцены, портреты, пейзажи и натюрморты. Все они обращены к правде факта, на основе которого создан художественный образ. В большинстве своём они традиционны и опираются на богатый опыт русского многонационального реалистического искусства. Вся правда о войне и людях, её прошедших, о событиях тех грозных дней изображена в альбоме не абстрактными реконструкциями прошлого, а доступными и понятными реалистическими средствами.

К сожалению, значительная часть этих картин утрачена или уничтожена во время бурной хаотической перестройки. Небольшая часть сохранилась в чудом уцелевших музеях. Они печатаются по материалам моего архива. Местонахождение же многих из них неизвестно. Некоторые работы печатаются впервые. Создавая этот объёмный альбом из своих картин и картин моих товарищей и коллег, оглядываясь на прошедшие годы и трезво оценивая результат, я вижу и понимаю, какой огромный вклад мы, московские живописцы, совместными усилиями внесли в советское искусство, историю нашей Родины, в воспитание молодого поколения в духе патриотизма. Надеюсь, что это увидят и почувствуют также и читатели этого альбома.

Немногочисленные оставшиеся в живых ветераны до сих пор продолжают вносить свою лепту в культурную и общественно-политическую жизнь нашей страны. Я также в этом строю.

Пешком в историю



Александра Ильф. **Дом, милый дом… Как жили в Москве Ильф и Петров.** – М.: Ломоносовъ, 2013. – 224 с. – 2500 экз.

Эта небольшая и очень симпатично выглядящая книжка имеет прямое отношение к «ЛГ». И не только потому, что на нашей 16-й полосе вот уже 47-й (!) год выходит «Клуб 12 стульев», получивший название от знаменитого романа Ильфа и Петрова. Портрет Евгения Петровича среди других висит в кабинете главного редактора – ведь в непростые 1937–1939 годы он был одним из пяти членов редколлегии, руководившей изданием «Литгазеты».

В 1923 году они появились в Москве – Илья Файнзильберг и Евгений Катаев. Оба родились в Одессе, а познакомились в столице. И не просто познакомились, а стали знаменитыми на весь мир авторами уже упомянутых «Двенадцати стульев» и «Золотого телёнка», «Одноэтажной Америки» и сценария кинофильма «Цирк», новелл, рассказов и фельетонов.

«Я хочу не только развернуть перед вами карту Москвы с указанием ильфо-петровских «местожительств», но и показать, как каждодневные проблемы и житейские трудности передают живые черты эпохи, позволяют ощутить ушедшее время, почти потрогать его руками», – так написала в крошечном предисловии Александра Ильинична Ильф, которой недавно не стало.

Адреса перемещения писателей по столице начала 20-х годов прошлого века, оставшиеся в их сочинениях, письмах, фотографиях, воспоминаниях и документах, при желании поклонники творчества Ильфа–Петрова могут увидеть собственными глазами. Это улица Жуковского, Вознесенский переулок (бывший Чернышевский и ул. Станкевича), переулки – по хронологии проживания – Сретенский, Мыльников – Троилинский, Соймоновский проезд, Воронья слободка, Клязьма, Нащокинский, и, наконец, Лаврушинский. В 1937-м они получили – не без сложностей! – квартиры во втором подъезде ныне знаменитого писательского дома напротив Третьяковской галереи. Илья Арнольдович, как вспоминал Петров, постоянно повторял фразу, которую кричали дети при переезде в новый дом: «Писатели приехали!» А когда из этого дома Ильфа везли на кладбище, дети орали: «Писателя везут!»

В книге – масса иллюстраций: копий документов, фотографий, в том числе семейных и сделанных самим Ильфом. Они прекрасно дополняют рассказ автора о круге общения прославленных соавторов, их семейном быте – как жили, кого звали в гости…

Так что прав был Константин Паустовский: «Я не знаю, в чём очарование мест, связанных с памятью замечательных людей, но оно бесспорно».

Д. ТЁМИН

ПУЛЬС БОЛЬШОГО ГОРОДА

Приоритеты столичных властей

Суд да дело

В Новомосковском административном округе открыты два участка мирового суда.

Судебный участок № 432 теперь обслуживает поселения Московский и Мосрентген (мировой судья – Екатерина Тихомирова), а в судебный участок № 434 могут обращаться жители городского округа Щербинка (мировой судья – Валерий Фоминых). Оба участка разместились под одной крышей по адресу: улица Маршала Савицкого, д. 16, корп. 3, в здании, которое полностью соответствует типовым нормам помещений судебного участка, утверждённым постановлением столичного правительства.

«Это большое событие не только для аппарата суда, но и для всех жителей Новой Москвы, которые в комфортных условиях смогут принимать участие в судебных разбирательствах», – сказал на открытии участков председатель Щербинского районного суда Алексей Севалкин. Он подчеркнул, что подобное современное здание для судебных участков на территории Новой Москвы возведено впервые. В интерьере новостройки – залы судебных заседаний, приёмная, кабинет мирового судьи, камеры для содержания подсудимых.

По словам Валерия Фоминых, мировые судьи рассматривают в качестве суда первой инстанции дела об административных правонарушениях, о расторжении брака (при отсутствии между супругами спора о детях), о разделе совместно нажитого имущества (при цене иска до 50 тысяч рублей), о выдаче судебных приказов. Что касается уголовных преступлений, в юрисдикцию мировых судей входят те из них, наказание за которые не превышает трёх лет лишения свободы. Правительство Москвы регулярно проводит организационные и практические мероприятия по введению в эксплуатацию новых судебных участков мировых судей и созданию условий для качественного отправления правосудия. Сегодня в городе работают 438 подобных участков, которые образуют эффективную систему функционирования мировых судов. Являясь относительно новым институтом судебного производства, мировые суды способствуют разгрузке районных звеньев судебной системы.

Для удобства москвичей с 2010 года функционирует интернет-портал единого информационного пространства мировых судей и судов города Москвы (www.mos-sud.ru). Здесь можно не только определить номер и адрес любого судебного участка, но и воспользоваться сервисом автоматического расчёта государственной пошлины с формированием бланка оплаты или прокладывания маршрута до участка мирового судьи. На портале публикуются тексты судебных актов, сообщения о назначенных судебных заседаниях, стадиях рассмотрения каждого дела и многое другое.

А для тех, кто не пользуется интернетом, на судебных участках установлены информационные стенды.

В детский сад без проблем

В обязанности Москвы как субъекта Российской Федерации входит создание условий для реализации права жителей на дошкольное образование. К 2013 году число детей, обеспеченных местами в детских садах, увеличилось на 50% и составило 426 тысяч.

Временные правила регистрации заявлений родителей о постановке детей на учёт, утверждённые 5 ноября 2013 года, дают 100%-ную гарантию маленьким москвичам от 3 до 7 лет. Эти правила позволили чётко выстроить приоритетность при предоставлении мест в садиках: чем старше ребёнок, тем больше у него должно быть гарантий, что его право на дошкольное образование будет обеспечено. Кроме того, правила позволяют выделять места в образовательных учреждениях и детям в возрасте до 2 лет 8 месяцев с учётом семейных обстоятельств.

К сожалению, после вступления в силу временных правил возникли неоправданные слухи, которые вызывают опасения у многих родителей. Например, говорят, что «ребёнка можно зарегистрировать только по достижении им трёх лет». Однако выдержка из временных правил гласит: «Заявители могут отметить в заявлении следующие пожелания:

– о направлении ребёнка при достижении им возраста 1 года 6 месяцев для зачисления в группу кратковременного пребывания с указанием желаемого года поступления;

– о направлении ребёнка при достижении им возраста от 1 года 6 месяцев до трёх лет для зачисления в организацию с указанием желаемого года поступления (при наличии свободных мест в организации)».

Таким образом, временные правила не запрещают предоставлять места детям в возрасте до трёх лет и не ограничивают родителей в их пожеланиях.

Ещё один нелепый «слух»: «Детям, зарегистрированным по месту пребывания на территории города Москвы, не предоставляются места в образовательных организациях». Вновь читаем временные правила:

«Регистрируются заявления родителей (законных представителей), дети которых:

– зарегистрированы органами регистрационного учёта по месту жительства на территории города Москвы;

– зарегистрированы органами регистрационного учёта по месту пребывания на территории города Москвы.

В первую очередь рассматриваются заявления родителей, чьи дети зарегистрированы по месту жительства на территории города Москвы. В подавляющем большинстве случаев местами в детских садах обеспечиваются дошкольники, родители которых проходят службу в государственных органах и временно проживают в городе Москве.

Только за 3 месяца, прошедшие с момента вступления в действие временных правил (по состоянию на 28.01.2014), количество заявлений об устройстве детей в дошкольные учреждения достигло 23 тысяч. Анализ обращений показал, что 84% «соискателей» являются москвичами, остальные 16% имеют временную регистрацию. Большая часть заявлений (62%) подана через портал госуслуг, остальные родители воспользовались услугами окружных служб информационной поддержки. 59% москвичей планируют воспользоваться услугами дошкольного образования, начав с группы кратковременного пребывания; около 50% родителей не имеют потребности в устройстве детей в группы раннего возраста на полный день до достижения ими трёх лет; свыше 27% зарегистрированных малышей являются льготниками.

Фёдор ЕВГЕНЬЕВ

«Доктор рядом»

Проект с таким названием задуман городскими властями для обеспечения жителей доступной медицинской помощью.

Каждое помещение тщательно отбиралось городом с учётом потребностей того или иного района и удобством расположения. Мини-поликлиники разместят почти во всех округах столицы, за исключением Центрального. На торги выставлены 17 объектов нежилого фонда с функциональным назначением «медицинское», по льготной ставке 1 рубль за 1 квадратный метр в год, сроком на 20 лет. Аукционы состоятся в марте (приём заявок продолжается). Льготная арендная плата вступит в силу после того, как инвестор, победивший на торгах, отремонтирует помещение и запустит объект в эксплуатацию, начав оказывать первичную медико-санитарную помощь в сфере обязательного медицинского страхования.

Договор аренды содержит и другие обязательные условия. В частности, инвестор вправе оказывать платные врачебные услуги, но в рамках медцентра должен функционировать кабинет бесплатной медицинской помощи. Кроме этого, арендатор может использовать нежилое помещение только для оказания услуг по перечню и в объёме, которые определяет городской Департамент здравоохранения. Заместитель руководителя ведомства Алексей Хрипун сообщил, что первые четыре мини-поликлиники «шаговой доступности» откроются уже в текущем месяце, а всего в 2014 году власти планируют выставить на торги по программе «Доктор рядом» более 100 помещений.

Геннадий Дёгтев, руководитель Департамента города Москвы по конкурентной политике, пояснил, что в аукционах могут участвовать медцентры и индивидуальные предприниматели, имеющие лицензию на медицинскую деятельность и опыт работы в этой сфере не менее трёх лет. Специально для них на официальном портале Тендерного комитета создан сайт dr.tender.mos.ru, где собрана полная информация о программе «Доктор рядом», начиная с документации и заканчивая фотографиями всех выставленных на торги объектов. Но и это ещё не всё. На форуме земельно-имущественных торгов можно задать вопросы не только организатору торгов, но и профильным органам исполнительной власти. По словам чиновника, в ближайших планах – создание виртуального гида, который проведёт «экскурсию» по всем объектам, позволив потенциальным инвесторам осмотреть здание целиком, оценить его техническое состояние и место расположения на карте.

ИТАР-ТАСС

Подготовила **Ирина ЛАЗАРЕВА**

ОТЦЫ И ДЕТИ

Эльфы городских джунглей

Куда уводит подростка страх остаться «вне стаи»

Любой подросток – это клубок противоречий. Он мечется между богатством желаний и возможностями, попыткой самоутвердиться и неумением это сделать. С одной стороны, в каждом подростке необыкновенно сильна готовность вступить в конфликт за правое, на его взгляд, дело. А с другой – не хватает опыта, чтобы самому разобраться в том, где правда. Он стремится к идеальному, но ненавидит, когда его воспитывают. Он всё хочет постичь сам.

РИА «Новости»

«МЫ ПРОТИВ ЗЛА...»

Эти двое – Наташа с Максимом – мои соседи, брат с сестрой. Мы дружим, несмотря на разницу лет. Дружим с тех пор, как однажды Наташа прибежала ко мне растрёпанная, в пальто поверх халата и сапогах на босу ногу.

– Я с пятнадцатого этажа. Пожалуйста, дайте ключ от двери на крышу! Диспетчер сказала, он у вас. Там мой брат.

Оказалось, младший брат Наташи полез на крышу за чьей-то заблудшей кошкой, которая прыгнула на козырёк балкона, а выбраться назад уже не смогла. Позвонили в службу спасения.

– Делать тебе нечего! – ворчал спасатель, вызволявший обоих.

– Дурной у меня Максим, – жаловалась мне Наташа. – Птенцов подбирает, летать их учит. Галка одноглазая у нас уже месяц живёт.

Как-то увидела Максима с огромной кастрюлей в руках. Наташа объяснила:

– Это вроде как шлем. Он в толкинисты подался. Как ему четырнадцать исполнилось, совсем странный стал. Лучше бы помог мне, хоть курьером на лето бы устроился, и то полегче было бы нам с бабушкой. Но не дождёшься. Витает в облаках.

Как толкинисты, собираясь в скверах и парках, распределяют роли, а потом дерутся на палках, я знала. Бородатые парни, в плащах из простыней, периодически дрались на деревянных мечах неподалёку от нашего дома. И в Нескучном саду, и в Филёвском парке их видела. В общем-то, безобидный народ. Ну, живут в своём мире. Но Наташин Макс всё-таки ещё слишком мал, чтобы во взрослые игры входить.

Как-то встретила его во дворе. И Макс рассказал: ребята в парке – это *ролевики* (участники *ролевых игр*), он сам – *толкинист*, а драки на деревянных мечах – дело обычное, вроде тренировки. Я попросила сводить меня на их сходку.

– Тебе там делать нечего, – сказал Макс. – Мы не играем. У нас жизнь. И дел много: мир от дерьма спасаем. Да ты не парься так. Мы против зла, с хорошими не дерёмся. Ну, пока.

Но в этот момент Макс заправил прядь за ухо, и я чуть не закричала: его ухо было не обычное, человеческое, а длинное, неестественно заострённое. Поймав мой взгляд, он чуть смутился:

– Это накладное пока что. Настоящие эльфийские уши делать дорого.

– Так ты... *эльф*?

– Я? Да. *Светлый эльф*. Мы за добро.

«ТЫ ЖЕ МОГ УМЕРЕТЬ!»

Толкинисты – молодёжная субкультура, возросшая на творчестве английского профессора Джона Толкина (1892–1973 гг.), автора знаменитой трилогии «Властелин колец». Подростки играют в описанные у «Профессора» (как часто называют Толкина его поклонники) события, называя себя именами его персонажей.

В 2002 г. *во время переписи населения многие толкинисты писали в графе «национальность» – «эльф»*, причём самое большое в России число «эльфов» в возрасте старше 18 лет оказалось в Перми.

Толкинисты были и в моём классе, и в университете, где я училась. Но мне это увлечение всегда казалось чем-то несерьёзным.

...Между тем моя соседка Наташа стала заходить в гости или звонить почти каждый день. Рассказывала, что Макс дома всё оклеил постерами из фильма «Властелин колец», и даже в туалете у него плакат – какой-то мужик в шлеме и на коне... Что по телефону он часами болтает с девочкой *по кличке Демон*. Что ей, Наташе, пришлось выучить, кто такие *орки, назгулы, гоблины*... Как из дома пропали все консервы: оказалось, Макс их расплющил и сделал из них самодельную кольчугу, а из занавесок – плащ.

С каждым разом Наташины рассказы становились все неправдоподобнее. Но я знала: она не фантазирует и не привирает. С Максом действительно что-то происходит. Он стал ездить на ролевые игры куда-то в подмосковные леса, где большей частью всё заканчивалось массовой гулянкой после «стенок» (драк «стенка на стенку»). Макс, правда, почти и не пил. Приезжал хоть и побитый, но – без похмелья. На просьбы сестры устроиться подработать, отвечал, что занят более важными делами. *Макс спасал мир.*

Он верил, что его миссия – оберегать людей от несправедливости. Влезал в драки, разнимал уже не ворон и котов, а пьяных. Как-то у метро «Фили» завязалась драка. Три парня избивали азербайджанца, торговавшего пивом в киоске. Он не захотел дать в долг пиво и сигареты. Макс попытался оттащить парней, но один из них вытащил нож и ударил Макса в живот.

Только на третий день после операции доктора пообещали: будет жить. В больничной палате Макс показался мне таким маленьким, беспомощным, как будто десятилетним, но смотрел он по-прежнему ясно. Хотела сказать ему, что он герой и как мы гордимся им. Вместо этого вырвалось:

– Ты же мог умереть!

Макс в ответ улыбнулся:

– Глупости. Эльфы бессмертны.

Как увлечение становится у подростка «одной, но пламенной страстью», отторгающей его от реальности? *Исследователи человеческих страхов одним из сильнейших (на втором месте после страха смерти) называют* ***страх остаться вне стаи***.

А поводов к этому у подростков существует тысяча и один. Ты можешь не быть веснушчатым картавым заикой, но если ты слишком высокий, низкий, рыжий, волосатый, умный, глупый, толстый, худой, ты можешь оказаться *вне стаи*. Стать козлом отпущения, которому за шиворот засовывают живого таракана и кого не приглашают ни на один день рождения. Это только в сказке странный и ушастый Чебурашка легко находит себе друзей, *в жизни чаще всего друзьями такого изгоя становятся воображаемые друзья из книг или фильмов*.

Психика подростка крайне уязвима. Особенно если он уже почувствовал, что – «не такой». Спрятаться в сказку легче, чем решить проблему своего взросления. Что тут сделаешь? Не запирать же на замок всего Толкина, да и «Гарри Поттера» заодно! Тем более что, не в пример серии книг и фильмов о маленьком волшебнике Гарри, трилогия Толкина всё-таки образчик хорошей фантастической литературы, которая позволяет ребёнку развить воображение в нашем чересчур прагматичном мире.

Психологи считают, что уход в мир фантастики, сказок нормален и даже необходим на определённом этапе взросления. Это своего рода примеривание на себя социальных ролей. Ведь не все рождаются лидерами, а в сказке можно надеть на себя корону или взять в руки посох волшебника.

Меня тоже в своё время увлекали произведения Толкина. Но к толкинистам не примкнула. Наверное, благодаря маме, которая выбирала мне книги, не менее интересные, но в которых было больше настоящей, подлинной жизни. И, конечно, благодаря тому, что была очень занята: музыкальная школа, верховая езда, бассейн.

Странные ребята с простынями вместо плащей и деревянными мечами часто добрее обычных своих ровесников. Их больнее жалит несправедливость. Они научились сострадать, но, не умея бороться со злом в обычной жизни, уходят туда, где можно из неуверенного в себе очкарика превратиться в грозного борца со злом, над которым никто не посмеет смеяться и с которым все будут дружить и приглашать на дни рождения. Уход в другие миры – это только краешек айсберга, имя которому – одиночество. И может случиться так, что, блуждая по сказке, он забудет дорогу домой.

ОПАСНЫЙ ПЕРЕКРЁСТОК

Вот что об этом возрасте говорит известный психолог и педагог ***Тамара Григорьевна Клещунова***:

– Показателем того, что ребёнок вступает в отрочество, становится изменение его характера. Вкусы, убеждения становятся прямо противоположными родительским. Организм подростка пребывает в состоянии эмоциональной разбалансированности, процессы возбуждения преобладают над процессами торможения в результате эндокринной и гормональной перестройки.

Нужно понимать, хоть это и больно, что кризис в развитии всегда сопровождается сменой авторитетов. Что теперь главными становятся уже не родители и даже не учителя. Именно поэтому часто подростки примыкают к той или иной субкультуре, иногда крайне асоциального характера. Таким образом они самоидентифицируются или выражают свой протест – необязательно против родителей и учителей, иногда это протест против общества в целом.

Что же делать?! Ответ один: любить! Любить – то есть стараться понять подростка, даже если порой он делает нечто совершенно непонятное.

А эльфы, Макс прав, и в самом деле бессмертны. Бессмертно желание каждого нового поколения изменить мир, в который они пришли, к лучшему. Вспомним: все игры, которые в прежние годы сопровождали взросление растущего человека – в те же «Казаки-разбойники», в «Чапая», в «Тимура и его команду», – всё это было освещено идеалами борьбы за справедливость, за торжество добра. И нынешний эльф Макс, избитый хулиганами, вполне может считать себя наследником этих идеалов.

Чем опасен исторический перекрёсток, на котором жизнь подростков у нас оказалась вне поля зрения общества? Ведь толкинизм не единственное забредшее к нам молодёжное увлечение. Принадлежность к тому или иному сообществу визуально довольно легко определить, поскольку каждое имеет узнаваемую символику, стиль поведения, манеру одеваться.

Панков, например, отличает пристрастие к панк-року, татуировки, устрашающие причёски, для них характерна пропаганда наркотиков, алкоголя, насилия, причинения вреда своему телу.

Готы предпочитают чёрный цвет в одежде, имеют собственную узнаваемую символику и манеру одеваться, для них часто характерно негативное отношение к окружающему миру.

Рокеры – это любовь к рок-музыке, подражание кумирам, многие из них прославляют наркотики и алкоголь как неотъемлемую часть жизни.

Неоязычники пропагандируют возврат к славянским корням, язычеству, поклонению силам природы.

Эмо – это культ экзальтации, надрыв, склонность к чрезмерно выраженным эмоциям и даже к самоубийству, узнать их можно по «туннелям» (дырам) в ушах.

Регги, растафари – изначально так назывались приверженцы религии, возникшей на Ямайке. Для них характерно пристрастие к марихуане, отказ от плодов цивилизации, они являются противниками насилия, внешне их можно узнать по особым причёскам – *дредам*.

Веганы – приверженцы диеты, предполагающей полный отказ от еды животного происхождения как от способа питания, в основе которого лежит насилие над животными.

Мнение о том, что уходят в неформалы только дети из асоциальных семей, неверно. Часто дети интеллигентов не могут найти общий язык со сверстниками, и желая быть принятыми и понятыми хотя бы среди «странных», уходят в неформальные течения.

Практически каждая вторая семья когда-нибудь сталкивалась с ситуацией, когда однажды твой ребёнок или ребёнок знакомых приходит домой наголо выбритый или раскрашенный иероглифами. Как в таком случае поступить? Опасно ли это? Всегда ли уход в субкультуры чреват драматическими последствиями? Да, конечно, на эти вопросы каждый родитель должен ответить сам. Но, может быть, ему нужно помочь – популярными брошюрами, серией статей, телевизионными передачами?

Иначе нам не избежать повторения драм и трагедий в самой уязвимой части нашего общества – в среде подростков.

Мария-Алиса СВЕРДЛОВА

ОТРАЖЕНИЯ

Свобода приходит ногами

Один классик сказал: «Революции начинаются от хорошей жизни, а заканчиваются от плохой». Я тоже это заметил – по коту.

У нас есть кот – действующая модель общества. Когда он ест свой любимый дефицитный кошачий корм (с пробиотиками), он очень счастлив. От счастья он жиреет, наглеет и перестаёт с нами здороваться. Пожрал – и на боковую. Куда-нибудь под диван. Подальше от Этих.

А когда начинаешь его (чтоб не лопнул) кормить другим, нелюбимым кормом, он преображается. Сразу умненькая мордочка, мимика, одухотворённое выражение, нежный переливчатый язык хвоста и тела. Заглядывает в глаза, разговаривает, трётся. Всюду с нами, всюду за нами и мурлычет, мурлычет, мурлычет. Такая заинька. Работает котом.

Но как только права будут восстановлены и в углу, где миски, воссияет свобода жрать любимый корм, так сразу опять: «Да пошли вы... Глаза бы мои вас, уродов, не видели». То же и у людей. Я почти полвека живу, кое-что запомнил, приметил. Чем меньше в обществе свободы, тем оно довольнее жизнью. Все на субботник! Смех, гармошка, улыбки. Шарики воздушные, сыр пошехонский, шпроты, вода «Буратино» (после работы), а вечером кино «Белое солнце пустыни» и хоккей с чехами. Счастье?

И наоборот, чем свободы больше, тем сильнее кажется, что её меньше. Какая там гармошка – и то не так, и это не этак. Серо живём. Путина не свергаем, гомосексуализм среди детей не пропагандируем. Аж прямо хочется устроить революцию от такой мучительной жизни.

Обратите внимание: особенность нынешних революций в том, что люди их устраивают, воспользовавшись уже имеющейся у них свободой. То есть в процессе революции свободу не добывают. Наоборот, её тратят. Расходуют в процессе использования. Неудивительно, что некоторые молодые буржуазные революционеры, которым не хватало разве что свободы швырять в полицию «предметами, похожими на лимон», оказываются по итогам своей борьбы в тюрьме.

Я так смекаю, что свобода – она вроде кислорода. Когда её совсем нет – жить нельзя. Когда в меру, 20 процентов, её как будто не замечаешь. Когда меньше, чем нужно, начинаешь задыхаться. Когда больше – пьянеешь, кружится голова. В чистом виде кислород – яд.

Недавно поэт Алексей Ахматов написал в статье, посвящённой творчеству Вячеслава Шишкова (случается, что и поэты статьи пишут): «Человек слаб. Без внешних ограничений, правил, норм, морали и цензуры он зачастую не способен двигаться вверх самостоятельно, тогда как вниз – сколь угодно. (...) Возможно, СВОБОДА, как ни парадоксально, есть главный враг творческого человека. (...) Какая может быть свобода у художника? Он весь в рамках задач, художественной необходимости, технологии и т.д. (...) Художник и свобода уничтожают друг друга. Если побеждает художник – он скручивает свободу в бараний рог. Если побеждает свобода – она превращает художника в себялюбивого и отвратительного дегенерата».

Пылко сказано, но глубоко правильно. Добавлю, что обычно люди искусства подразумевают под свободой определённый сорт удовольствия. Нередко художника охватывает во время работы чувство возбуждённого удовлетворения, в такие моменты ему кажется, что «кто-то водит его рукой», что у него всё получается, и он летает как птица. Это, разумеется всецело «химическая» свобода, происходящая от гормонов. Но пожертвовать ради неё, как и ради наркоманской дозы, художник способен многим.

Актуализация чувства свободы в обществе связана с радостным ощущением карнавала, праздника (часто – непослушания). «Майдан (персидск.) – открытое пространство, торжище»; этой ярмарки краски, разноцветные пляски. Медовый пряник да воздушный шарик.

Свободу ценит обычно тот, кто её лишён. Был у меня приятель, одно время мы вместе собирались посвятить себя литературным трудам, он даже в большей мере (окончил Литинститут), но потом – както начал работать в глянцевых журналах, и засосало. Сейчас «продвигает» косметику или что-то такое. Так вот, он некоторое время назад увлёкся белой лентой и укорял меня, что я не увлёкся: «Свобода, Лев, свобода, жаль, что ты забыл, что это такое»...

Я эти слова запомнил, засели, потому что – ведь и правда забыл, обидно... Я же как кот Матроскин, у меня этой свободы завались, я через дорогу от фабрики «Свобода» живу. А у него – совещания, летучки, ползучки, корпоративы, сорок тысяч одних корпоративов! Вот и ценит.

Но не будешь же бороться за свободу с начальством, которое тебе со всей душой платит зарплату. И с собой, себя её лишившим, не будешь бороться, хотя это было бы эффективнее всего. Вот и приходится бороться с полицией. Будто это она тебя в гламурный журнал с электронной пропускной системой и ненормированным рабочим днём определила.

Лев ПИРОГОВ

КНИЖНЫЙ РЯД

Труды и дни

Г.А. Дёмочкин. **Родители**: История одной семьи из цикла «Антология жизни». – Ульяновск: УлГТУ, 2013. – 344 с. – 75 экз.

История – это что? То, что было до нашей эры? Сто лет назад? Позавчера? И как она происходит? И кто её пишет, фиксирует?

Ульяновский журналист Геннадий Дёмочкин решает этот вопрос на практике. «Антология жизни» – так называется его историко-краеведческий проект. Поучаствовав в избирательной кампании губернатора, владея «темой», он решил раскрыть её с помощью документов, личных свидетельств, хроники событий... Эта форма оказалась продуктивной – так были написаны четыре больших тома «Антологии» о различных исторических периодах жизни региона.

Но, собирая материал для этих книг, Дёмочкин погружался в историю живых человеческих отношений, историю семей, любви, разлуки, войны, быта. Переписка, дневники, документы – правдивые свидетельства жизни его героев. С их помощью была создана «Малая антология» – 20 книжек о жизни тех, кого называют «простыми людьми». Двадцать документальных повествований о дедах, жёнах, матерях, племянницах, об офицерах и студентах, начальниках и колхозниках – о людях, живших и действовавших на фоне Эпохи.

Как известно, кто владеет прошлым – владеет будущим. Вот почему так меняются учебники истории в зависимости от политического климата. Дёмочкин уверен – есть *«народная достоверная история»*, предельно объективная, состоящая вот из таких отдельных судеб – индивидуальных, семейных, родовых. И её должны писать сами люди. Буквально писать: о себе, своём детстве и юности, о школе и армии, о жизни своих родителей и о всех хоть как-то сохранившихся в памяти предках.

Одна из книг в этой антологии – «Родители». В ней Дёмочкин написал о своих родителях и о себе. Не знаю, все ли герои его предыдущих книг были так же искренни в разговорах с журналистом, но в «Родителях» откровенность бесстрашная, порой пугающая. Почему так запомнился незначительный эпизод из детства?.. Потому что в тот день отец был трезвым... Суровое начало.

Со стороны матери ситуация более благополучная – трудолюбивые, зажиточные крестьяне Вятской губернии. Отец её был известен тем, что – грамотный! – написал царю письмо и получил ответ. Уцелел в Гражданскую, в коллективизацию. Бухгалтером работал.

Трагическим автор называет поколение своих родителей. Война, голод, тяжёлый труд, неласковый быт уральского городка, грозные обстоятельства общественной (даже мирной) жизни. Всё это автор фиксирует с дотошностью архивариуса. Записи в трудовой книжке матери, её депутатское удостоверение, военный билет отца, поздравление к 9 Мая, письмо от любимой учительницы, рассказы сестёр матери, племянницы отца, страницы из журналистского блокнота, выписка из истории болезни... Это не ровное течение жизни, не простой хронометраж, а попытка сопоставить события разных времён, осмыслить, составить из «пазлов» образ эпохи. А пазлы – труды и дни родителей автора, его родственников, его самого, детей, жены.

Когда знакомые советовали Дёмочкину взяться наконец за книгу о родителях, то имели в виду главным образом мать: она «человек необыкновенный» – и войну прошла, и на производстве отличалась, и депутатом была, и семью на себе тащила. Такой и предстаёт в книге мать – сильной, ответственной, заботливой. Но и образ отца – пьяницы, горя семьи, которого больше полугода не терпели ни на одной работе – получился тёплым и значительным. Детдомовское детство, жестокость войны – и чуткость, эмоциональность, какая-то стихийная интеллигентность («Я всё же книги читал»), удивительно талантливые рассказы-воспоминания... Как он гордился сыном-журналистом!

С той же исследовательской честностью представляет автор и эпизоды своей жизни: школа, пионерлагерь, институт, женитьба; болезни, безденежье, юбилейные поздравления коллег, мрачные мысли в связи с политическими передрягами 90-х. Портрет такого человека – искреннего, конфликтного, порой наивного, преданного Правде и Родине, который желает напрямую участвовать в истории, творить её и словом, и делом, прочно вписывается в общую картину страны и эпохи. И дети его, воспитанные в тех же принципах, возможно, продолжат его задачу, подтверждая реальность роли семьи как ячейки истории.

Карина ЗУРАБОВА

Издадим книгу от 5 экз.
Центр, рядом с метро. (495) 623 3123.

Мгновения

В НОВОГОДНЮЮ НОЧЬ

Он взял её руку, осторожно отогнул край перчатки и, едва касаясь губами, поцеловал в запястье.

– Я вас люблю, – сказал он виновато.

– Вы? Любите меня? И давно?

– Целую вечность. Я вижу – вы смеётесь? А мне не до смеха. У вас так заблестели глаза, что мне стало не по себе.

– Ну что вы! Просто невероятно! Вот мы с вами едем в автобусе с прекрасного университетского вечера по домам, а у вас в голове некое кавалерское несоответствие. Поэтому простите за ненаучно-фантастический вопрос. За что же вы меня любите?

– Хотите посмеяться надо мной? С какой стати?

– Я историк, серьёзная дама, и мне, уважаемый физик, не полагается сверхмеры веселиться. Вы просто ошеломили меня. Тем более, вам, наверное, известно, что я замужем.

– У меня нет права оскорблять вашего мужа. Я сказал, что люблю вас, и это услышали только вы. Я не чувствую вины и могу повторить фразу, которая вас ошеломила. Разве вам ни разу не объяснялись в любви?

– Можете повторить, если вам так хочется.

– Я люблю вас, Нина Викторовна.

– Спасибо. Ну вот теперь всё сказано и давайте помолчим.

Она отвернулась к окну, он сбоку увидел её чуть-чуть дрожащие от улыбки ресницы, её пленительную, раньше не замечаемую им серьгу, полуприкрытую каштановыми волосами, и ему нестерпимо захотелось взять её руку, отодвинуть край кожаной перчатки и опять осторожно поцеловать в запястье.

Он несмело погладил и сжал ей пальцы. Она вопросительно взглянула на его покорное, какое-то беззащитное лицо и неожиданно сказала с весёлой дерзостью:

– Знаете что, на вечере мы выпили с вами по рюмке, но в голову мне пришла сейчас чертовски бредовая мысль. Поедем куда-нибудь, хоть на Воробьёвы горы, сверху зиму московскую посмотрим! Новогоднюю! Как вы? За или против?

– Не спрашивайте, – ответил он обрадованно. – Неужели вы могли подумать, что я отвечу «против»?

– Значит, сходим на первой остановке и ищем такси. Прокатимся по Москве и – на Воробьёвы...

– С удовольствием.

Они слезли на первой остановке, заснеженной, безлюдной, и засмеялись от окружившей их свободы зимней ночи, от её пустынной в этот час улицы, от розовости озарённых огнями сугробов, от праздничного скрипа снега под их ногами.

– Так гораздо лучше, – сказала она и придвинулась к нему не смущаясь. – Почему вы смотрите на меня, как на исторический экспонат? В автобусе вы были одним, сейчас как будто другим. Почему вы молчите? Я вас не узнаю.

– И я вас. Вы замечательная...

– Если так на самом деле, то поцелуйте меня, – сказала она не то насмешливо, не то с вызовом и сделала шаг, легонько притянула его к себе.

И он подумал, что она серьёзная умная женщина, но ведёт легкомысленную игру с ним, наклонился к её близкому лицу и губами коснулся её виска.

– Ну вот, ей-богу... Поцеловал меня как девочку!

Она поощрительно похлопала рукой в перчатке его по щеке и шутливо приказала:

– Извольте-ка поцеловать меня как мужчина. Вы это умеете?

Он понимал, что она, чувствуя его неловкость в традиционно мужском ухаживании, по-женски с опытной кокетливостью командовала им, и эта смелость обрадовала его. Он неуклюже обнял её, но тут же, опомнившись, с порывистой нежностью приник к её губам, мягко шевельнувшимся под его губами.

– Любая машина – наша! – отрываясь от неё, по-мальчишески крикнул он и выбежал на середину мостовой, взволнованно вглядываясь в обе стороны с надеждой, что ему повезёт: добрый его покровитель помогал ему в эту ночь.

Это место Москвы, заваленный снегом бульвар по ту сторону дороги, отдалённый от шумных нескончаемых толп машин на шоссе, был заповедником января с его новогодними сугробами, залитыми светом фонарей и уличных окон, горевших огнями ёлок на этажах напротив бульвара, и мнилось: где-то не так далеко плавала между небом и снегами греховная музыка, вызывая легкомысленное настроение у обоих.

Они остановили первую попавшуюся машину, оживлённо сказали водителю: «Воробьёвка», а когда сошли на этой самой Воробьёвке, начали искать удобную дорогу для осмотра с высоты города. Такую дорогу они не нашли – даже боковые тропинки были глухо заметены метелями, но это ни ей, ни ему не испортило настроение.

– Вот что, – сказала она, оглядывая черноту неба с острыми угольками звёзд. – Небеса нам не помогают. Будем надеяться на себя. И на меня. Вы не против, мужчина?

– Слухамся, как говорят поляки. – Он с послушным видом приложил два пальца к виску.

– Сейчас снова ловим машину и, если не возражаете, едем ко мне на чашку кофе. Я живу одна. Я – почти разведёнка. Знаете, что это такое?

– Догадываюсь. Но, кажется, вы сказали, что замужем.

– Почти. Я живу в Москве, а муж далеко за океаном. В Сиэтле. Он, представьте, консул. Встречаемся раз в году. Сиэтл – город в Америке, на берегу океана.

И он подумал, что они преподают в одном университете, встречаются в деканате, на учёных советах, на конференциях, всякий раз дружески улыбаются друг другу, и это было обыденно и необъяснимо тепло, когда глядел на её темнеющие ресницы, на её глаза, задорно молодеющие от смеха. Ему нравилось, как она смешливо подымала брови, как приветливо поворачивала голову, когда он обращался к ней. Она, по-видимому, нравилась не только ему, в перерывах между лекциями её окружали студенты, и ему тоже захотелось побывать хоть бы на одной из её лекций по новой истории, но он пока не решался.

«Мне повезло», – опять подумал он, садясь с ней в машину, и, довольный собой, сказал, что теперь должна командовать она, указывая путь до своего дома.

Когда в лифте с высоким зеркалом, какие бывают в многоэтажных московских домах, поднялись на восьмой этаж и вышли на лестничную площадку в окружении солидно обитых кожей дверей, он тщетно попытался заранее угадать дверь её квартиры.

Было ему странно и любопытно; из раскрытой квартиры, задрав хвост, придавливаясь к косяку, тонко, по-детски мяукая, высунулся в переднюю белый котёнок. И она вскрикнула радостно, подхватывая его на руки, прижимая к щеке.

– Ах ты, басурман мой милый! Соскучился? Голодный? Потерпи малость. – И, посадив котёнка на диванчик в передней, договорила: – Мой любимец, мой друг. А теперь раздевайтесь, дорогой гость, проходите в хоромы, где проживает, смех, смех, смех, одинокая разведёнка!

– Почему смех? – удивился он. – Вы довольны одиночеством?

– Привыкла. Стараюсь не думать об этом. Ведь я не могу переменить профессию мужа. Да и он привык месяцами не видеть меня. А телефонные разговоры – это игрушки, светская забава. Садитесь, уважаемый физик, на этот диван к столику. А я посмотрю в баре что-нибудь для вас интересное. Новогоднее. Хотите виски?

– Вероятно, нет.

– Джин?

– Тоже нет.

– А коньяк армянский?

– Это географически поближе. Рюмку выпью. Боже праведный, да у вас целая библиотека, Нина Викторовна! – воскликнул он, с интересом оглядывая заставленные книгами полки в просторной комнате с незадёрнутыми шторами на широких окнах, за которыми сверкали и пылали новогодние огни. – И вы всё прочитали? – Он жестом выразил восхищение. – Или вместе с мужем? Наверное, читали по вечерам вслух?

– Вот здесь всё по истории, учебники, исследования, мемуары, воспоминания, – сказала она нарочито учительским тоном. – Это моё. И вслух я не читаю. А тут – сплошь художественная литература. Это тоже моё царство, тут ближайшие друзья. Особенно, когда остаюсь одна. Да, я ищу дружбы с Толстым, с Буниным, с Чеховым... Но не такой дружбы, как с вами... – Она смело взяла его за плечи и длительно посмотрела ему в глаза. Не выдержав её взгляда, он сморгнул. – Такой дружбы, как с вами, – повторила она и вдруг с улыбкой поправилась: – Хотя вы и сказали, что любите меня... Но какой дружбы я ищу с вами, я ещё не понимаю, не знаю...

– Не знайте и не понимайте, – прервал он её тоже комично: – Не торопитесь.

Он бережно снял её руки с плеч и поцеловал ей пальцы. Она достала из бара коньяк, две рюмки, вазочку с орешками и пригласила к столику:

– Давайте выпьем коньяку и будем рассказывать смешные истории. Но первая рюмка – за Новый год. Мужчина, разливайте. И будьте главой стола.

Он, несколько сконфузясь неопытностью быть главой стола, преувеличенно старательно разлил по рюмкам, они чокнулись и взглянули друг на друга с одной и той же мыслью.

– С Новым годом, Нина Викторовна... правда, вчера прошедшим, – произнёс он, запнувшись. – Если вы не против, позвольте вас поцеловать в щёчку?

– Пожалуйста, не забывайте, что шестнадцать лет мне давно миновало.

И она легонько махнула пальцем по щеке, будто сбрасывая возможный невинный поцелуй, и покорно подалась к нему, приблизив полуоткрытые губы. Этот поцелуй показался ему слишком откровенным, как сладостный внутренний ожог, заставивший его прерывисто вздохнуть, а она отклонилась, сдерживая смех.

– Что с вами, вы были женаты или вы природный холостяк?

– Мы разошлись через двадцать дней после загса. Пожалуй, холостяк.

Они помолчали и выпили коньяк молча. В тишине резко зазвонил телефон, она вздрогнувшими глазами глянула на стенные часы, словно встревоженно проверяя точность звонка, неспешно поднялась и своей гибкой молодой походкой подошла к телефону на письменном столе, помедлила, повернулась к нему спиной и сняла трубку.

РИА «Новости»

Вспоминая эти последние минуты в квартире Нины Викторовны, он ясно помнил, как она стояла у телефона спиной к нему, видел её наклонённую голову, убранные в пучок каштановые волосы на затылке, её серьги, не вполне принятые носить в университет, и по тому, как она быстро произносила: «Да, я одна, я одна!» – он уже не сомневался, что она говорит со своим мужем, и ничего, кроме её голоса, не воспринимал, сознавая единственное – это говорит она, Нина Викторовна, нисколько не стесняясь его присутствия в комнате.

– Я люблю тебя, люблю тебя, люблю тебя! Не выдумывай, ради бога, глупости! Я одна, я одна, я одна! И безумно скучаю по тебе! Я не позвонила, виновата! Молчи, молчи! Я люблю тебя, ненаглядный мой!..

Его уколола невнятная боль в груди, и, обеими руками опираясь о столик, он оттолкнулся от дивана и почему-то на цыпочках двинулся по толстому ковру в переднюю, убеждая себя: уйти, немедленно, сию минуту, не медля ни минуты, вон!..

Она увидела его движение, сдавленно прошептала в трубку: «Я перезвоню», – и бросила трубку, кинулась к нему, как если бы осознала внезапное несчастье.

– Подождите! Стойте! – крикнула она в ненаигранном ужасе. – Подождите, я объясню вам!

– Не стоит, – сказал он глухо.

Неловко справляясь с дублёнкой, путаясь в рукавах, он наконец с облегчением надел её и, охваченный знобящим сквозняком, заговорил неуравновешенным голосом:

– Вы чрезвычайно смелая и... непростая женщина, а я, я совсем другой. Не Дон Жуан и не мушкетёр. Обыкновенный преподаватель, да ещё физики... Вы очень мне нравитесь. Только без лжи. И всё же я благодарю вас. До встречи в университете. Надеюсь остаться вашим хорошим знакомым, если разрешите.

– Что же нам делать, господи, спаси и помоги!.. – застонала она, молитвенно сложив ладони и простирая их к потолку. Но тотчас красивое лицо её исказилось, стало незнакомым, обострённым, злым, она боком рванулась к двери, с отчаянной мстительностью распахнула её и выкрикнула, захлёбываясь в непонятном ему гневе:

– Уходите! Сейчас же уходите! Ненавижу себя и вас! Прочь! Я не могу!..

– Прошу вас, успокойтесь, – сказал он с жалостью.

В комнате, врезаясь в упавшую тишину, зазвонил телефон, она вскрикнула, а он, не застёгиваясь, не надевая шапку, вывалился на лестничную площадку, бессознательно нажал на кнопку лифта. Но тут же прыжками побежал по лестнице вниз с лихорадочной мыслью: скорее бы, скорее!..

Он выбежал из подъезда в новогоднюю ночь, властно опахнувшую его колючей волной мороза, бросившую ему навстречу хаос огней, праздничных пожаров ёлок за окнами на всех этажах, розовые ползающие полосы на гребнях сугробов.

«Какая нелепица! Я схожу с ума! – думал он, торопливо шагая по зло хрустящему снегу. – Зачем эта неестественная ночь! Когда я выходил, мне показалось, на её глазах мелькнули слёзы. Какой же был смысл в её слове «ненавижу»? Что оно значило? Я глупец! Глупец! Я всё понял и не понял ничего. Господи, прости».

У него ослабли ноги, и он обнял фонарный столб, приник лбом к его ледяному уюту, потом поднял голову, едва нашёл в светло-туманном небе еле заметные звёзды, плача и ядовито смеясь над собой от беспомощности.

УБЕЖДЁННОСТЬ

Российская интеллигенция от века утверждала, что свобода и культура жизнеспособны и неразделимы – но это не либеральная форма придуманной морали в расшитом декадентском камзоле и не та власть своеволия, которая отдаёт человека в нечистые руки антиморали, делающая человека несвободным. А та власть, которая требует исполнения естественного долга каждого перед всеми и всеми перед каждым. Это и есть вся суть долга перед жизнью – наивысшая целесообразность в устройстве справедливого общества.

Свобода немыслима без осознания этических обязательств. Нельзя быть освобождённым и от ближнего своего и от природы. Свобода вместе с культурой не инстинкт, не страсть, не ощущение «субъективного образца объективного мира», а разумная убеждённость в общности природы и людей, способная обновить и объединить мир.

«ФЕНОМЕН СМЕЛОСТИ»

– Мой героизм, прямо говоря, дружище мармеладовый, просто сдерживание дрожи в коленках, а ты, милый кореш, вообразил во мне мушкетёра без страха и упрёка или дурака из лаптевки. Не совсем в цель попал. Я, брат, хотел утвердиться в глазах солдат и вылезал из кожи, чтобы доказать и себе и всем, что я феномен смелости... героизма... Понимаешь, что такое феномен? Нет? Ну, не важно! Слово такое от отца слыхал. А на самом деле малость коленочки-то мандражировали, когда я к прицелу орудия сел... Как и у других наводчиков, наверняка, когда «тигры» на тебя в лоб прут...

– Коленочки у тебя не очень заметны. Самоходку и два «тигра» ты без коленочек подбил. Как артист был спокоен, только сигарету жевал, да чёрт тебе проглотить её не помог. А глаза были как фары!

– Храни господь. Может, и чёрт помог! Я был всё-таки сын врага народа. И обязан, должен был выжить, чтобы доказать, что отец не врал! Помню, когда из училища выписывали в часть, были замечательные вопросы в анкете: был ли в оппозиции, состоял ли в других партиях, где и на каком кладбище похоронены родители? Вот как было, милёнок! И всю войну доказывать буду, пока отца помню. А если что со мной, ты знай: был такой в батарее – «феномен смелости». Запомнил?

СОХРАНЁННЫЕ СУДЬБОЙ

Мы были молоды, здоровы, хорошо отшлифованные войной, когда казалось – всё фронтовое закончилось навсегда, но вместе с этим нас ещё не отпускала из железных лап, даже веселила четырёхлетняя опасность и незабытая верность сотоварищества.

Всем нам мнилось: мы стали хозяевами жизни, «царица атак и полей» – пехота и «боги войны» – артиллеристы, сжигавшие прямой наводкой немецкие танки на долгом пути от Сталинграда до Зееловских высот. Мы, сохранённые милостивой судьбой, отделавшиеся ранениями, которые в двадцать лет не помешали нам верить в счастливое везение, обещавшее всю жизнь впереди.

Мы, вернувшиеся в Москву из побеждённой Германии, знакомились на улицах, в многочисленных послевоенных пивных и забегаловках, на танцплощадках, где нас встречали ласковые взгляды юных любительниц модного тогда танго, пропадали на Тишинке, знаменитом в годы войны рынке, переполненном инвалидами и демобилизованными солдатами со всех фронтов, торгующими нехитрыми трофеями разных государств и разных вкусов, покупающими водку, спирт, офицерский табак в пачках, батоны белого и чёрного хлеба, с удальским азартом играющими в «железку» под фронтовые песни лихого, с нагловатыми глазами сержанта, изламывающего меха аккордеона на распахнутой груди.

Мы вернулись в прекрасное время сорок пятого и сорок шестого, время неповторимое, переломное в нашей солдатской судьбе. И началась огромная жизнь с новыми препятствиями, везением и несчастиями, почти равными для нас, познавших сполна и неудачи отступлений, и радость побед.

С тех дней прожита целая вечность, пережито много судеб, дорогих и печальных, добрых знакомств и разочарований, главное же было узнавание недостижимого совершенства искусства, которому до сей поры я учусь и неразделимо предан. Моя биография неразделима с биографией данного мне судьбой времени, а это написанные книги.

Моя правда – это мой талант, неоплаченный долг, подарок Русской земли и родного мне народа. Колыбель моих романов – Урал, Москва, любимое Замоскворечье, Отечественная война. Должно быть, школа войны явила меня как писателя, и всю жизнь со мной была неотделимая мысль, что моё Отечество – неизведанная страна русского духа. Не один я думаю так. Секрет творчества приоткрывается в поиске общей истины, а именно, общей справедливости и общечеловеческой морали в столкновении с причёсанной в модном салоне неправдивой правдой. Литературе противопоказана разгорячённая тщеславность фанатов вычислить квадратуру круга.

Значение очищенного от уличных наслоений слова в том, что мысль-слово прививает добропорядочность нравственных привычек, объединяя людей в противоборстве с политиканским лицедейством и коварством, изготовленных свергнуть евангелические правила и накопленный историей опыт.

Общеизвестно: художественная словесность и философия – это мир и человек, значит, вопросы о Боге и жизни, о смерти и бессмертии, о границах разума и безумия, наконец, о смысле существования.

Да, литература и философия – сёстры одной крови. Цель моей жизни – быть преданным им.

Учебник восприятия

Л.С. Клейн. **Гармонии эпох**: Антропология музыки. – СПб.: ЕВРАЗИЯ, 2013. – 224 с. – 2000 экз.

Примечательно, что эта небольшая по формату книга написана известным и уважаемым специалистом по археологии и культурной антропологии, который всю жизнь искренне любит музыку, но «официально» не имеет к ней никакого отношения. Тем не менее Лев Клейн поставил перед собой сложнейшую задачу – просветить неакадемическим языком такого же, как он, любителя, ввести его в тайны музыкального мира, чтобы научить не просто слушать, но и слышать её, всякий раз постигать её таинство, не будучи жрецом.

Это лаконичный учебник по восприятию музыки. Древнейший из видов искусства, она, конечно же, имеет историю своего развития, но почему именно такими путями, что влияло, кто решал «текущие вопросы» и зачинал направления?.. Довольно скрупулёзный анализ провёл автор, попутно демонстрируя заведомую глубочайшую осведомлённость о предмете своего исследования. А книга действительно исследовательская, и здесь не обошлось без наработанного автором опыта в его основной профессии. Читатель окунается и в природу музыки, и в механизмы, её создавшие и каждый раз создающие (поскольку музыка живёт только в момент своего звучания), и прослеживает ход музыкальной мысли в многоликом контексте мировой культуры. Эти экскурсы во времени увлекательны, как любое путешествие, но здесь – особая атмосфера, здесь течёт могучая река Музыка с притоками, заливами, водопадами...

Зерно же самой книги – изменение гармонии на протяжении истории человечества. Автор доказывает, что перемены в социальной психологии напрямую воздействовали на смены гармонических систем. Всё музыкальное движение зависело не столько от таланта, биографических коллизий, настроения того или иного композитора, сколько от психологического состояния всего общества в разные исторические эпохи. В свою очередь, каждая эпоха несла новую гармонию, отодвигая прошлую, но когда ей на смену приходила следующая эпоха с более новым искусством и непривычной для слуха музыкой, то снова возникала тема ретроградства и революционности...

В результате регулярных повторов этой темы автору удаётся сопоставить разорванные во временном пространстве эпохи по схожести звучания, продиктованного приоритетами в психологической сфере. Например, органум VIII–X вв. находит отклик в современном хард-роке, а возрожденческий контрапункт XIV–XVI вв. звучит в джазе, барочный «свободный склад» свойствен не только музыке Вивальди и Баха, но и бит-ансамблям... Даже если эти сопоставления на первый взгляд могут показаться надуманными, то по прочтении книги с её доказательной базой уже не хочется спорить.

Хочется, подкрепившись теорией, слушать музыку Ars Antiqua, романтиков или сериалистов, искать в ней единоголосие, диссонансы, генерал-басы, альтерации и многое другое, о чём подробно разъясняет исследователь антропологии музыки. И вполне возможно, что достижение именно этой цели наиболее существенно для автора книги «Гармонии эпох» – приглашение слушателей в консерватории, филармонии, концертные залы, чтобы музыка во всём её историческом богатстве продолжала звучать для людей всё новых и новых эпох...

Алла ВЛАДИМИРОВА

ВЗАПРАВДУ!

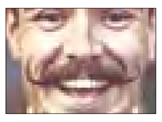
И рейтинг – парадоксов друг

Казалось бы, что плохого в прогнозах? Должен же человек думать о своём будущем! И как обойтись в этих раздумьях без конкретных указаний! Ведь надо на что-то ориентироваться, на что-то опираться... Раньше, при социализме, с прогнозами у нас было неважно. И ничего плохого, как правило, не случалось. Наибольший ажиотаж вызывали прогнозы погоды, которыми заканчивалась программа «Время». В это время в квартирах наступала мёртвая тишина, люди вслушивались в каждое слово диктора, вчитывались в каждую букву и цифру на экране, иногда обмениваясь взволнованными репликами типа «В Ленинграде-то опять дождь». И ничего не было важнее и судьбоноснее того, пойдёт ли дождь в Ленинграде или нет. Ведь из Ленинграда всё на Москву потом движется... И все просвещённые люди верили только этим официальным прогнозам, но мало кто на следующий день их проверял. Если сказали по телевизору, значит, так оно и есть. Именно в те годы мне довелось увидеть в Подмосковье объезжающую площадь поливальную машину при проливном дожде. Вероятно, водитель машины и те, кто поручил ему ответственное задание, свято поверили в прогноз, что погода будет сухая, ясная и жаркая... Встречались, конечно, и в то время люди ненадёжные, которые похаживали к цыганским гадалкам, но те чаще всего просто убегали с деньгами, оставляя незадачливых любопытствующих строить прогнозы самостоятельно.

Однако время шло, и тяга к самосовершенствованию брала своё. Желание обустроить грядущее как можно лучше плюс повсеместная демократизация и гласность вывели на широкие подмостки предсказателей всех мастей. Они прогнозировали буквально всё, заставляя публику замирать от восторга. В итоге произошла массовая парализация воли населения. Зачем что-то делать, если всё равно будет так, как предсказали! И вот во время этой полной апатии в стране объявили первые свободные выборы. Тут шарлатанам-любителям по части прогнозов пришлось потесниться и уступить место профессионалам. И эти профессионалы придумали великолепный инструмент манипулирования общественным мнением. Назвали они его рейтинг. В силу того, что народ ещё с тех, стародавних времён в прогнозы верил свято, на рейтингах он просто помешался. Случалось, жена выгоняла мужа из-за того, что соседи считали, что у него якобы низкий рейтинг. Или граждане начинали платить втридорога за разные пищевые добавки, только потому, что они стояли высоко в какой-то неведомой шкале полезных продуктов. И уж, конечно, на выборах большинство предпочло проголосовать согласно всемогущему рейтингу. И снова никто не удосужился проверить, на основе чего сообщается о преимуществах одного кандидата над другим.

Поняв, что прогнозы и рейтинги – великолепный инструмент, воодушевлённые манипуляторы общественного сознания принялись закреплять достигнутое. Выйдет, к примеру, какая-нибудь бездарная книжка. Но автору кто-то покровительствует наверху или полезен он дюже для каких-то сомнительных делишек, и присобачивают ему сразу огромный рейтинг, заверяя, что только эту книгу и покупают. Народ, естественно, своё любопытство стремится удовлетворить: кто это стал таким популярным? И плюётся потом, купив, но факт уже свершился, книга перекочевала с прилавка в домашнюю библиотеку, а то, что потом она нашла своё место на помойке, книгопродавца не волнует. С рейтингами всё в порядке! Манипуляторы сознания ликуют! Наиболее загадочными являются рейтинги телевизионных программ. Как уж их-то считают! Неужели в каждый телеэкран внедрён специальный чип, передающий строителям рейтингов данные? Считается, что рейтинг иногда формируется путём обзвона. Да кто же в наше время правду скажет?! Да и вопрос можно построить так, что ответ на него будет такой, какой надо. А уж проверить, сколь чистоплотно с ответами респондентов обращаются, возможности нет ни у кого.

Прогнозы и рейтинги теперь воцарились во всех областях. На них опираются макроэкономисты и микрокультуртрегеры, оборонки и электронщики, кутюрье и сомелье. Я думаю, что пора уже создать прогнозы того, как прогнозы не сбываются, в какой последовательности и с какой частотой. О необходимости этого можно было бы даже провести мягкое рейтинговое голосование.



Захар ГУСТОМЫСЛОВ

ИРОНИЧЕСКАЯ ПОЭЗИЯ

Бессвязный романс

Куда же ты исчез с моих радаров?
Я так ждала – пропащего – тебя,
Терзая неповинную гитару,
Батистовый платочек теребя.

И спутник сбился со своей орбиты,
И недоступна связь через астрал.
Душа в смятенье, и мечты разбиты,
Тоска смертельна, и печаль остра.

Четвёртый час в режиме ожиданья,
Без всякого намёка на приват!
В моих нечеловеческих страданьях
Один лишь ты – жестокий – виноват!

В эфир я шлю упорно позывные:
«Ну где же ты, мой Первый?
Я – Второй!»
И грудь вздымает волны кружевные,
И даже слёзы капают порой.

Мой лазерный прожектор
поквадратно
Исследует привычно твой маршрут.
Терпение моё – невероятно,
Так женщины мужчин давно не ждут!

Я верю, милый! Я, конечно, верю,
Что всё-таки смогу тебя найти,
И ты в мои распахнутые двери
Войдёшь, как в зону действия сети.

И объяснится всё предельно просто:
Опять забыл мобильник зарядить.
И ясно всё, и больше нет вопросов,
И все мои тревоги – позади...

Но если ты нашёл себе другую,
То за измену отвечать изволь!
Я так тебя, дружок, запеленгую,
Что ты забудешь даже свой пароль!

Татьяна КОРМИЛИЦЫНА

Случай с немецким туристом

В кустах стояль большой рояль,
И я под ним лежаль.
Майн френд на нём чуть-чуть играль,
Потом под ним лежаль.
Я выпил только полбутыль
Какой-то *сам-огонь*.
А френд – тот выпил целих два:
Он крепкий быль, как конь.
О, как он Вагнера играль!
Я слюшаль и рыдаль...
Потом, натюрлих, он упаль
И больше не играль.
Когда я вновь увидель свет,
Уже быль поздний час.
Майн Гот! Рояля больше нет!
Как он покинуль нас?..
Тяжёлой сумкой позвенель
Майн френд и так сказаль:
– Пока ти спаль, я делаль дель:
Рояль пошель на опохмель –
Так помянём рояль!

Елена ДУНСКАЯ

КОНКУРС ИМ. КОЗЬМЫ ПРУТКОВА

Серёгино сердце

Ничего с собой Серёга не мог поделать! Как увидит хорошенькую женщину, сердце тут же ёкает. И неважно, кто она при этом – аспирантка или простая продавщица, блондинка или брюнетка, замужем или свободная.

Раз сердце ёкнуло – значит, только вперёд, в атаку! И Серёга в лепёшку расшибётся, но всё сделает, чтобы та, на которую безошибочно указало сердце, сдалась и стала его. Пусть и ненадолго, но его.

А вчера оно, неугомонное, раз – и ёкнуло при виде приближающегося к Серёге красавца-мужчины. Плечи – во, усы – во, грудь колесом, глаза горят. «Боже мой! – запаниковал тут Серёга. – В мужика влюбился! Неужто я этим стал, как его... Ну, цвета неба которые? Хотя мужик-то этот, конечно, и ничего, но не хочу, не хочу быть геем!»

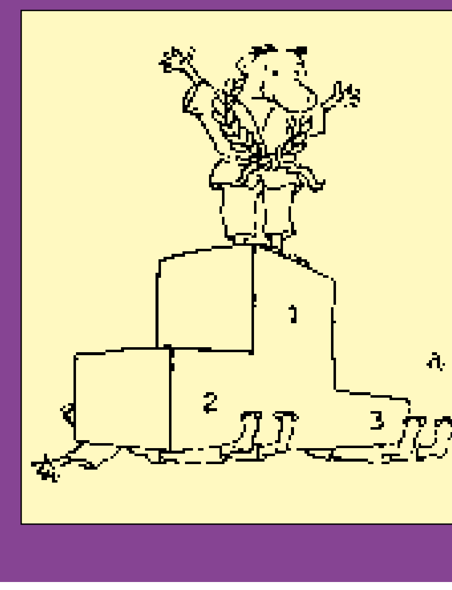
А сердце всё ёкает и ёкает, по мере того как этот красавец к Серёге приближается. У Серёги ноги стали ватными, руки повисли вдоль туловища, как плети. В общем, обмер Серёга, стоит, покорный судьбе, и только об одном думает: «Ну, всё, теперь я его! Сердце меня ещё никогда не обманывало».

И сердце точно не обмануло Серёгу. Этот красавец-мужчина делал что хотел с Серёгой целых пять минут. Причём на виду у всех. Так отделал Серёгу, что теперь его не то что знакомые, но и он сам себя в зеркале не узнаёт.

Зато Серёга безмерно счастлив. Этот красавец оказался всего лишь мужем лаборантки Риты, на которую неделю назад сделало стойку неугомонное Серёгино сердце...

Марат ВАЛЕЕВ, *КРАСНОЯРСК*

ПЬЕДЕСТАЛЫ «КЛУБА ДС»

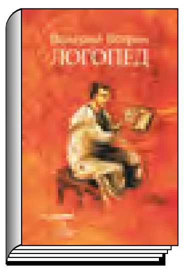


Василий АЛЕКСАНДРОВ

Игорь КИЙКО

ЧИТАЛКА

НовыйВавилон



Если роман, основными персонажами которого номинально являются логопеды, начинается словами «Глава пелвая», читатель мигом понимает, что ему предложено сатирическое произведение. Именно так начинается роман Валерия Вотрина «Логопед» (М.: Новое литературное обозрение, 2013).

Проблемы, над которыми бьются вотринские логопеды, далеки от медицинских. Нет, в этой притче язык – нравственная позиция, правильная речь – прогрессивные взгляды. Здесь рассказывается о борьбе за грамотную речь, о партийных и властных интригах, и через это о человеческой порядочности и коварстве. События сплошь и рядом происходят трагические, кафкианского толка, тем не менее роман представляет собой образец социальной сатиры, где с большим кпд используются комические моменты.

Намёки автора, если так можно выразиться, многообразны. Совершенно неважно, какую конкретно организацию имеет в виду автор, говоря о Тайном департаменте. В разных странах охранки называют по-разному, однако суть их не меняется. Все хороши – выбирай на вкус.

Согласно легенде, Вавилонскую башню не смогли достроить из-за того, что её строители говорили на разных языках. У Вотрина ситуация более замысловатая – все персонажи говорят на одном, а друг друга понимают плохо. Печален конец этой истории: государство трещит по всем швам, власть переходит от одной партии к другой, на площадях сжигают книги, одни люди вынуждены эмигрировать, другие возвращаются. В обществе царит агрессия. И всё из-за того, что люди – логопеды, диктаторы, цензоры, диссиденты, патриоты, карьеристы – не способны найти общий язык.

ВИКТОРИНА

Загадка мраморных подземелий

Ветер переименований, захвативший в постперестроечное время многие названия, для московского метро не стал чем-то из ряда вон. Подобные казусы в столичной подземке за её историю происходили более тридцати раз. «Дворец Советов» становился «Кропоткинской», «Калужская застава» – «Ленинским проспектом», «Мир» – «Щербаковской», а та в свою очередь – «Алексеевской»...

Это официальные названия. А простые пассажиры без всяких согласований с бюрократическими инстанциями давали станциям свои имена, которые становились не менее привычными, чем настоящие. Администрация хочет предложить читателям несколько таких альтернативных названий. Подумайте и скажите, какие послужили им прототипами.

1. «В Китае голод».
2. «Изымайловская».
3. «КЛМН».
4. «Новогвинеево».
5. «Пургеновская».
6. «Супротивная».
7. «Третья конская».

Первые десять читателей, приславших правильные ответы, будут награждены бесплатной подпиской на 16-ю полосу «ЛГ».

КНИЖНЫЙ РЯД

Последняя тайна литературы русской имиграции

В. Агеносов.
Восставшие из небытия:
Антологии писателей Ди-Пи и второй эмиграции. – М.: АИРО-XXI, 2014. – 728 с.– Тираж не указан.

14 марта в Доме русского зарубежья пройдёт презентация первого не только в России, но и в мировой издательской практике собрания избранных произведений писателей послевоенной эмиграции и русских литераторов послеоктябрьской эмиграции, оказавшихся после 1945 г. лицами без гражданства (Ди-Пи – Deplaced Persons).

Как справедливо пишет автор предисловия к антологии, один из первооткрывателей этого пласта литературы поэт и издатель Е. Витковский, «это была прежде всего самая трагическая из волн русской эмиграции: и первая, и третья боролись в основном за визы и за право более или менее легального выезда, вторая волна вся без исключения боролась не за визы, а за жизнь, бежала «из-под кнута-то отчего да под дубину отчима» (И. Елагин)».

Составитель антологии – профессор ИМПЭ им. А.С. Грибоедова В.В. Агеносов во вступительной статье подробно прослеживает долгий путь на родину литературного наследия послевоенной эмиграции. Эта статья, озаглавленная «Несколько слов об архипелаге Ди-Пи и его писателях», представляет собой органичное соединение путеводителя по антологии и популярной характеристики малоизученного литературного феномена, опирающейся на серьёзные научные изыскания самого автора. Исследователь обращается к нормативным и архивным документам, к малотиражным и труднодоступным изданиям (и отечественным, и зарубежным), вводит в широкий оборот фактически всю имеющуюся к настоящему времени научную литературу по теме.

Майя БАБИЧЕВА,
завсектором специальной литературы НИЦ библиографии РГБ

Ведущий Аукционный дом бесплатно оценит и реализует вашу библиотеку на торгах. Срочный выкуп. Тел. + 7 495-695-2784.

Литературная газета

Словесник

Выпуск 5 www.slovesnik.lgz.ru

ТОЧКА КИПЕНИЯ

Говори, да не заговаривайся!

Словесная агрессия – очевидный, негативный, но до конца неустранимый элемент школьной жизни.

Родители упрекают учителей («Много требуют! Слишком придираются!») – учителя обвиняют учеников («С ними не сладишь! Совсем распустились!») – ученики кивают на одноклассников («А чо я-то?! Это Санька виноват!»). Оскорбления, угрозы, насмешки, жалобы, грубые требования – всё это знакомо современным школярам не меньше, чем бурсакам Помяловского или героям «Республики ШКИД».

Некоторые давно известные проявления агрессии получают новые названия, становятся актуальным предметом публичных дискуссий. Аггро – ритуальные действия перед проявлением настоящей агрессии или вместо неё. Буллинг – травля, третирование, преследование одного из членов группы. Хейзинг – издевательства над новичками. Причём от последнего едва ли не в равной степени страдают как учащиеся, так и учителя, достаточно вспомнить недавнюю экранизацию романа Алексея Иванова «Географ глобус пропил»: после первого же урока Виктор Служкин окрестил свой 9 «В» «зондер-командой».

Не менее показательно и то, что опытные, имеющие солидный стаж учителя часто не замечают за собой грубости, бестактности, небрежности в общении, прикрывая педагогическую беспомощность абстрактными понятиями – «жёсткость», «требовательность», «принципиальность». Оправдывают некорректность речи ссылками на «большую загруженность», «сложность класса», невозможность «повлиять по-другому».

Агрессивность поведения школьников во многом обусловлена и стереотипами учительского восприятия: занижением способностей («Современное поколение дебилов!»), сомнением в личностных качествах («Ничего хорошего от них не дождёшься!), навешиванием словесных ярлыков («зубрила», «лентяй», «нахалка», «вертихвостка»). Клише часто не совпадают с действительностью. Это отражено в словах девятиклассника из повести Олега Павлова «Школьники»: *«Однажды я услышал о себе разговор учителей: они рассуждали потихоньку, что, оказывается, я вовсе не такой уж дурак, каким прикидываюсь, а умею даже очень неплохо думать и размышлять. Но то, что я нечаянно подслушал, было и унизительно, и ошеломительно. <...> И так я впервые осознал, что есть огромная пропасть между тем, кто я есть сам в себе или для себя, и мнением обо мне взрослых людей. Будучи умным, школьник должен всегда ещё и притворяться умным...»*

Существует и противоположный стереотип: педагог в представлении ученика. По просторам интернета гуляет перечень любимых учительских фраз: «Вышел и зашёл как положено!»; «Для особо одарённых повторяю ещё раз»; «А голову ты дома не забыл?»; «Ты у меня школу со справкой закончишь»... И ведь именно так и говорят! Это тоже неявный, но вполне реальный повод для проявления агрессии, её внутренний пусковой механизм. Как тонко заметила Бел Кауфман в романе «Вверх по лестнице, ведущей вниз», «большинство ребят ненавидит учителя не потому, что учитель хороший или плохой, а просто потому, что он – учитель».

Окончание на стр. 3

ПРАВИЛА ИГРЫ

Культ речи

Фёдор ЕВГЕНЬЕВ, Антон МЕНЬШОВ

Роль и значение *языка – речи – слова* катастрофически недопонимаются в нашем обществе. Мы забываем, что культура – прежде всего культура речи (где на канале «Культура» хотя бы намёк на разговор об этом?). Образовать и воспитать человека можно только с помощью речи, а о том, что искусство управления есть прежде всего речь, эффективная, целесообразная, но, главное, умная и честная, наши политики и горе-чиновники не догадываются... Значит, учить надо не только запятые расставлять, а науке и искусству речи, которые изначально и являются в русской традиции филологией, словесностью.

Для нас культура речи – это по-прежнему только норма, война относительно твóрог или творóг, звóнит или звонúт... Но культура речи – в том, чтобы управиться РЕЧЬЮ с классом (если ты учишь), коллегами (если ты с ними работаешь и дружишь), коллективом школы (если ты директор), страной, если ты президент...

Культура речи начинается с её *организации*: кто, где, кому и что может сказать... Что может сказать студентам преподаватель, если курс в 18 лекций сокращён до одной с пятью семинарами – остальное отдано на самостоятельную работу студента? Как воспитать культуру устной речи ученика, если главный жанр, на который он нацелен, – письменное тестирование на ЕГЭ? Но какой бы компьютеризацией и «самостоятельностью работы» мы себя ни обманывали, живого слова учителя ничто не заменит.

Во многих вузах чтение лекций без презентации уже запрещено!.. Для чего эта имитация модернизации? Разве ученик и студент не ждут прежде всего сердечно-речевого контакта с учителем, а не рассматривания красивенького экрана, чем обычно заканчивается обращение к обязательной презентации? Взоры учеников – на экране, докладчик считывает текст, а душа слушателей мертва...

В основе культуры речи лежат *духовно-нравственные принципы* человека, которые (хочешь – не хочешь) проявляются в речи. Первое, что воспринимается в общении: человек – хороший или плохой? добрый или злой? честный или лживый? Говорить о нравственности надо не впрямую, но именно словесные науки позволяют учить *нравственности без нравоучения* – в образной форме, путём примера, поступка.

Речевая культура – это культура *чувства*. Если в педагогическом общении нет любви, то ты, преподаватель, – «медь звенящая или кимвал брянчащий». Любовь, симпатия рождаются в результате речевого контакта. Но не всякий учитель-преподаватель выдерживает или умеет создать речевой контакт. Между тем, по М. Сперанскому – «основания красноречия суть страсти».

Речевая культура – культура *мысли*. Кажется, школа должна вкладывать знание, растить интеллект, но когда интеллектуальное развитие лишено эмоционально-нравственной стороны, воспитание личности невозможно (см. статью Аллы Пряхиной, «Словесник», «ЛГ» № 6 (2014 г.). Ведь мысль рождается в глубинах сердечных, а о сердце ученика в современной школе думать некогда. К сожалению, наука о «мыслях» – риторика, предметом которой является речь, – ни школой, ни Минобром не восприняты.

Речевая культура – *культура слова*, ибо слово есть мысль воплощённая. Богатство и выразительность в выборе слов, красота словесного выражения уходят в небытие. Странно, что о «красоте как стиле жизни» у нас говорят только глянцевые журналы, а понятие «красноречие» забыто. Будет ли это слово окрылять, просвещать, умиротворять, организовывать общественное бытие – зависит от словесного (речевого, языкового – здесь это синонимы!) воспитания.

Речевая культура – культура *синтаксиса,* предполагающая искусство соединения и распространения слов в предложении, целом тексте. Здесь сталкиваются две тенденции: простоты (краткости, «суровости», прозрачности) и усложнённости (распространённости, услаждающей широты, изящной затемнённости стиля, когда требуются интеллектуальное усилие и подготовка читателя). Значит, умей выбирать уместный стиль!

Особый разговор – о культуре *произношения*, значимость которой показал в своё время Демосфен. Произношение включало в себя не только «глас» (интонацию, паузы, ритм и темп, дикцию, тембр, звучность), но и «действо» (мимику, жесты, глазной контакт). В СМИ (особенно на популярных радиостанциях) возник новый стиль пулемётно-обыденного произношения, который копируют наши ученики. Эти мальчики и девочки, ставшие ведущими на радиоканалах, признаются по секрету, что руководство запрещает им говорить «культурно», с паузами, чётко и ясно. Создателей стиля не заботит, что мысль при таком воспроизведении не воспринимается...

Впрочем, речевая культура есть! Если каждый из нас спросит себя, видим ли мы образцы хорошей речи, знали мы их в нашем прошлом опыте и наблюдаем ли в настоящем, каждый ответит: «да!» Мы потому и боремся за культуру (которая начинается с культуры мысли и речи), что чувствуем её основы в собственном опыте и возможностях отстаивать этот опыт.

Многое зависит от школы. Любой учитель (будь он биолог или химик) – всегда «словесник». Вот почему предметы «русский язык» и «литература», объединяемые «словесностью», – главные в школьной программе. Общество наконец начинает осознавать этот простой факт – возвращается сочинение. Но ведь хорошо бы воскресить и устный экзамен, выразительное чтение, ибо без чтения вслух воспитать культуру речи невозможно.

Как будут осуществляться эти положительные нововведения – зависит от нашей... речевой культуры. Перегруженность информацией, гнёт бюрократических бумаг и равнодушие «уставшего» ученика рождают новый тип агрессивного бессилия, которое чувствуют мои коллеги на встречах с рядовыми учителями. Между тем хочу сказать всем: ищи счастье в собственном сердце, мобилизуй волю, настрой мысль, найди слова, произнеси одушевлённо и зарази своим образом говорящего или пишущего, того, кто вошёл с тобой в речевое соприкосновение. «Свет ваш да светит перед людьми!..»

Владимир АННУШКИН,
профессор Государственного института русского языка имени А.С. Пушкина

КЛАССНОЕ ЧТЕНИЕ

А жизнь – только слово

Марина Москвина.
Учись видеть. Уроки творческих взлётов. – М.: Манн, Иванов и Фербер, 2014. – 360 с. – 4000 экз.

Я люблю книги М. Москвиной, всегда хорошие и разные – детские сказки, «взрослые» романы, книги-путешествия.

И вот передо мной её новая книга «Учись видеть».

Слово «учись», вынесенное в заглавие, настраивает на то, что это в некоторой степени учебник.

И действительно, сначала кажется, что Марина Москвина решила написать книгу для тех, кто хочет стать писателем, книгу о том, как, перефразируя поэта, «делать тексты».

Но процитированные ею в главе «Золотое правило нашего мастерства» слова Экзюпери: «Учиться нужно не писать, а видеть!» – опровергают это предположение.

Ведь и я, работая со школьниками, как Марина со студентами, ставила задачу вырастить не поэта, писателя, журналиста, а Великого Русского Читателя.

Москвина приводит более 30 книг (писателей как бы не первого ряда), которые необходимо прочесть каждому.

Я не поленилась переписать весь список: и для себя (чтобы многое перечесть, а кое-что и прочесть впервые), и для своих учеников, чтобы вставить в списки внеклассного чтения.

Но в том-то и дело, что книга «Учись видеть» может помочь вырастить не только читателя, но человека, умеющего читать (извините за пафос) Книгу Жизни.

Столько здесь признаний в любви к людям, природе, миру.

Я всегда думала, что человек может быть или творцом, или коллекционером.

Марина Москвина сломала мой стереотип: будучи ярким творцом и своих текстов, и своей жизни, она неустанно собирает (по её собственному признанию, «мешками») тексты – черновики, письма, записки, сочинения – собратьев по перу и учеников.

В сотнях сочинений своих учеников она неустанно ищет – и находит (примеры этих многочисленных находок приведены в книге) жемчужные зёрна.

Например такие.

Яблочный ветер

Ветра не было, а яблоки падали, срывались, сбивались с насиженных мест, шлёпали, как бобры хвостами, по днищам перевёрнутых лодок.

Как будто деревья встряхнулись от осенних дождей и яблоки разметало, как брызги.

Нам всем казалось, что ни ветерка, а ветер гулял в садах, невидимый и неслышный, яблочный ветер, его время пришло.

Яблоки раскалывались на лету и пропитывали яблочным соком землю.

«В чём секрет такой прозы? Тут много разных секретов. Я открою вам один. Этот человек, Юля Говорова, она здорово чувствует ПРЕДМЕТ.

Вы заметили – всё, о чём пишет, она как бы держит в своих ладонях», – комментирует тексты своей студентки Марина Москвина.

Золотые слова.

Но опять-таки не писателя и не читателя (пусть даже Книги Жизни) учит в своей новой книге растить М. Москвина, а человека-творца. Творца собственной жизни, каждого её дня.

Ибо, как писал Н. Бердяев, именно «в тайне творчества открывается природа самого человека и осуществляется высшее его назначение».

По Марине Москвиной, Бог есть творчество. И это звучало бы дерзко, если не понять, что для неё творчество есть любовь.

Инна КАБЫШ

БОЛЬШАЯ МАЛАЯ ЛИТЕРАТУРА

Не спугни книгу!

Признаюсь честно: я не знаю, как научить ребёнка читать.

Никак не могу собраться почитать детям вслух, хотя согласен, что это очень важно. Но сколько я себя помню – читал всегда. Сколько я помню свою дочь – рядом с нею всегда были книги. Сколько наблюдаю своего сына, которому сейчас два года и он выговаривает только отдельные слова, книга – одна из его любимых игрушек. Возьмёт на полке книгу в точке А, перетащит в точку Б и страшно доволен собой.

По-моему, это главное. Книги не должны быть редкостью или мещанским фетишем, наподобие пресловутых «собраний сочинений». Они должны быть *средой*. Частью общего организма дома. Тем, что находится всегда и всюду. Чем живёшь, прирастаешь.

Поэтому, кстати, не надо запрещать детям *портить* книги, если речь не идёт о каких-то дорогих и важных букинистических и антикварных изданиях. Существует нравоучительный пафос: «Книгу нужно беречь, относиться к ней как к святыне». Расшифровывается в родительской практике этот посыл просто: «К книге нужно относиться как к чему-то далёкому, чужому и опасному».

Окончание на стр. 2

ДО САМОЙ СУТИ

Зарницы русского нигилизма

Несчастное сознание в прозе И.С. Тургенева

В современных философских словарях и энциклопедиях мы не найдём статей об И.С. Тургеневе. Составители исключили его из истории русской философии, хотя его «место» в ней отчасти уже давно было определено, к примеру, Д.И. Чижевским. В самом деле, среди русских писателей XIX столетия не было равных Тургеневу по философской эрудиции. Что же касается создания экзистенциальной прозы, то тут он опередил и Льва Толстого, и Достоевского. Поэтому слова Чижевского о том, что «Тургенев не нашёл случая высказать свои философские воззрения в печати», звучат несколько наивно. Можно сказать, всё его литературно-художественное творчество – *это философия в захватывающих образах*. Одно из первых выражений тургеневской *философии жизни* – роман «Рудин», памятник гению «непоколебимой воли» Михаилу Бакунину (1814–1876).

Отучившись на философских факультетах Московского и Петербургского университетов, Тургенев три семестра в Берлине *с наслаждением* штудировал гегелевскую «Феноменологию духа», «Науку логики» и «Энциклопедию философских наук» под руководством профессора Вердера, а вернувшись в Россию, весь *пропитанный философией Гегеля*, претендовал на кафедру философии. Назначение не состоялось, хотя новоявленный гегельянец успешно сдал магистерские экзамены, проявив глубокий интерес к вопросам философии религии, всерьёз начав свою *охоту за мыслью*. Отказавшись от карьеры профессионального философа, Тургенев тем не менее до конца жизни сохранил интерес к проблемам метафизики и внимательно знакомился с новейшими публикациями в этой недоступной для дилетантов области, хотя и посмеивался над своими «гимнастическими упражнениями на поприще философии» в компании Бакунина и его сестры Вареньки.

Недолгое пребывание в Берлине стало для будущего писателя временем духовной закваски, предопределившей философскую тематику и мировоззренческую направленность его *поэтизирующего мышления*. Примечателен тот факт, что на заглавном листе тургеневского экземпляра «Энциклопедии философских наук» сохранились записи о двух важнейших событиях незабываемого 1840 года: смерти Николая Станкевича, которому Тургенев был обязан своим «возрождением» и обретением «цели жизни», и знакомстве с Михаилом Бакуниным. Экзистенциальная значимость этих событий была приоткрыта в его первом романе «Рудин», воплотившем вполне оформившееся «философское убеждение» писателя, о выработке которого он сам говорил как о высшем акте художественного творчества, «величайшем творении искусства». Позднее в статье «Гамлет и Дон Кихот», раскрывая суть уже выработанного им убеждения, он утверждал, что «в этих двух типах воплощены две коренные, противоположные особенности человеческой природы – оба конца той оси, на которой она вертится... все люди принадлежат более или менее к одному из этих двух типов; ... почти каждый из нас сбивается либо на Дон Кихота, либо на Гамлета».

Окончание на стр. 4

БОЛЬШАЯ МАЛАЯ ЛИТЕРАТУРА

Не спугни книгу!

Окончание. Начало на стр. 1

Ничего подобного. К книге нужно относиться как к *своему*. Как к части ежедневного оперативного пространства детской игры. В ней можно черкать, рисовать, делать записи на полях, подрисовывать усы. Скажу больше – из неё можно вырезать ножницами картинки и наклеивать, к примеру, в альбом. Я так делал всё детство, и эти альбомные игры научили меня впоследствии создавать интернет-сайты. Гутенберг для того и придумал книгопечатание, чтобы книга стала *заменимым* объектом, и в игре с ней не вполне сознательного ребёнка не было никакой культурной катастрофы. Впрочем, сейчас удар самой разрушительной детской активности могут принять на себя детские рабочие тетради и развивающие книги, специально предназначенные для того, чтобы в них рисовали, вырезали и т.д. Поскольку подобных изданий, посвящённых истории, культуре, природоведению, очень много, не стоит на них экономить.

Разумеется, у ребёнка должна быть своя собственная библиотека, в которой он будет безраздельным хозяином. Я начал собирать лет в пять. В семь уже формировал заказ на покупку в детском отделе книжного магазина «Факел» (между прочим, сейчас в этом помещении что-то похожее на бордель). А в декабре прошлого года мы с дочкой отправились на книжную ярмарку Non-fiction, где каждый потратил на себя чувствительную сумму.

Дочка потратила даже больше, поскольку у неё пока нет знакомых издателей, стремящихся осчастливить подарком, и вернулась домой с огромным набором книг – от приключений какой-то юной феечки и трёхмерной «Алисы в Стране чудес» до роскошной (тоже с 3d-элементами) книги о... войне 1812 года. Хотя, казалось бы, тема совершенно не девчачья, но, если вспомнить, что ведущим специалистом по этой войне является Лидия Ивченко, то я бы не торопился с гендерными выводами.

Но главное – не что именно купили. Главное – побывать в этом царстве книг. В царстве *выбора*. Этого мне очень не хватало в детстве – выбора и доступности. Сейчас проблема решена, хотя возникло множество других.

Среди этих «других» – медленное, но верное «таянье» библиотек. В сельской местности они практически умерли. Когда-то мальчик из Холмогор смог достать грамматику Смотрицкого и арифметику Магницкого и стал поэтом и естествоиспытателем. А вот не так давно я услышал от высокопоставленного чиновника признание, что федеральный центр не может обеспечить книгами сельские библиотеки, это дело регионов. Но регионы... сами понимаете.

Библиотеки – это системная проблема. Их отсутствие не может заменить даже интернет. Особенно с учётом того, что «борцы за копирайт» воюют с торрентами – единственной технологией, при помощи которой можно получить доступ к редчайшим научным книгам и журналам, которые не всегда есть даже в центральных библиотеках. Ведь официальная оцифровка книг ещё не завершена.

Однако электронное издание не может, на мой взгляд, заменить бумажное. Книга – это запах, это шелест страниц, даже звучание обложки. Если вы побарабаните по нескольким книгам, то обнаружите, что они «поют» по-разному. Ощущение пространства мудрости у тебя на ладони. Заменить это *текстом*, то есть байтами информации, практически невозможно. Такая замена допустима, если бумажной книги не достать. Те же, кто «качает» книги, имеющиеся в ближайшем книжном магазине, обкрадывают сами себя.

Ещё одно моё твёрдое убеждение: ребёнка ни в коем случае нельзя изолировать от книг, «не соответствующих» его возрасту. Напротив, чем раньше он будет получать книги на вырост, прикасаться, перелистывать, скользить глазами по тексту, пусть даже ничего ещё не понимая, тем больше у него будет возможностей, когда он вырастет. Не могу похвастаться, что читал Хайдеггера в младших классах, но на дачу детского сада я заявился с советским учебником истории XIX века и с того момента твёрдо помнил, что Грибоедов подписал Туркманчайский мирный договор. А в 10 лет меня уже невозможно было оторвать от «Нашествия Наполеона на Россию» Е.В. Тарле. Ребёнок со взрослой книгой, даже такой, которую он не понимает, – это прекрасно.

Отдельно надо сказать о таком явлении, как подростковый «интеллектуальный пубертат». Оно характерно для 14–16-летнего возраста, и родители, желающие своему ребёнку нормального умственного и культурного развития, ни в коем случае не должны его пропустить. В этот короткий период молодой ум жадно тянется к знаниям и книгам, ребёнок готов просиживать за ними до ночи, выискивать в библиотеках, «глотать» одну за другой. На поддержку этого стремления необходимо направить все силы – покупать книги, записывать в библиотеки, просить у знакомых, ни в коем случае не докучать разговорами типа: «ну что ты сидишь дома, пойди погуляй», «не читай за столом» и т.д. Современные условия жизни настолько редко способствуют полноценному протеканию этого интеллектуального пробуждения, настолько быстро оно деформируется в пробуждение сексуальное, что заповедь родителя в отношении детского чтения должна быть здесь одна: «Не спугни!»

Егор ХОЛМОГОРОВ,
публицист, политолог, создатель сайта «100 книг»

МУКИ ТВОРЧЕСТВА

- *Тема любви с драматичным концом идёт за Буниным всю его жизнь.*
- *Насколько Обломов, валяющийся на диване между Алексеевым и Тарантьевым, кажется нам неприятным, настолько тот же герой, сам разрушающий любовь избранной им женщины и плачущий над обломками своего счастья, глубок, трогателен.*
- *Однажды Раскольников в одной из забегаловок услышал разговор военнослужащих.*
- *В этом городе нет пейзажей.*
- *Печорин даже становится безумным и беспощадно загнал коня. Но потом Печорин возвращает свой разум в свою голову и снова рассуждает скептически.*

АЛЬТЕР ЕГЭ

Зачем школе национальные писатели?

Обзор российских учебников литературы показывает, что материал в них расположен по принципу «отовсюду понемногу». В сводной программе из дагестанских писателей представлен только Расул Гамзатов, и то «списочно», в перечне рекомендованных к чтению авторов. А в недалёком будущем литература и вовсе будет объединена с предметом «русский язык». Хотя уже сейчас дети читают только то, что нужно для сдачи ЕГЭ.

ИТАР-ТАСС

Образовательные стандарты по литературе провозглашают, что «изучение литературы способствует воспитанию духовно-нравственной личности, осознающей свою принадлежность к родной культуре... уважение к литературам и культурам других народов, обогащение духовного мира школьников, их жизненного и эстетического опыта» и т.д. Примечательно, что для школ с родным (нерусским) языком в перечне основных целей стоит следующее: «формирование умений сопоставлять произведения русской и родной литератур, находить в них сходные темы, проблемы, идеи; выявлять национально-обусловленные различия». Жаль, что эти требования не для всех.

Система школьного литературного образования предполагает целенаправленный отбор произведений для изучения. Важным моментом является оптимальное соотношение компонентов (русская литература, литература народов России, литература ближнего зарубежья, зарубежная литература) и взаимосвязь между ними. Вопрос в том, как осуществлять отбор и устанавливать это оптимальное соотношение.

Заместитель министра печати и информации Республики Дагестан, заслуженный учитель РД, профессор ДГУ Миясат Муслимова характеризует положение дел в литературном образовании ёмко – «катастрофа». Сегодня существует множество программ по литературе (около 16), за этим разнообразием угнаться невозможно. По сути, это дезориентирует учителя. Издание учебников и программ, к сожалению, стало бизнесом. Да, есть примерный круг авторов, но дискуссии и споры на эту тему не утихают. Зачастую из программы исключают классиков ради введения малоизвестных современных писателей.

В рамках нового предмета «русский язык и литература» введена тема «Литература народов России». Учащимся предлагается одно произведение по выбору во фрагментах. Приводится 12 авторов – Мустай Карим, Муса Джалиль, Давид Кугультинов, Кайсын Кулиев, Коста Хетагуров, Расул Гамзатов и другие. В учебнике отведено также место для мифологии и фольклора народов России. И ученик должен решить, чей фольклор он хочет изучать. Есть рубрика – «Многообразие литератур народов России, отражение в них национальных картин мира. Контактные связи русских писателей с представителями других регионов России». Но нет конкретики, не указаны авторы и произведения. Учитель выбирает на свой вкус. И неизвестно, выберет или нет, если вопросы по национальным литературам в ЕГЭ не включаются.

В постсоветский период в программах практически не было национальной литературы. Лишь в 2000-х годах Ф. Курдюмова создала новую переработанную программу, куда вошли и классики национальных литератур. Из дагестанских писателей – Расул Гамзатов. В конце 1990-х годов была разработана программа факультативного курса для 10–11-х классов «Литература народов России» Р. Хайруллина. Но использовать её необязательно. Полагаю, немногие учителя знают об этом факультативе.

В настоящее время на экспертизу сдан учебник по литературе с русским неродным и родным нерусским под редакцией М.В. Черкезовой. Из дагестанских авторов в него включёны Расул Гамзатов и два отрывка из поэмы «Диалоги с Данте» Миясат Муслимовой. Учебник пройдёт также педагогическую экспертизу в школах и лицеях. Каким он в результате станет – неизвестно.

В целом видна тенденция к снижению количества уроков литературы. Прежде было 210 часов в старших классах, сейчас – 140. А если учесть предстоящее слияние русского языка и литературы, то у национальных авторов нет шансов оказаться в базовом списке. Сокровищница дагестанской литературы богата разными именами, однако хорошо, если удастся сохранить в перечне хотя бы Расула Гамзатова.

Раньше было такое понятие, как «национальная школа». Введение ЕГЭ фактически уничтожило его. Причём официально никто об этом не объявил. Закрыли Институт национальных школ в Москве. В РАО была лаборатория литературы, где под руководством авторитетнейшего специалиста в этой области М.В. Черкезовой занимались проблемами диалога культур, преподавания русской литературы в национальной среде. Два года назад лабораторию упразднили. «Национальную школу» заменили на программу по литературе «с русским (неродным) и родным (нерусским) языком». В этой линейке учебников шире представлены национальные авторы. Стандарты по литературе создавались отдельно для национальной и русской школы. Теперь стандарты общие, а деление учебников сохраняется. Но если ЕГЭ не учитывает специфику этих программ, какой смысл в добротных учебниках?

Сегодня изучение литературы превратилось в натаскивание на ответы, разрушаются богатейшие традиции классической методики, ориентированной на развитие личности, письменной и устной речи, формирование культуры глубокого анализа текста. По сути, речь идёт не столько о сохранении национальных авторов в школьной программе, сколько о существовании литературного образования как такового.

Не имея представления о литературе, о культурном своеобразии других народностей, среднестатистический россиянин воспринимает дагестанцев (кавказцев в целом) как чужеродные элементы. В дагестанских школах изучают и русскую, и зарубежную литературу, а о дагестанской литературе в России имеют очень слабое представление. Почему такая дискриминация? Регионы должны серьёзно поднять эти вопросы и научиться находить механизмы влияния на образовательную политику.

Лариса ДИБИРОВА,
МАХАЧКАЛА

КЛАССНОЕ ЧТЕНИЕ

Из варяг в греки и обратно

Юрий Вронский.
Необычайные приключения Кукши из Домовичей. – М.: ОГИ, 2014. – 288 с. – 1000 экз.

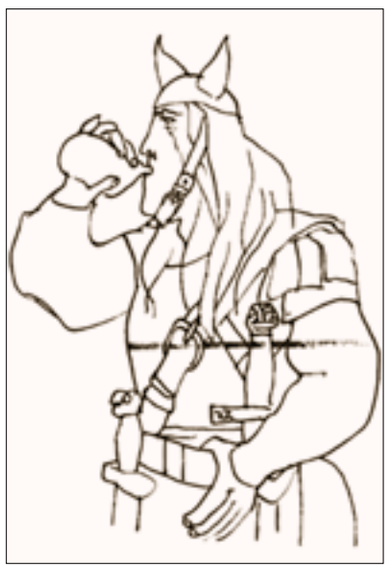
В 1974 году в издательстве «Детская литература» вышла историческая повесть Юрия Вронского (1927–2008) о приключениях славянского мальчика Кукши с иллюстрациями замечательного художника Геннадия Калиновского (1929–2006). Подобно героям авантюрных романов, волею судьбы Кукша оказывается далеко от родного дома, переживает серьёзные испытания, которые заставляют его по-новому взглянуть на жизнь – от язычества он приходит к христианству. Древняя Русь, средневековая Европа, Византия – где только не довелось ему побывать то в роли варяжского пленника, то раба, то воина.

Появлялись переиздания, было написано продолжение, по мотивам повести сняли фильм «И на камнях растут деревья...». Но лишь сорок лет спустя читатели увидели полную версию книги со всеми иллюстрациями Калиновского (изначально их было лишь три), включая эскизы и наброски. Художник предложил своё прочтение – с подробностями и символами конкретной исторической эпохи, безжалостной и воинственной. Он продумал трудоёмкую и выразительную технику, имитирующую обрезную гравюру с её особым штриховым и линейным строем. Получилось своеобразно, не каждый воспримет такую интерпретацию. Но рассматривая страницы книги, понимаешь, что по-другому нельзя, уйдут очарование древности, условности, недосказанности.

Юрий Вронский – детский писатель, переводчик, скандинавист, создал мир, в котором реалии дохристианской эпохи гармонично соединены с художественным вымыслом, мотивами сказаний. Яркие детали складываются в воображении в колоритные исторические картины, и иллюстрации Калиновского их удачно дополняют:

«Просторная гридница, где происходят пиры конунга Хальвдана Чёрного, освещена множеством жировых светильников, они укреплены на железных костылях, вбитых в брёвна стен. Посреди земляного пола пылает очаг, перед ним расположено почётное сиденье конунга, украшенное с двух сторон резными столбами... Конунгу, как и прочим участникам пира, не терпится послушать, что расскажут люди, прибывшие из далёких краёв... Мало-помалу гости начинают рассказывать о далёкой стране Градарики, о её городах, о Ладоге...»

Среди персонажей такие известные исторические личности, как святитель Фотий Константинопольский, Кирилл и Мефодий, князья Рюрик, Аскольд и Дир, норвежский король Харальд Прекрасноволосый и другие. Книга выделяется в потоке фэнтезийной альтернативной истории и будет полезна не только для сердца, но и для ума подростков. Кстати, их родители хорошо помнят и любят эту повесть, о чём свидетельствуют отзывы в интернете:



Сергей
Читал в десятилетнем возрасте, 25 лет назад, перечитывал и помню до сих пор. Прекрасная детская книга. Отличное сочетание познавательности и увлекательности, особенно для тех, кто неравнодушен к истории и приключениям. С удовольствием бы купил сейчас для детей...

Старый Ворчун
...Помню до сих пор – значит, очень хорошая книга... Только надо учитывать одно обстоятельство – мне (в детстве)) она показалась довольно жестокой: младенцы на копьях, рабы и т.п.

Ирина
В детстве эта книга произвела на меня огромное впечатление... Много лет не могла найти в продаже... Советую всем прочитать.

Неизвестный Горький

Л. Спиридонова.
Настоящий Горький: мифы и реальность. – М.: ИМЛИ РАН, 2013. – 440 с. – 500 экз.

Горького называли властителем дум, «знаменем» целого поколения, вечным полуинтеллигентом, убогим мещанином, проповедником доморощенного ницшеанства и вседозволенности и в то же время поражались его эрудиции. Прозаик, драматург, публицист, критик, основоположник соцреализма в литературе, политический и общественный деятель, издатель, основатель нескольких издательств в России и за рубежом, просветитель, организатор культурного и научного процесса в СССР... Его то боготворили, то низвергали, исключая произведения из школьной программы. Такие противоположные оценки, порождающие мифы, не случайны. Он был беспокойным, противоречивым человеком. Необычность биографии и личности писателя, его фантастическая одарённость и потрясающее трудолюбие создали феномен, который критики называют легендой по имени Горький. Автор монографии пытается показать истинный облик этого неординарного человека, развитие его взглядов на мироустройство, творчество, религию, отношение Горького к марксизму и народничеству, его полемику с большевиками, прояснить причины отъезда и возвращения на родину, отношения со Сталиным, раскрыть тайну смерти. Причём его роль и значение анализируются не только в русской литературе конца XIX – первой трети XX века, но и в современном мире. Для решения такой непростой задачи используются впервые публикуемые и малоизвестные архивные материалы. В книгу включено приложение с редкими фотоматериалами.

Братство филологического круга

И. Лобойко.
Мои воспоминания. Мои записки. – М.: Новое литературное обозрение, 2013. – 328 с. – 1000 экз.

Профессор русского языка и литературы Виленского университета Иван Николаевич Лобойко (1786–1861) был эрудированным и разносторонним человеком, занимался историей и языкознанием, библиографией и этнографией. Скандинависты отмечают его вклад в ознакомление русских читателей с древнеисландской литературой, слависты – в расширение и укрепление русско-польско-литовских научных связей, археографы – в создание белорусской археографии, а историографы русской исторической науки пишут о его важной роли в деятельности Румянцевского кружка. Упоминают его и как активного члена Вольного общества любителей российской словесности. Однако жизни и научной деятельности И. Лобойко посвящено лишь несколько работ, изданных главным образом в Литве и Польше, что делает эту книгу особенно ценной. Впервые публикуемые в ней целиком воспоминания профессора освещают малоизвестные страницы истории Российской империи: создание и первые годы существования Харьковского университета, деятельность Вольного общества любителей российской словесности в Петербурге, труды Н.П. Румянцева и членов Румянцевского кружка по собиранию и публикации исторических документов и памятников славянской письменности. Выразительно характеризует автор известных литераторов и учёных – Н. Греча, А. Петровского, Ф. Булгарина, А. Воейкова, А. Мицкевича и др.

Подготовила **Татьяна СЕДОВА**

Уважаемые учителя!

Продолжить обсуждение острых проблем отечественного образования, ситуации с детской литературой и детским чтением, показать свои методические разработки, результаты литературного творчества вы можете на сайте «Словесника»: **http://slovesnik.lgz.ru/**.

В социальной сети на нашем сайте вы найдёте единомышленников, получите компетентные ответы на волнующие вас вопросы. Приглашаем высказаться всех, кому небезразлична судьба школы, русского языка и литературы, для кого важны гуманитарные ценности.

Редакция «Словесника»

ЧЕЛОВЕК И СЛОВО

Собиратель русского лексикона

Главным учителем русского языка называли выдающегося педагога, лингвиста, редактора Степана Григорьевича Бархударова. В марте исполняется 120 лет со дня его рождения.

Он родился в Баку, в армянской рабочей семье. Здесь получил среднее образование. С 1913 по 1918 г. учился на факультете славянской филологии Петербургского университета. Вместе с Ю. Тыняновым посещал кружок Л. Щербы по изучению русского языка.

Большое влияние на его становление оказал академик А. Шахматов. По его рекомендации Степана Григорьевича пригласили на кафедру русского языка. В 1918–1922 годах он преподавал русский язык в школах Пятигорска, Баку, Петрограда. В 1926 году стал доцентом, а в 1932-м – профессором кафедры русского языка Ленинградского государственного университета. Академическую, «профессорскую» Россию, повлиявшую на учёного, с ностальгией и иронией описал Вениамин Каверин в романе «Скандалист, или Вечера на Васильевском острове».

Своё первое пособие по русскому языку – «Задания для заочной подготовки поступающих в Ленинградский Комуниверситет» – Бархударов написал ещё в 1928 году. А в 1938-м он уже стал заместителем директора Института языка и мышления АН СССР, а затем заместителем директора Института русского языка.

Перед войной остро встал вопрос о создании стабильного школьного учебника. По результатам конкурса лучшей признали «Грамматику русского языка. (Учебник для неполной средней и средней школы)», написанную С. Бархударовым в соавторстве с Е. Досычевой. В 1944 году учебник Бархударова вышел под редакцией академика Л. Щербы. Он выдержал 14 изданий. А совместно с академиком С. Обнорским Бархударов подготовил «Хрестоматию по истории русского языка». Через много лет Степан Григорьевич напишет статьи об учёных-лингвистах: Г. Винокуре, С. Обнорском, Л. Булаховском, И. Срезневском, Р. Аванесове.

Он обладал уникальными организаторскими способностями. В 1938–1946 гг. был главным редактором журнала «Русский язык в школе». В годы войны составлял для армии разговорники, следил за сохранностью научных материалов, обеспечивал регулярное дежурство в здании университета. В 1950–1953 гг. он заведовал кафедрой русского языка Ленинградского педагогического института им. М.Н. Покровского. В 1956 году под его редакцией вышел «Орфографический словарь». С 1957-го редактировал журнал «Русский язык в национальной школе».

В 1963 году Бархударов участвовал в дискуссии о русской орфографии, именно ему принадлежат слова: «Нужна не ломка, а улучшение нашего письма».

Круг интересов учёного широкий: лексикология, лексикография, грамматика, словообразование, история русского языка, история русского языкознания, орфография, пунктуация. Большое внимание он уделял проблемам методики преподавания русского языка как родного и как второго языка народов СССР, создал «Грамматику русского языка. (Учебник для карельских школ)». Одной из важных составляющих урока учёный считал творческую инициативу учителя.

В 1970 году за работу над 17-томным словарём современного русского языка Бархударову присудили Ленинскую премию. Он награждён орденом Ленина, двумя орденами Трудового Красного Знамени, медалями.

У Степана Григорьевича прошли школу многие аспиранты. Под его руководством преподавал русский язык в вузе Л. Успенский. Его сын – Л. Бархударов – стал талантливым лингвистом, переводчиком, поэтом.

Профессор Л. Скворцов вспоминает: «...Бархударов личность легендарная... Степан Григорьевич был очень внимательным к нам, молодым. Зазывал к себе в кабинет на дружеские беседы, где, попыхивая неизменной трубкой с «Золотым руном», мог часами рассказывать о своей петербургской (тогда ещё ленинградской) молодости, об известных филологах».

В 2007 году на одном из интернет-форумов Баку обсуждалась тема «Бархударов Степан Григорьевич – филолог, автор учебника «Грамматика русского языка». Один из пользователей написал: «У меня в кабинете находится учебник Бархударова и Крючкова ещё 1947 года издания. Это великолепный учебник, лучше пока не написали. Это не только моё мнение, но и мнение огромной армии учителей». Я до сих пор помню свой школьный учебник по русскому языку, написанный Бархударовым и Крючковым. Благодаря этому выдающемуся человеку долгое время сохранялась необходимая преемственность между школьным и вузовским языкознанием.

Галия АХМЕТОВА,
доктор филологических наук, профессор,
ЧИТА

НЕМОЖНО ТЕРПЕТЬ

События в Бирюлёво или в Бирюлёве?

После происшествия в этом районе в СМИ возобновилась дискуссия лингвистов о склоняемости топонимов на ***-ово***, ***-ево***, их нормативном употреблении в устной и письменной речи. Прочитав разные мнения, я вспомнила название французского фильма «Жить, чтобы жить».

Разве мы склоняем существительное беспричинно и бесцельно? Причина склоняемости–несклоняемости – чисто грамматическая, и объяснение поэтому должно быть собственно грамматическим.

Сама природа склоняемости-несклоняемости связана со структурным типом нашего языка. Русский язык является синтетическим с элементами аналитизма. Это значит, что большинство своих грамматических значений (рода, одушевлённости-неодушевлённости, числа и падежа) русское существительное передаёт синтетически, в одном компоненте, который изменяется (меняются флексии), т.е. склоняется.

Однако и аналитизм русского языка – не чужеродный довесок, не мода на всё иностранное, а обязательная составляющая его грамматических свойств.

Аналитизм проявляется в том, что грамматическое значение выражается не изменением самого слова, а за его пределами. Именно поэтому несклоняемость существительного – это проявление аналитизма. Например, прочитав предложение: ***В комнате леди,*** мы не поймём, сколько там ***леди*** и ***принадлежит*** ли комната ***леди*** или это ***место*** пребывания ***леди***. Нужные грамматические

значения мы можем выразить аналитически, например, с помощью словоформы ***красивая*** (*леди*), которая и находится «за пределами слова».

Но может быть, приведённый пример как раз и говорит о чуждой русскому языку природе аналитизма? Все эти ***леди***, ***ландо***, ***сомелье***, требующие аналитического способа выражения грамматических значений, звучат не очень-то по-русски.

Нет!

Аналитизм укоренён очень прочно и глубоко в грамматической системе русского языка. Обязательные, очень значимые для нашего этнокультурного сознания категории выражаются одновременно и синтетически, и аналитически, т.е. дублируются по способу. Посмотрим, как и сколько раз выражается очень значимое для русского языка и русского сознания значение рода существительного.

Моя прекрасная мама ушла на войну. Четыре раза! Один раз синтетически и даже лексически (***мама***), три раза – за пределами слова, т.е. аналитически.

А значения будущего времени глагола несовершенного вида и значения сослагательного наклонения глагола (***буду читать, читал бы***) вообще не могут выражаться в синтетической форме, т.е. в одном компоненте. Сами формы – аналитические, двухкомпонентные.

Думаю, что самый суровый ревнитель чистоты русского языка согласится с тем, что аналитизм – законное дитя русской грамматической системы.

Вопрос в другом. Какой способ – синтетический или аналитический – в каждом отдельном случае решает свою задачу лучше. Именно ему нормализаторы отдают предпочтение при квалификации грамматических вариантов.

Побеждает обычно тот вариант, который соответствует внутренним законам развития языка, надёжно выполняет свои грамматические функции, не противоречит тенденциям развития грамматической системы и поддерживается внелингвистическими (внешними) факторами.

С этой точки зрения предпочтителен несклоняемый вариант топонимов на ***-ово***, ***-ево***.

Этот вариант поддержан внутриязыковым законом аналогии (слово не склоняется по аналогии с иноязычными топонимами типа ***Палермо***, ***Ровно***). Он исключает неразличение однокоренных топонимов мужского и среднего рода, как это имеет место в случае со склоняемым вариантом, т.е. он лучше выполняет смыслоразличительную функцию. ***Город Пушкин – посёлок Пушкино: в Пушкине (если склонять – одна форма), НО в городе Пушкине и посёлке Пушкино (если не склонять топонимы на -ино).***

И самое главное. Он полностью соответствует общей тенденции к аналитизму русских имён (существительных, числительных и прилагательных), которая обнаружилась не сегодня, а существует уже столетия. Важным фактором является и то, о чём писали многие специалисты. Несклоняемый вариант поддержан традицией употребления топонимов в военной сфере.

Однако дискуссии на эту тему возникают и среди специалистов. Тогда следует опираться на академические грамматики. В нашем случае это «Русская грамматика – 80» под редакцией Н.Ю. Шведовой.

Она прямо указывает на приоритет в языке СМИ несклоняемого варианта: «В разговорной, профессиональной, газетной речи обнаруживают тенденцию к неизменяемости слова-наименования мест на ***-ово***, ***-ево*** и ***-ино***, ***-ыно***: ***до Тушино***, ***из Внуково***, ***от Поронино***, ***около Шереметьево***» (РГ–80, т. 1, с. 507).

Алла КОНСТАНТИНОВА,
профессор кафедры общего и русского языкознания Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина

ТОЧКА КИПЕНИЯ

Говори, да не заговаривайся!

Окончание. Начало на стр. 1

Кстати, то же относится к «бдительной» общественности, недалёким родителям и горе-журналистам, путающим педагогику с психиатрией и стремящимся в любой конфликтной ситуации всё свалить на педагогов. Это они, мол, во всём виноваты: не доработали, не проследили, не проявили должного внимания!

Однако и игнорирование вековых стереотипов восприятия – прямой путь к педагогическим ошибкам, психологическим просчётам, коммуникативным неудачам. Одни учителя намеренно стремятся к авторитарности в общении («Всё равно заставлю!»; «Они у меня ещё попляшут!»; «Пусть ненавидят, лишь бы слушались»). Другие пытаются разрушить шаблоны панибратством и фамильярностью, изображают из себя «чотких пацанов» и «клёвых девчонок». Обе стратегии абсолютно неэффективны, поскольку лишь умножают проблемы в общении с учениками, что приводит к эмоциональному выгоранию и в итоге только усиливает враждебность и недопонимание.

Что можно предпринять для гармонизации отношений с учащимися? Прежде всего нужно дифференцировать и объективно оценивать каждое конкретное высказывание: различать осознанную, намеренную речевую агрессию и непроизвольные, защитные реакции. Первая нередко возникает из желания учителя продемонстрировать властную позицию, личную неприязнь. Такое поведение категорически недопустимо. У школьника складывается субъективное впечатление, будто агрессия педагога направлена не на его поведение в данной ситуации («Сейчас ты поступаешь неправильно»), а непосредственно на него самого («Ты вообще плохой, глупый, невоспитанный»).

Во втором случае агрессия возникает как спонтанная и часто непроизвольная реакция, например на явное нарушение дисциплины, неподчинение обоснованному требованию, прямое оскорбление и т.п. Такое поведение имеет защитный, оборонительный характер и является естественной реакцией на нарушение поведенческих норм. В подобных случаях жёсткость (но не жестокость!) оправдана, а иногда и единственно возможна.

Однако тут тоже надо знать меру и соблюдать правила вежливости. Вместо грубого требования («Закрыли все рты!»), угрозы («Считаю до трёх!»), ответного оскорбления («Класс идиотов!») или обвинения («Вы вообще не умеете слушать!») можно сказать: «Требую тишины!»; «Вынуждена прервать объяснение»; «Крайне разочарована вашим поведением». Хамский выпад можно пресечь бесстрастным вопросом («Отлично, и что дальше?»); враждебный намёк – нейтрализовать перифразом, обнажающим смысл («Да, я очень плохая. Ты ЭТО имел в виду?»); злую насмешку – обезоружить ответной иронией («Смеяться уже можно или ещё рано?»).

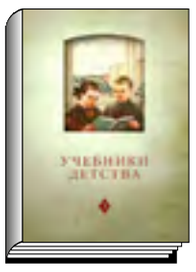
Следует также проявлять речевую гибкость и словесную избирательность, отказаться от категоричности, нетерпимости, заносчивости в общении с учениками. Не считать мнение ребят, не совпадающее с вашим и даже с общепринятым, изначально неправильным и непременно странным. Не подменять разъяснение («Сделай это потому-то... для того-то...») приказом («Делай и не возражай!»). Не сводить воспитательную беседу к занудной нотации, негативную оценку – к примитивному оскорблению.

Наконец, стоит признать, что словесная агрессия не только неэтична, но и неэффективна. Агрессией достигается лишь сиюминутный и неустойчивый результат при очевидной психологической слабости и недостатке профессионализма. Здравая оценка ситуации, контроль над речью, волевая концентрация, эмоциональная выдержка помогают если не устранить, то существенно снизить и предупредить агрессию.

Юлия ЩЕРБИНИНА,
доктор педагогических наук

КЛАССНОЕ ЧТЕНИЕ

На пути к самому лучшему



Учебники детства: из истории школьной книги VII–XXI веков / Сост. Н.Б. Баранникова, В.Г. Безрогов, Г.В. Макаревич. – М.: РГГУ, 2013. – 407 с. – 500 экз.

Иллюстрация из современного издания букваря Тихомировых

«Самым лучшим» назывался в конфуцианском Китае человек, прошедший полный курс обучения и готовый к государственной работе. Разумеется, то, что он должен был знать, не могло определяться волей случая. На протяжении многих сотен лет образовательные программы, а потом и учебники не были явлением случайным, но составлялись тщательным отбором того, что было признано актуальным и первостепенно-важным в ту или иную эпоху. Этому принципу было подчинено всё – от подбора материала и отдельных формулировок до иллюстраций. Нет нужды говорить, что ничего не поменялось и в наши дни, вопрос лишь в том, каковы цели и кто определяет актуальное. И ещё в том, насколько сами учителя принимают в этом участие.

Труд учителя издревле считался уважаемым, но никогда не был лёгким и, увы, никогда не был высокооплачиваемым. В Китае иероглиф «преподавать» был идентичен значению «вспахивать языком». В России один из первых русских букварей (Кариона Истомина, 1694 год) был прекрасной и уникальной книгой, изготовленной, однако, для того чтобы привлечь к себе внимание государя. Лишь в XIX веке учение стало занятием массовым. Важнейшей книгой здесь следует считать букварь Тихомировых, увидевший свет в 1873 году и до 1917 года выдержавший сто шестьдесят одно (!) издание. Этот букварь, в создании которого принимал участие Лев Николаевич Толстой, переиздаётся и поныне, будучи особенно важным для родителей, желающих привить своим детям традиционные ценности.

В советское время книги для начальной школы при строгом единообразии общей идеи приобрели впечатляющую вариативность в зависимости от того, в каком регионе вводился учебник. Так, например, в татарских букварях отсутствовала мать, работавшая на производстве: это не соответствовало патриархальным ценностям. Становятся заметны этнические различия в одежде и даже лицах людей на иллюстрациях. Но при этом пионеры были везде!

Отдельным и интереснейшим опытом были учебники для русских школ, изданные за рубежом. Вызывает огромное уважение то, как русские эмигранты первой волны изо всех сил стремились сохранить русскую идентичность. Был выделен отдельный учебный компонент – «Россика», куда включались следующие предметы учебного плана: русский язык, литература, история, география, Закон Божий, пение. Этот впечатляющий и во многом успешный опыт заслуживает внимательного изучения по сей день.

Что до советской школы, то колебания её общего курса весьма наглядны. Для того чтобы увидеть это, годится даже один учебник – литературы, и более того, одна статья в нём – о жизни и творчестве Ломоносова. «Школьная рецепция Ломоносова начинается практически с нуля, достигает точки максимума в наиболее патриотическом издании 1949 года и чем дальше удаляется от него, тем более приближается к нулю», – пишет Е.Р. Пономарёв. Что ж, не увидеть, с каким историческим событием связан подъём патриотического сознания, включивший в свою орбиту даже такую, казалось бы, идеологически далёкую личность, как Ломоносов, – невозможно.

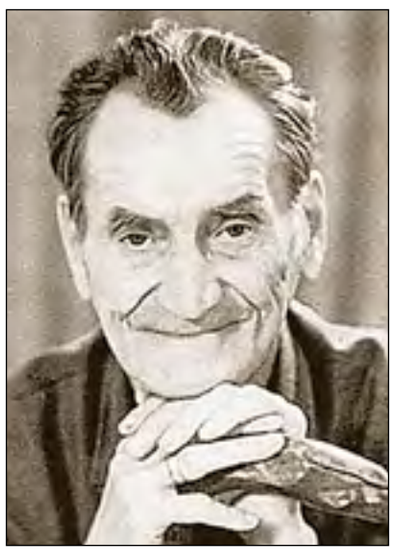
Нет никаких оснований предполагать, что сейчас всё иначе. В 90-е годы вновь резко сократился компонент патриотический, увеличился региональный. Изменения затрагивают даже темы частной жизни. Что такое семья для современного ребёнка? Только ли это мама и папа? А может, это ещё братья и сёстры, бабушки и дедушки? Сохранилась ли свойственная советскому времени «гендерная асимметрия»? Всё это находит отражение в выбранных текстах и иллюстрациях. И, конечно, по-прежнему актуален вопрос: насколько последовательно привлекаются к созданию учебников сами учителя? Дано ли им право определять и подбирать материал? Книга, представленная в этой заметке вниманию читателей, – сборник статей, написанных хорошим, внятным языком, с привлечением обширного исторического и текстового материала. Статьи были зачитаны на международной конференции, посвящённой истории детства, и могут дать довольно объёмную картину истории учебных книг в жизни детей.

Татьяна ШАБАЕВА

ИМЕНА НА ПОВЕРКЕ

А попадают в поэта...

Так уж заведено: стреляют в толпу, а попадают почему-то в поэта. Вглядишься в нашу историю и с тяжёлым вздохом согласишься: да, так оно и есть. Хотя почему только в нашей истории? А что, в истории других стран мало стреляли в толпы, а попадали в поэтов...



14 марта день рождения поэта-фронтовика Фёдора Григорьевича Сухова. Нет смысла повторяться, расписывать биографию этого поэта, созданного войной. А начиналось его время так:

Провожали меня на войну,
До дороги большой провожали.
На село я прощально взглянул,
И вдруг губы мои задрожали.
Ничего б не случилось со мной,
Если б я невзначай разрыдался, –
Я прощался с родной стороной,
Сам с собою, быть может, прощался.

Фамилия соответствовала его внешности. Невысокий, тихий, суховатый. Глаза любопытные, внимательные, смотрят как-то исподтишка. Даже не смотрят – наблюдают оценивающе. Вглядываются. В них нет ни восторга, ни осуждения, а одно тихое, спокойное любопытство. Манера Фёдора говорить, слушать, смотреть до сих пор мне представляется верхом мудрости и человекоуважения.

Прошло немало времени после наших встреч. В 1992 году Фёдор покинул этот мир войн, революций и перестроек – мир любви к ближнему и в не меньшей степени ненависти.

При первом знакомстве, уже зная творчество Фёдора Сухова, я подумал: как пронзительно пишет о войне, а на фронтовика вовсе не похож. Те, кого знал я, как правило, напористые, горячие, хоть сейчас им или шашки наголо, или винтовку в руки и на передовую. А этот вроде бы самой природой создан для тихой, мирной жизни. Для созерцания. Для сочинения душевных стихов. А вместо этого:

Увидела. Припомнила. Узнала.
– Надолго ли?
– Да с месяц поживу.
– А мой Володька... –
И не удержала
Горючих слёз –
Упали на траву.

Ну что сказать ей?
Ничего не скажешь.
С опущенной стою я головой.
Как будто без оружия, без каски
Позорно убежал с передовой.

И в самом деле,
По весне, по маю
В черёмуховой белой тишине
Который раз домой я приезжаю,
А сын её
Всё где-то на войне...

Фёдору и мне достался один номер в гостинице, в котором прожили мы три вечера и утра. А оказались мы вместе по случаю собрания писателей в столице. Как-то вечером обсуждали происходящее, и он тихо так промолвил:

– Да, времена... А знаете, мне уже в пятидесятые годы, после смерти Сталина, нет-нет да и подумывалось: то, как ведут себя партийцы, руководство, идеологи, долго продолжаться не может. – И стал рассказывать о своём пребывании в Волгограде.

– В те годы работал я в газете. Понимаете, ставят вопрос так: надо осудить творчество Пастернака, в частности его роман «Доктор Живаго». Сам роман мало кто прочитал, но – осуждай то, чего не знаешь. Я воспротивился. Назвал Пастернака отличным поэтом, а роман его – прекрасным. Ну, на меня кинулись со всех сторон. Я на своём стою: не обсуждали роман, так как же можно его осуждать.

Упёрся я. Дело дошло до обкома партии. Вызывают туда и без дальних обиняков: ты же фронтовик, поэт, неужели тебе не понятна вся зловредность романа?

– Нормальный, – говорю, – роман.

– Ах так, клади партийный билет на стол.

– Билет этот мне в окопах вручили, – говорю, – а не в кабинетах. Вот когда не станет меня, то он вместе со мной в землю ляжет.

Рассказ Фёдора врезался мне в память. Главное, сам-то Фёдор неказистый, не похож на буйного, а гляди ты, какой кремешек. Это в те годы-то.

Время шло. Не стало Фёдора. Ушёл из жизни поэт-фронтовик, артиллерист-сорокапяточник, подвластный одной идеологии – обострённой человеческой справедливости.

Себя оплакиваю... Рано? Нет, не рано,
Ведь я давно оплакал всех своих друзей,
Всех тех, что полегли костьми на поле ратном
Под грохот огненно дышавших батарей.
И я – уже не я. Я только тень, я эхо
Бегущей по полю, гудящей колеи,
Я – память жившего когда-то человека
В моей измученной бессонницей крови...

Не так давно в интернете узнал подробности той истории.

В 1958 году в Волгоградском отделении Союза писателей СССР прошло собрание, участники которого подвергли осуждению писателя Бориса Пастернака. Фёдор Григорьевич отказался от участия в осуждении и резких оценок. Ещё не раз он вызывал своим поведением неудовольствие областного руководства, поэтому своевольного поэта решили упрятать в психиатрическую больницу. Вот как об этом событии Фёдор Сухов рассказал своему однокурснику по Литературному институту Евгению Карпову:

– Их трое пришло. Я сразу сообразил – из дурдома. Сообразил и говорю: «Товарищ доктор, нормальный я». – «В том-то и дело, – отвечает, – слишком нормальный... Читал я ваши стихи, коллеги мои тоже читали... Одним словом, мы не застали вас дома. Приедем завтра. Вы поняли меня?»

Ночным поездом Фёдор Сухов уехал в Горький. В стихотворении «Я покидаю Волгоград...» он с горечью написал:

Я покидаю двадцать лет
Не очень-то весёлой жизни.

И ещё эпизод, которого я не знал.

В 1987 году книга стихов «Красный Осёлок» была выдвинута на соискание Государственной премии РСФСР. Но Фёдор Григорьевич удивил многих своих собратьев по перу, послав в комиссию письмо с просьбой, чтобы его исключили из списка, поскольку этой премией обойдены многие достойные литераторы. Письмо не напечатали, как просил поэт, положили под сукно, а премию получил один из генералов от литературы.

Да, мужчину украшают поступки. А поступки Фёдора Сухова – это венец мужества и порядочности.

Виктор ГЕРАСИН,
КОТОВСК Тамбовской области

ДО САМОЙ СУТИ

Зарницы русского нигилизма

Окончание. Начало на стр. 1

Договорим за автора, боявшегося испугать читателя «философическими терминами»: *ось*, о которой здесь идёт речь, – это человеческая *воля*, продуцирующая «гамлетовские» качества в том случае, когда она *рефлектирована-в-себя*, и – «донкихотские» в случае её *рефлектированности-в-другое*. В Гамлете **воля, ослабленная рефлексией**, порой обнаруживается в кажущемся безволии. В Дон Кихоте **сильная воля сочетается с иллюзорным сознанием** о самом себе и идеализированном объекте воздействия. Совмещая свойства этих двух «чистых, беспримесных типов», Рудин являл собой некое *переменчивое, двойное сознание*, два устремлённых друг на друга взора, два недовольных и чуждых друг другу «Я», не способных достигнуть единства и примирения, т.е. само неразрешимое *противоречие*. Рудин – воплощение *несчастного, раздвоенного внутри себя сознания,* которое, как писал Гегель, сначала отказывается от своего решения, затем – от собственности и наслаждения и, наконец, «полностью отнимает у себя сознание внутренней свободы», смиряясь перед «мощью судьбы». Со стороны поведение «несчастной личности» кажется бестолковым, двусмысленным, а иногда и просто глупым. В любом случае *несчастный* пребывает в *скорби* о своём прошедшем бытии, оставаясь загадкой и для других, и для себя. Так кто же он в самом деле – «более или менее» Гамлет, Дон Кихот или не укладывающийся в упомянутую типологическую схему *лишний человек*?

Уточним содержание последнего термина, дабы не повторять обычную ошибку интерпретаторов, подводящих Рудина под эту категорию. Повод для недоразумения дал сам писатель, издав в конце 1862 г. в Париже перевод «Рудина» вместе с «Дневником лишнего человека» и вдохновив Герцена на довольно-таки некорректное обобщение: в разряд «лишних» оказались зачисленными литературные персонажи Грибоедова, Пушкина, Лермонтова вместе с их прототипами. И Герцен активно эксплуатировал тургеневский термин в политической публицистике. «Лишний» в его толковании значит *бесполезный*, *ненужный* (в условиях репрессивного режима) человек, не желающий творить зло и бессильный сделать добро. Правда, есть у Герцена и проблески более глубокого понимания открытого Тургеневым «патологического явления»: *всякий мыслящий человек* в России лишний, потому что не может участвовать в происходящем, роковой смысл которого он понял, не хочет быть элементом «бесформенной и безгласной массы низости, раболепства, жестокости и зависти», увлекающей и поглощающей всё. Это *мрачный* субъект, *поглощённый наводящей ужас пустотой, сознающий собственное ничтожество,* пытающийся занять себя чем-то, чтобы только «забыть об угнетающей нас огромной пустоте». Говоря в связи с его появлением (за 12 лет до Базарова) о «первых зарницах нигилизма», Герцен, по сути, отказывается от своей первоначальной трактовки феномена лишнего человека и принимает тургеневскую.

Главная особенность этого «промежуточного» типа, по версии Тургенева, отнюдь не его бесполезность, но присущее ему «излишнее самолюбие», далёкая от нарциссизма эгоцентричность, проявляющаяся в болезненной привычке к самонаблюдению и нежелании существовать в модусе бытия-для-другого, т.е. «быть, как все» только лишь *вожделеющей самостью* (Гегель), иначе говоря, *самцом* по примеру беззаботного воробья (предмета зависти лишнего человека) или социально значимой фигурой при должности. Лишний человек не склонен к самореализации в историческом времени и социальном пространстве, и в этом смысле всегда несовременен и везде неуместен. Его самость не срослась с той или иной социальной маской (покорного или бунтующего сына, завидного жениха или любовника). Он аморфен и асоциален. Отовсюду его вытесняют, гонят. «Сверхштатный человек – вот и всё», – говорит он о себе. Правда, у него всё-таки есть свой угол, своя нора. Но и тут он словно *не у себя дома*, не чувствует себя хозяином жизни; за него хозяйничает *Терентьевна*. Что же касается времени, то оно ему вообще не нужно. То, чего многим якобы не хватает, для него не представляет никакой ценности. Четырнадцать дней, четырнадцать лет и четырнадцать веков в его глазах равноценны по своему бытийному смыслу: они – почти ничто, но вовсе не потому, что блекнут на фоне вечности. «Перед вечностью, говорят, всё пустяки – да; но в таком случае и сама вечность пустяки», – рассуждает автор дневника. С чем же он остаётся? Да ни с чем. Освободившись от всех привязанностей, он остаётся один на один со «страшной пустотой», «наклонённый над безмолвной, зияющей бездной». Это – непреодолимое метафизическое одиночество. Вне себя этот «мнительный, подозрительный, натянутый человек» не видит ничего, что могло бы стать привлекательным объектом для его воления. Но лучше всё-таки *волить ничто*, чем ничего не волить (Ницше). И вот лишний человек оказывается захваченным *волей к ничто*. Тургенев впервые в русской литературе показал *больного* человека в его *бытии-к-смерти*, не верящего в своё личное бессмертие и в гарантирующего таковое трансцендентного Бога, собирающегося «отделаться, наконец, от томящего сознания жизни, от неотвязного и беспокойного чувства существования!» Умирающий Чулкатурин *послушен* зову судьбы (*чулый*), не цепляется за жизнь: «ведь смерть всё-таки святое дело...» Изображая человека, существующего *лицом к смерти*, Тургенев формировал свою экзистенциальную позицию, нашедшую впоследствии ряд впечатляющих выражений в его поздних произведениях, в том числе и в итоговой повести «*После смерти* (Клара Милич)».

И всё же главная особенность лишнего человека – не *заеденность рефлексией*, проявляющаяся в книжном мышлении и *неумении быть самим собой*. Таков русский Гамлет – обитатель Щигровского уезда. Лишний же человек отмечен ещё одним, совсем не гамлетовским изъяном: чрезмерно развитое «излишнее самолюбие» заблокировало в нём слепой *жизненный порыв*, вследствие чего в нём донельзя ослабела *воля к жизни* и он превратился в почти бесполое существо, неспособное «найти приют, свить себе хотя временное гнездо», «знать отраду ежедневных отношений и привычек» и вообще быть каким-либо образом счастливым, т.е. чувствовать себя частью живого целого (как упомянутый Чулкатуриным воробей в стае). Лишний человек не может, да и не хочет быть счастливым, ведь «счастливый человек – что муха на солнце». *Несчастный* может ей позавидовать, лишний – никогда. *Несчастное сознание* для него – пройденный этап: ведь оно, по словам Гегеля, всегда *находит себя только вожделеющим и работающим*, а лишний человек почти порвал с чувственностью и ведёт праздный образ жизни. Перед нами одно из проявлений пассивного нигилизма, *нигилизма как психологического состояния* (Ницше), интуитивно схваченного Тургеневым в изображаемом им «промежуточном типе», ведь и сам он был, по верному наблюдению Герцена, «одним из выдающихся нигилистов», как и «его любимый Шопенгауэр».

Словно забыв о своём художественном открытии, Тургенев в первом романе придерживался рационально выработанной им дихотомической схемы, в которую феномен лишнего человека не укладывался. Гамлетовское «начало отрицания», выражающееся в *безверье*, «духе рефлексии и анализа», *скептическом самосознании*, *иронии*, чувстве собственного превосходства и *презрении к самому себе*, нашло воплощение в фигуре Покорского (Н.В. Станкевича, пропагандировавшего в 1830-е годы, по воспоминанию К.С. Аксакова, «воззрение большею частью отрицательное»). Рудина Тургенев также писал с натуры – *гениальной натуры* Михаила Бакунина, сочетавшего в себе *интеллектуальную любовь к Богу,* «непоколебимую волю» и «склонность к полусознательному, полуневинному обману, к самообольщению». Последнее свойство частенько затмевало и заглушало в нём известные достоинства, за что его иногда и называли «новым Дон Кихотом» (сначала отец, затем друг *Висяша* – Белинский). В первоначальной редакции романа (повести «Гениальная натура») сходство 25-летнего Рудина со своим прототипом «львообразным» Бакуниным было столь явным, что друзья Тургенева посоветовали ему не заострять внимание на мелких недостатках героя (привычке всех поучать и воспитывать, деспотичности, *хлестаковском* легкомыслии и забывчивости в денежных делах), отчётливее прописать черты спиритуала, *энтузиаста*-пневматика, не прячущегося от реальности, а врывающегося в неё со своим несбыточным проектом искоренения мирового зла, склонного к жертвенному поведению, способного умереть у «алтаря божественного слова». В самом деле, нельзя же забывать о том, что бывший романтик-идеалист Мишель к тому времени уже прошёл через огонь европейских революций, тюремные подвалы Саксонии и Австрии, где был прикован цепями к стене, камеры Петропавловской крепости и Шлиссельбурга! Тургенев прислушался к критике и рекомендациям друзей. В итоге хлестаковское в образе Рудина оказалось затушёванным, а «донкихотское» (что начисто отсутствовало в лишнем человеке) засияло ещё ярче. Примечательно, что в одном из писем родным, написанном в камере Алексеевского равелина, Бакунин и сам уподобил свою жизнь «дурному сну потерпевшего крушение Дон Кихота».

Бакунин, по словам Тургенева, это Рудин, *не* убитый на баррикаде: «Я в Рудине представил довольно верный его портрет...» Помня об этом, присмотримся к портретной живописи Тургенева повнимательнее. Создавая образ главного персонажа, писатель запечатлел Мишеля на вполне определённой ступени развития, связанной с таким духовным формообразованием, как разорванное, *несчастное сознание*. Даже в имени персонажа, помимо отсылки к внешнему облику прототипа (рудóй – рыжий, у которого руки «велики и красны», а душа не без *ржавчины*), задана некая непреодолимая **двойственность** – смешение *красного* и *чёрного* (намёк на принадлежность к масонской ложе). Переболев гамлетовскою болезнью внутреннего «распадения» и дисгармонии, перестав хлопотать о личном счастье (было и у него минутное «рудинское» увлечение *Натальей* Беер), беспокоиться о материальном благополучии и карьере, он вполне по-донкихотски начал свою борьбу с мировым злом. При этом у него отсутствовало примечательное качество русского Гамлета – «слабость воли при сознании долга» (Белинский). Поверхностные толкования увековечившего молодого Бакунина романа замешаны на мнимой глубине психоанализа, разоблачающего в Рудине то, чего в нём нет: лишнего человека, сознающего свою неполноценность неудачника. Привыкли оплёвывать Рудина как слабовольного говоруна, у которого слово будто бы расходится с делом. Между тем его жизненное призвание и состояло в том, чтобы в «музыке *красно*речия» выявить и запечатлеть логику своей судьбы и неуклонно следовать ей, а не своим естественным влечениям, случайным настроениям и прихотям. Рудин – ученик *Покорского* и как таковой – **фаталист**. Поэтому и в *пограничной ситуации* объяснения с Натальей он остаётся верным своему жизненному принципу – «покориться судьбе», вызывая негодование семнадцатилетней барышни, размечтавшейся о банальном семейном счастье, согласной и на гражданский брак с «рыцарем печального образа». Нужно заметить, что **покорность судьбе** (аналог гегельянской установки Бакунина на примирение с *разумной действительностью*) в данном случае – не отказ от свободы, но обретение таковой, ибо предполагает *отречение* личности от чувственно данной реальности со всеми её сомнительными благами и **прорыв в пневматосферу**, в область управляющих нами эйдосов-первосмыслов, куда, между прочим, Бакунин и тянул своих *несчастных* друзей – русских «гамлетов», то и дело срывавшихся в депрессивные состояния *тоски и апатии*. Следуя логике своей судьбы, Рудин отказался от домашнего уюта, от брака и семьи, от мира сего и всего, что в мире. Бакунинская **бездомность** Рудина – черта «бесприютного скитальца», который *пришёл к своим, и свои его не приняли*, которому негде приклонить голову. Несмотря на это, он полон воодушевления и веры в осуществимость своей просветительской миссии. Помимо **любви к судьбе** есть в русском донкихотстве ещё одна особенность: оно ведёт войну не с «ветряными мельницами» (как сервантесовский идальго), а с конкретными, ощутимыми проявлениями мирового зла, среди которых наиболее омерзительно то, что Гегель называл «дурным государством», нацеленным на изъятие у людей свободной воли и превращение их в тупую, «бесформенную и безгласную массу». А раз так, это уже совсем не донкихотство. Тут пахнуло настоящей гражданской войной – и не с миражами. Может быть, поэтому *красный* Рудин «в знойный полдень 26 июня 1848 года» – свой *Великий Полдень* – оказывается с *красным* знаменем в одной руке и тупой саблей в другой на парижских баррикадах совсем даже *не лишним человеком*. Не будем забывать, что и Христос, помимо поучения о том, как стать свободным, принёс в мир *меч*. **Несчастный** меченосец Рудин невольно и всё-таки по-донкихотски пародирует архетипически значимый момент в осуществлении мироотрицающей миссии Иисуса, взбунтовавшегося против злого «бога истории». И ещё одна деталь: застреливший Рудина инсургент принял его за поляка. Этот последний тургеневский штрих к портрету русского «Дон Кихота революции» легко объясним всё той же оглядкой автора на Михаила Бакунина 40-х годов, ведущего своё происхождение, согласно семейной легенде, от польского короля Стефана Батория и одержимого вполне позитивной идеей освобождения Польши, ещё непрошедшего ряд «духовных самоотрицаний», которые в конце концов привели его на склоне лет к *активному нигилизму*.

Акварельный автопортрет Михаила Бакунина. 1830-е годы

Иван Тургенев. Рисунок К.А. Горбунова, 1838 г.

Завершая разговор о бакунинских качествах Рудина, нельзя не сказать и о рудинских качествах молодого Бакунина. Пройдя через огонь европейских революций, пережив арест в 1849 году, два приговора к смертной казни, тюремные мытарства, ссылку на поселение в Сибирь и побег из неё, Бакунин не вернулся на круги своя. Он полностью освободился от донкихотского (рудинского) *прекраснодушия*, как ранее изжил в себе гамлетовское *рефлектёрство*, и, убив в себе Рудина, стал в известном смысле *лишним человеком,* причём уже не только в России, но и на Западе, в частности и в Международном товариществе рабочих (Интернационале), к которому примкнул в Лондоне и из которого был изгнан своим «старым другом» Марксом, клеветнически обвинившим его в шпионаже. Бывшие единомышленники Мишеля – московские гегельянцы – наверное, увидели бы в его жизненных неудачах последствия нового *падения*, духовного краха. Мы же, помня о нечаянном прозрении Герцена, скажем: угаданные Тургеневым *первые зарницы нигилизма* предвещали **явление сверхчеловека**, т.е. неведомого ни Шекспиру, ни Сервантесу героя, покончившего со всем *человеческим, слишком человеческим* в себе, ставшего на деле *мастером своей судьбы* и осознавшего «святое, великое, прекрасное значение» смерти. Таким героем для нескольких поколений русских радикалов стал Михаил Бакунин, утверждавший: «Лишь тот существует, кто сам себя самого создаёт».

Александр ВОДОЛАГИН

*Редакционный совет приложения: председатель Всероссийской ассоциации учителей русского языка и литературы **Л.В. ДУДОВА**; учитель гимназии № 1539, заслуженный учитель РФ **Л.С. АЙЗЕРМАН**; поэт, учитель русского языка и литературы **И.А. КАБЫШ**.*

При реализации проекта используются средства государственной поддержки, выделенные в качестве гранта в соответствии с распоряжением Президента Российской Федерации от 29.03.2013 № 115-РП и на основании конкурса, проведённого обществом «Знание» России